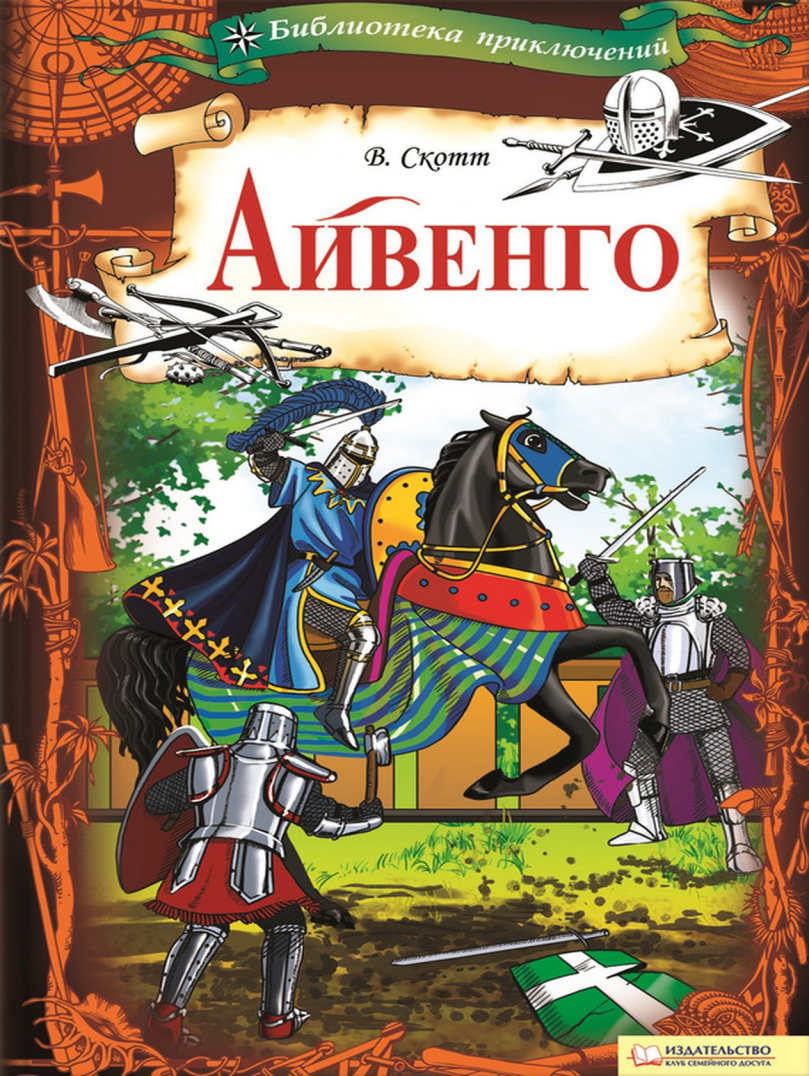
Библиотека приключений

В. Скотт

Айвенго



Издательство
Клуб семейного досуга

Айвенго
Вальтер Скотт

Аннотация
Вальтер Скотт. Айвенго
Истории «шотландского чародея»
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19

Глава 20
Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27
Глава 28
Глава 29
Глава 30
Глава 31
Глава 32
Глава 33
Глава 34
Глава 35
Глава 36
Глава 37
Глава 38
Глава 39
Глава 40
Глава 41
Глава 42
Глава 43

Аннотация

Один из самых популярных романов В. Скотта повествует о необыкновенных событиях, происходивших в средневековой Англии. Вместе с Ричардом Львиное Сердце, Робином Гудом и доблестным Айвенго юные читатели окунутся в мир приключений. Их ждут рыцарские турниры, горящие замки и беззащитные прекрасные дамы…

Вальтер Скотт
Айвенго

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2010

* * *

Истории «шотландского чародея»

Вальтер Скотт (1771–1832) по праву считается основоположником жанра исторического романа. Его творчеством восхищались Александр Пушкин, который называл писателя «шотландским чародеем», а также Николай Гоголь, Лев Толстой и Леся Украинка. Секрет популярности его книг — не в экзотических средневековых нравах и обычаях и не в сложной интриге, а в том, что сближает людей всех эпох и национальностей: в живых человеческих чувствах, которые, по словам самого Вальтера Скотта, «одинаково волнуют человеческое сердце, бьется ли оно под стальными латами пятнадцатого века, под парчовым кафтаном восемнадцатого или под голубым фраком и жилетом наших дней». Писатель открыл неведомую эпоху, целый мир европейского Средневековья. Его книги нередко становились отправной точкой для исследований и научных открытий, а такие романы, как «Айвенго» (1819), принесли ему всеевропейскую славу.

Вальтер Скотт был шотландцем по проис-

хождению, и Шотландия занимала в его сердце совершенно особое место. Будущий писатель родился в Эдинбурге в семье юриста, а все его раннее детство прошло в местечке Сандиноу на ферме деда, куда мальчика отправили восстанавливать силы после перенесенной «лихорадки», на самом деле оказавшейся одной из опаснейших детских болезней — полиомиелитом. Несмотря на все усилия близких, у Вальтера на всю жизнь осталась хромота и ему приходилось при ходьбе опираться на палку. Уже в эту пору проявились удивительные способности мальчика — прежде всего живой ум и феноменальная память. С годами Вальтер Скотт овладел колоссальным объемом знаний, и поэтому при написании обширных исторических романов ему не приходилось рыться в архивах и месяцами просиживать в библиотеках — материал всегда был у него, что называется, «под рукой».

Жизнь на Шотландском пограничье — историческом рубеже между Англией и Шотландией — позволила мальчику познакомиться с шотландским фольклором, старинными балладами о рыцарских временах. Здесь он впервые услышал о разбойниках, хозяйничавших в этих краях. В колледже, куда он поступил, немного

окрепнув, за Вальтером Скоттом закрепилась слава отличного рассказчика. Он увлекся поэзией, организовал в колледже «Поэтическое общество», изучал немецкий язык и знакомился с творчеством немецких поэтов-романтиков. Однако Скотт-старший видел его будущее иным — в 1786 году Вальтеру пришлось поступить учеником в юридическую контору отца, а затем в Эдинбургский университет.

Но даже став профессиональным адвокатом, Вальтер Скотт не утратил интереса к литературе и истории. Во время многочисленных поездок по стране он собирал и записывал народные легенды и баллады о героях шотландского прошлого. А в 1791 году Вальтер познакомился со своей первой любовью — Вильяминой Белшес, дочерью эдинбургского юриста. Она предпочла ему сына состоятельного банкира, за которого и вышла замуж. Это стало для молодого человека страшным ударом, а Вильямина впоследствии не раз становилась прообразом героинь в романах писателя, в частности леди Ровены из романа «Айвенго».

Вальтер Скотт женился на француженке Маргарите Шарлотте Шарпантье и занял должность шерифа в Селкиркшире, а еще через несколько

лет стал одним из секретарей Верховного суда Шотландии. Эти обязанности Вальтер Скотт исполнял до конца своих дней, несмотря на то что главным источником его доходов стал со временем литературный труд.

В 1802 году начинающий автор опубликовал сборник народных баллад под названием «Песни шотландской границы», а затем поэму «Песнь последнего менестреля», которая привлекла читателей к его творчеству. Роман «Уэверли» (1814) поразил читающую публику новизной стиля и живостью описаний старинных шотландских обычаев. В первых своих книгах писатель обращался к недавнему прошлому, события которого были еще свежи в людской памяти, но в 1819 году в романе «Айвенго» обратился к средневековой Англии. Эта книга принесла писателю признание в самых высоких сферах общества, ему был пожалован титул баронета.

За «Айвенго» последовал цикл книг о Шотландии 15–16 столетий, одной из главных героинь которых стала королева Мария Стюарт, а местом действия — замок, в котором ее держали в заточении. Роман «Приключения Найджела» (1822) встретил восторженный прием в Лондоне, а «Квентин Дорвард» (1823) — во Франции. Ин-

тересно, что до 1827 года все книги Вальтера Скотта выходили без указания имени автора, хотя читатели еще со времен появления «Айвенго» отлично его знали.

В 1825 году на лондонской бирже разразилась финансовая паника, и ее жертвами, наряду со многими другими дельцами, стали издатель Скотта и владелец типографии, в которой печатались его книги. Оба готовы были заявить о банкротстве, однако Вальтер Скотт совершил рыцарский поступок, достойный самых благородных из его героев, — взял на себя ответственность за все счета, которые составили громадную по тем временам сумму в 120 000 фунтов стерлингов, и обрек себя на изнурительный многолетний литературный труд, чтобы выплатить долг.

Девятитомный труд «Жизнь Наполеона» и двухтомная «История Шотландии» позволили писателю расплатиться с долгами, но стоили ему невероятного напряжения сил. И без того хрупкое здоровье Вальтера Скотта пошатнулось. Врачи уговорили его отправиться на лечение в Италию, а британское правительство предоставило для этого корабль. В пути писатель внезапно почувствовал себя хуже и распорядился взять обратный курс.

Спустя несколько месяцев автор двадцати шести романов, большинство из которых вошли в сокровищницу мировой культуры, скончался в своем шотландском поместье Эбботсфорд.

Память о «шотландском чародее» увековечена в величественном памятнике, сооруженном в центре Эдинбурга на средства поклонников его творчества. Это грандиозная готическая стела высотой более шестидесяти метров, у подножия которой восседает изваянный из белого мрамора автор «Айвенго», «Роб Роя», «Квентина Дорварда» и других великолепных книг, которые стали «вечными спутниками» многих поколений читателей.

Глава 1

В старину в том живописном уголке Англии, что зовется графством Йоркшир, где на холмах и в долинах шумят леса и быстрые реки несут свои воды к холодному морю, происходило немало удивительных и героических событий. По преданию, тут некогда обитал сказочный уонтлейский дракон; здесь во времена междоусобных войн Белой и Алой розы гремели отчаянные битвы, и в этих же краях бродили удалые разбойники, подвиги которых на протяжении веков прославляются в народных песнях и балладах.

Таково место действия нашей повести.

Описываемые в ней события произошли в двенадцатом столетии и относятся к концу царствования Ричарда I, прозванного Ричардом Львиное Сердце. То была эпоха великих перемен, полная жестоких и кровавых событий. Завоеватели-норманны, столетием раньше вторгшиеся в страну, пытались окончательно подчинить себе англосаксов, которые владели этой землей на протяжении нескольких веков. Фактически в Англии жили — и далеко не мирно — два народа,

говоривших на разных языках, и ни один из них не желал признавать главенства другого. Но особенно острой была вражда между знатными феодалами и верховной властью. На протяжении всего XII века короли Англии упорно боролись со своими вассалами — герцогами, графами и баронами, отстаивавшими право безраздельно господствовать на принадлежащих им землях. По законам того времени они подчинялись только главе государства — королю, но на деле были почти независимы от него. Их союз скрепляла только клятва верности, которую своенравные и корыстные феодалы то и дело нарушали, а случалось, даже развязывали войны против своего законного владыки. Масла в огонь нескончаемых раздоров подливали беспрестанные ссоры между норманнскими баронами и старой знатью — саксонскими землевладельцами-танами.

В этой жестокой борьбе, охватившей всю страну, короли находили поддержку у простого люда — ведь для вольного земледельца-йомена и ремесленника главным врагом был норманнский феодал, стремившийся превратить свободных граждан в крепостных. И немало простолюдинов действительно превращались в рабов, чаще всего из-за долгов, которыми опутывали их земле-

владельцы. Уделом таких рабов и их потомства становился самый тяжкий труд в каменоломнях, на раскорчевке лесов, на скотных дворах и в поле.

Ричард Львиное Сердце, король, которого называли «странствующим рыцарем на престоле», надолго покинул свое беспокойное отечество, исполняя клятву, данную Святому Престолу, — отправиться в Палестину и нанести сокрушительное поражение султану Саладину, окончательно отвоевав у мусульман право владеть великой святыней — Гробом Господним. Для этого необходимо было укрепить рубежи Иерусалимского королевства — государства, созданного на Святой земле рыцарями-крестоносцами еще во времена первых крестовых походов.

В то время образ рыцаря-крестоносца стал одним из самых почитаемых в христианском мире. Эти закаленные воины, носившие на плащах знак креста, на протяжении многих лет противостояли натиску «неверных», совершая порой невероятные подвиги. Многие из них становились членами духовно-рыцарских орденов, принося обеты бедности, послушания и безбрачия. Одним из первых возник орден Храма, иначе называемый орденом тамплиеров. Он ставил

своей задачей защиту христианских завоеваний в Палестине, но уже в XII веке приобрел такие богатства и могущество, что начал диктовать свою волю европейским монархам и вмешиваться в отношения между государствами.

Бесстрашному и великодушному Ричарду сопутствовала воинская удача, а его полководческий дар и отчаянная храбрость были известны всей Европе. Немало было у короля-рыцаря и друзей, и врагов, но ни один из его противников не посмел бы отрицать, что успех Третьего крестового похода, когда султан Саладин, осажденный в укрепленной твердыне Аккон, был вынужден сдаться, принадлежит Ричарду.

Тем временем, воспользовавшись отсутствием законного короля, власть в Англии коварно захватил его брат, принц Джон, которого поддерживала норманнская знать. Прослышав об этом, Ричард Львиное Сердце немедленно покинул Святую землю и поспешил на родину. Однако на полпути, неподалеку от Вены, его обманом захватил в плен злейший враг — германский император Генрих VI, враждовавший с Англией.

К отчаянию своих подданных, измученных тиранией норманнской знати, Ричард оказался в темнице. А между тем в его владениях осталось

совсем немного саксов, сумевших сохранить земли своих отцов. Злодеяния баронов множились изо дня в день, принц Джон разорял страну, а знать требовала для себя все новых вольностей и привилегий. Вражда и ненависть между норманнами-победителями и побежденными саксами росли не по дням, а по часам.

* * *

Багровое солнце садилось за густым дубовым лесом. Местами к дубам примешивались бук, остролист и другие кустарники, росшие так тесно, что, казалось, совершенно не пропускали его косых лучей. Но иногда деревья расступались, образуя просеки, тропинки, поляны и лабиринты, и можно было даже услышать тихое журчание ручья, бегущего по невысокому холму.

По склонам холма лениво бродило стадо свиней, а на вершине его расположились, мирно беседуя, — судя по наружности и одежде, — два йоркширца. Старший из них был плечистым бородатым человеком, угрюмым с виду и диковатым. Он был одет в потертую куртку мехом наружу, перетянутую широким кожаным поясом с медной пряжкой. За пояс был заткнут длинный, остро отточенный нож с роговой руко-

яткой. Непокрытая голова свинопаса с густыми, всклоченными, цвета ржавчины волосами была устало опущена к земле, а крепкую шею охватывало наглухо запаянное медное кольцо вроде собачьего ошейника с надписью саксонскими буквами: «Гурт, сын Беовульфа, раб Седрика Ротервудского».

Рядом с Гуртом сидел человек лет на десять моложе. Подвижное и худощавое лицо его выражало любопытство и хлопотливое нетерпение; разговор между приятелями шел на англо-саксонском наречии, на котором говорило все простонародье, кроме норманнских солдат и людей, непосредственно приближенных к вельможам. Наряд, по виду похожий на одежду свинопаса, был из лучшей материи и необычного покроя. Малинового цвета куртка, местами покрытая яркими узорами, а поверх нее — короткий и широкий суконный замызганный плащ, подбитый ярко-желтой тканью. Плащ этот можно было перекидывать с одного плеча на другое и по желанию обертывать вокруг тела. На руках позвякивали серебряные браслеты, а на шее виднелся такой же ошейник, но серебряный и с надписью: «Вамба, сын Безмозглого, раб Седрика Ротервудского». Худые ноги Вамбы были обуты

в длинноносые башмаки, один из которых был красным, а другой — желтым, голову покрывал колпак с бубенчиками, звеневшими при каждом движении, а за поясом торчал деревянный бутафорский меч.

В отличие от своего мрачноватого приятеля Вамба ни минуты не мог усидеть на месте; его физиономия домашнего шута, то глуповатая, то лукавая, даже здесь, вдали от поместья, словно продолжала забавлять скучающих господ и уже начала раздражать свинопаса.

— Чертово отродье! — воскликнул Гурт, поднимаясь и трубя в рог, чтобы собрать свиней, которые разбрелись по пастбищу в поисках желудей. Стадо отозвалось разноголосым хрюканьем, но и не подумало покинуть тенистые и заболоченные берега ручья. — Будьте прокляты, негодные твари, и я вместе с вами! Фангс! Бездельник! — прикрикнул он на косматую овчарку. — Пусть сам дьявол вышибет тебе все зубы! Ты что тут развалился, старый дурень, гони их ко мне!

Шут повалился на землю и захохотал.

— Вамба, — с досадой обернулся к нему свинопас, — вставай-ка, брат, помоги мне. Выведи этих паршивых свиней из болота. Они как заслышат твои бубенчики, мигом побегут за тобой, словно

ягнята.

— Ты так думаешь, приятель? — Шут даже не пошевелился. — Мои ножки советуют мне не соваться в грязь. Такой важной персоне, как Вамба, негоже пачкать свой царственный наряд. Пусть этим занимается твой пес. А еще лучше, Гурт, если эти свиньи, затерявшись, к утру превратятся в норманнов, к нашему обоюдному удовольствию…

— Сущая правда, дружище, хоть и вышла из глупой башки.

— Послушай-ка, что я еще скажу, — продолжал Вамба, посмеиваясь, — стоит мне кой-кому намекнуть, что ты зовешь норманнов свиньями, тебя тут же вздернут для острастки других болтунов. Не те нынче времена — твоему хозяину Седрику трудно будет вступиться за тебя, как раньше.

— Ты хочешь выдать меня? Да ведь ты сам первый начал величать моих свиней… Эй, Фангс, гони их сюда! — закричал свинопас, тут же забыв о шутках приятеля. — Ого-го-го! Вот уж почти и все стадо собрано… Скорей поднимайся, Вамба, ты что, не видишь — гроза идет, нужно поторопиться.

— Может, я и дурак, но не глухой. — Шут легко

вскочил на ноги. — Да только это не раскаты грома, я слышу топот подкованных копыт…

— Хватит тебе веселиться, пошли, не то нас накроет ливень. — Гурт со свистом и окриками погнал свиней по одной из лесных троп. — Не все ли тебе равно, кто там скачет? Слышишь, небо прямо раскололось, потемнело-то как! Послушайся меня хоть раз: нужно убраться домой до бури! Ночь будет жуткая!

— Любопытно, что это там за всадники, — пробормотал Вамба, однако подхватил валявшуюся на мокрой траве дубинку и припустил следом за озабоченным свинопасом.

Глава 2

Топот лошадиных копыт приближался, но Вамба, в отличие от промокшего приятеля, не слишком торопился, — несмотря на сердитые окрики и брань Гурта, он то рвал недозрелые орехи, то глазел по сторонам. Вскоре кавалькада из десяти всадников поравнялась с ними.

В одном из них шут тут же признал преподобного Эймера, настоятеля соседнего аббатства, известного в округе любителя охоты и пиров. Несколько тучный монах крепко держался в седле, покрытом длинной попоной с вышитыми митрами, крестами и прочими знаками его духовного сана. Послушник вел вьючного мула, нагруженного, по-видимому, багажом его хозяина, а два монаха того же ордена ехали рысью в арьергарде и беседовали. Расшитая золотом одежда настоятеля от быстрой скачки была почти сухой; выражение его круглого лица, которым он мастерски владел, могло бы показаться смиренным и простодушным, если бы не пренебрежительный и властный взгляд из-под нависших бровей, которым он окинул Вамбу. Взгляд этот тут же

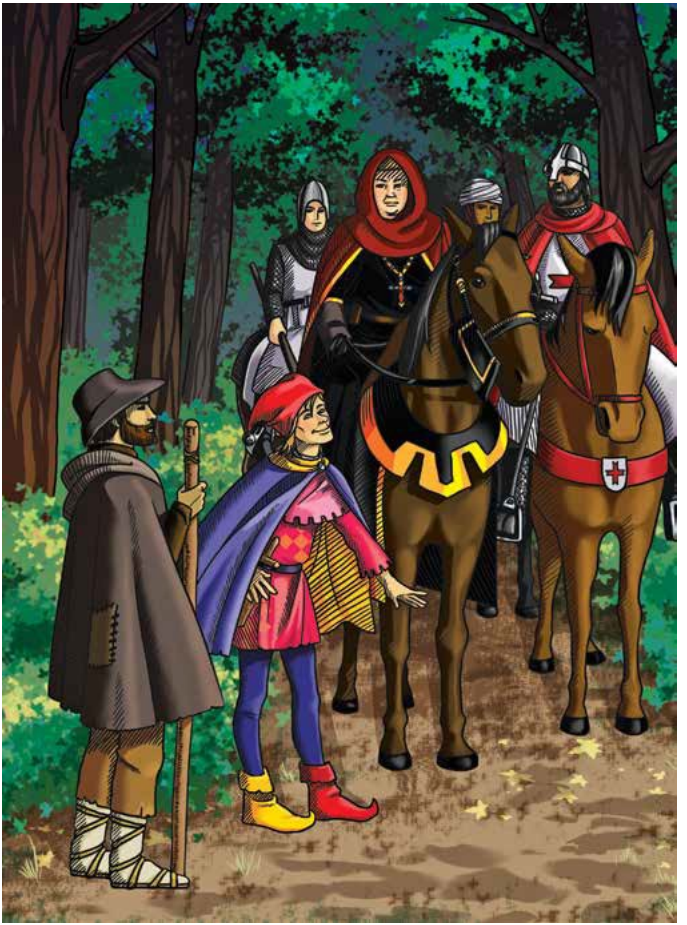
погас, и веки священнослужителя опустились.

Спутником настоятеля был человек лет сорока, сухощавый, рослый и мускулистый. В каждом его движении чувствовалась скрытая сила, и даже монашеская мантия с суконным крестом не могла скрыть, что под ней находится тело закаленного воина, привыкшего к длительным походам. Капюшон был отброшен, и лицо мужчины казалось почти черным от южного солнца. Высокий лоб пересекал тонкий шрам, а выражение надменного лица внушало опасливое почтение. Резкие сухие черты и подрагивающие губы под черными усами говорили о буре затаенных страстей, а поврежденный глаз придавал всаднику выражение зловещей суровости. Под скромным плащом незнакомца на мгновение мелькнули плотно прилегающая рыцарская кольчуга и острый кинжал, заткнутый за пояс.

За всадником следовали верхом двое оруженосцев; один держал повод боевого коня в полном вооружении, другой вез длинное копье своего хозяина с развевающимся на острие стягом крестоносца и треугольный щит, обшитый красным сукном, под которым скрывался девиз рыцарского ордена. Оруженосцев нагоняла пара темнокожих слуг в белых тюрбанах, которые

восседали на арабских скакунах, навьюченных доспехами, оружием и всяческими припасами; легкая шелковая одежда уроженцев Востока, украшенная пестрым шитьем, свидетельствовала о богатстве и знатности их господина, тогда как сам он был одет крайне просто и строго.

Необычная кавалькада привлекла внимание не только Вамбы, но и менее любопытного Гурта, который, впрочем, тоже узнал в монахе настоятеля богатейшего в округе аббатства Жерво; суровый свинопас относился к нему с осторожным почтением, как и весь простой люд, и закрывал глаза на греховные слабости священнослужителя.



Диковинный облик рыцаря и его пестрой свиты так поразил приятелей, что они никак не могли понять вопроса, с которым к ним обратился почтенный аббат.

— Я спрашиваю вас, дети мои, — повысив голос, повторил аббат Эймер, — нет ли здесь по соседству доброго и гостеприимного человека, который не отказал бы из любви к Богу в ночлеге двум смиреннейшим слугам нашей матери Церкви?

— Каковы же все остальные, если эти смиренные из смиренных? — пробормотал себе под нос Вамба и, вскинув глаза на аббата, ответил:

— В нескольких милях отсюда находится Бринксвортское аббатство, где святым отцам окажут радушный прием. Если же они предпочитают провести вечер в молитвах, то эта лесная тропа приведет их к заброшенной хижине — там старый отшельник разделит с ними кров, скудную пищу и благодать Господню.

— Дружище, — покачал головой настоятель, — похоже, звон колокольчиков затмил твой рассудок. Мы всегда предпочитаем дать мирянам лишнюю возможность оказать помощь слугам Господа.

— Хоть я и осел, — живо отозвался шут, — и

удостоен чести носить колокольчики, как и мул вашей милости, мне думается, что милосердие матери Церкви и ее служителей должно бы начинаться в ней самой…

— Прекрати болтовню! — сурово прервал Вамбу крестоносец. — Укажи, если знаешь, дорогу к замку… Как вы назвали этого дворянина, аббат?

— Седрик Ротервудский. Он же Седрик Сакс…

— Найти дорогу туда будет трудновато, — вмешался угрюмо молчавший до этого Гурт, — к тому же в доме Седрика рано ложатся спать.

— Могут и подняться ради таких путников, как мы, — усмехнувшись, заявил рыцарь. — Я не стану унижаться там, где имею право потребовать ночлега!

— Не знаю, — пробурчал свинопас, — должен ли я указывать дорогу к жилищу моего господина людям, считающим себя вправе требовать то, что обыкновенно предоставляют из милости.

— Уж не вздумал ли ты перечить мне, грязный раб! — Всадник занес хлыст, и Гурт, метнув на крестоносца дикий мстительный взгляд, тут же схватился за рукоять своего длинного ножа.

Вмешательство настоятеля Эймера положило конец спору, грозившему иметь неприятные последствия:

— Заклинаю вас, брат Бриан! Не забывайте, что вы уже в Англии, а не в Палестине… Тут громить никого не следует… Скажи, любезный, — обратился он к шуту, бросая к его ногам серебряную монетку, — где дорога к замку уважаемого Седрика Сакса?

— Преподобный отче, — ответил шут, — сарацинский облик вашего достопочтенного спутника напугал меня и совсем отшиб память. Вряд ли я и сам найду дорогу домой до ночи.

— Полно врать! — хмыкнул аббат, бросая еще одну монету. — Ты, плут, сможешь все, если захочешь! Мой преподобный брат, — уже сурово продолжил он, — всю жизнь провел в седле ради освобождения Гроба Господня. Он принадлежит к ордену рыцарей Храма, о котором ты, быть может, слышал; все храмовники наполовину монахи и наполовину воины.

— Если даже твой спутник наполовину монах, — заметил шут, — ему не следует так грубо обращаться с теми, кого он встречает в пути… Поезжайте по этой дороге до развилки, где стоит вросший в землю крест, потом сверните налево, и вскоре вы обретете убежище и ночлег.

Кавалькада, пришпорив коней, умчалась прочь. Когда стук множества копыт затих в отда-

лении, Гурт заметил:

— Если эти надутые слуги Божьи, приятель, последуют твоему совету, то вряд ли они до ночи доберутся до Ротервуда.

— Я был бы плохим охотником, когда бы, желая, чтоб собака не спугнула оленя, показал ей, где его логово, — усмехнулся Вамба.

Тем временем всадники, оставив далеко позади обоих рабов, продолжали прерванную беседу.

— Почему вы остановили меня и не дали проучить как следует этих грубиянов? — спросил у аббата храмовник. — Я живо преподал бы им урок вежливости. Мне не впервой иметь дело с подобными людьми…

— Бросьте, брат Бриан! — поморщился настоятель. — Какой спрос с шута? А другой принадлежит к тому свирепому и неукротимому роду людей, которые еще встречаются между саксами. В каждой стране свои нравы и обычаи, так что плетью мы не добились бы от них ни слова. Седрик Ротервудский, к которому мы сейчас направляемся, из того же теста: враг баронов, он горд, обидчив, честолюбив, вспыльчив и в ссоре со всеми соседями. Сакс до последней капли крови защищает честь своего рода, несмотря на то что победа принадлежит норманнам.

— В таком случае, — произнес рыцарь, — эта пресловутая леди Ровена должна быть настоящим чудом, чтобы терпеть такое сокровище, как ее батюшка Седрик.

— Седрик ей не отец, — отозвался Эймер, — а всего лишь дальний родственник, но и собственная дочь не была бы ему дороже. Леди Ровена много знатнее его происхождением, но саксонец не за это ее любит и всячески покровительствует. Она послушна, умна и прелестна.

— Ну а если ваша красавица, — язвительно сказал храмовник, — окажется далеко не так хороша, как вы утверждаете?

— Готов биться об заклад. Ставлю мою золотую цепь против десяти бочонков хиосского вина, — сказал аббат. — Однако остерегайтесь слишком пристально смотреть на девушку и придержите язык. Седрик Сакс невероятно ревнив; ходят слухи, что он выгнал из дому единственного сына лишь за то, что тот посмел бросить на леди Ровену влюбленный взгляд… А вот и крест! Шут, кажется, велел свернуть налево… Темень-то тут какая…

— А может, направо? — возразил рыцарь. — Шут говорил одно, а своим дурацким мечом указывал в совершенно другую сторону… Э, да тут кто-то есть! Либо спит, либо его прикончили!

Гуго, пошевели-ка его острием своего меча!

Оруженосец не успел выполнить приказание, как лежащая у подножия креста человеческая фигура, закутанная в плащ, вскочила на ноги, воскликнув:

— Кто бы вы ни были, у вас нет права нарушать мой покой!

— Мы всего лишь хотели спросить, — миролюбиво проговорил настоятель, — как проехать в Ротервуд?

— Я и сам туда направляюсь, — отозвался незнакомец, — и отлично знаю дорогу. Но у меня нет коня.

— Мы отблагодарим тебя, — проговорил Эймер, — если ты благополучно проводишь нас до замка Седрика. Лошадь у нас для тебя найдется.

Проводник избрал совсем не ту дорогу, на которую указывал Вамба. Теперь их путь лежал через темную лесную чащу; несколько раз им пришлось переходить ручьи, широко разлившиеся из-за дождей, однако незнакомец, миновав топкие места, уверенно вывел кавалькаду на широкую просеку, откуда было рукой подать до неуклюжего каменного строения с многочисленными внутренними двориками, обнесенного высоким частоколом.

— Вот он, Ротервуд, дом Седрика Сакса! — воскликнул проводник.

Это известие обрадовало Эймера; увидев замок так близко, аббат наконец-то вздохнул с облегчением и поинтересовался у незнакомца, кто он и откуда.

— Я пилигрим, возвращаюсь из святых мест, — сдержанно ответил тот. — Мне довелось родиться в этих местах…

Жилище Седрика, к которому приближались всадники, занимало немалое пространство. Все здешние постройки, хоть и свидетельствовали о том, что владелец их человек не бедный, разительно отличались от высоких, увенчанных башнями замков норманнского дворянства. Однако Ротервуд был достаточно укреплен и защищен от внезапного нападения: глубокий ров, наполненный водой, и дубовый частокол окружали главное здание. Ворота находились с западной стороны частокола, через ров к ним вел подъемный мост. Узкие бойницы по обе стороны ворот указывали на то, что в случае опасности обитатели поместья готовы встретить неприятеля луками и пращами.

Остановившись перед самыми воротами, крестоносец звучно протрубил в рог. Дождь к этому

времени уже лил как из ведра.

Глава 3

В просторном зале все было готово для вечерней трапезы. Седрик Сакс, в нетерпении ожидая ужина, уже восседал в тяжелом резном кресле во главе дубового стола, формой напоминавшего букву «Т».

Все здесь свидетельствовало о простоте нравов. Пол был глинобитный; место, отведенное для трапезы, разделено на две неравные части. На помосте, застланном ковром, располагался покрытый красным сукном небольшой стол и кресла для членов семьи и знатных гостей, а от середины главного стола тянулся стол пониже с приставленными к нему длинными скамьями для домашней прислуги и дворовой челяди.

Несколько огромных каминов отапливали помещение, но трубы были сложены так небрежно, что большая часть дыма оставалась внутри помещения, покрывая дубовые стропила под кровлей густой черной копотью. По стенам было развешано военное и охотничье оружие; двустворчатые двери в углах вели в соседние комнаты. Вся обстановка выглядела по-саксонски грубовато и

соответствовала характеру самого хозяина поместья Ротервуд.

Седрик Сакс был среднего роста, но отличался могучим телосложением прирожденного воина и охотника. Он обладал отменным здоровьем, хотя и приближался к порогу шестидесятилетия. Его широкое лицо, спокойные голубые глаза, резкие черты, легкая седина в русых волосах, падавших на плечи, — все говорило о прямодушии и своеволии, которые так часто встречаются у людей раздражительных, гордых и вспыльчивых.

Богатая одежда хозяина дома соответствовала его положению землевладельца, сшитая домашним сапожником из хорошей кожи обувь была украшена золотыми пряжками. Он был вооружен коротким обоюдоострым мечом, а позади его кресла висели суконный плащ, отороченный мехом, и затейливо вышитая шапка. Копье с широким стальным наконечником, прислоненное к креслу и служившее одновременно оружием и опорой на прогулках, дополняло портрет строптивого саксонца.

Седрик находился в дурном расположении духа.

Леди Ровена против обыкновения опаздывала к ужину — на обратном пути из церкви она по-

пала под проливной дождь. Где-то запропастился свинопас Гурт вместе со стадом, и даже любимый шут Вамба отсутствовал. Хозяин Ротервуда исподлобья разглядывал свору притихших собак, чуявших настроение своего владыки. Лишь старый волкодав время от времени позволял себе положить косматую голову Седрику на колени. Но и ласка верного служаки встречалась грозным окриком: «Прочь, Бальдер! Не до тебя нынче…»

— Где же леди Ровена? — наконец осведомился саксонец, подозвав Эльгиту, служанку девушки.

— Ей осталось только переменить головной убор, господин…

— Надеюсь, набожность нашей леди впредь будет проявляться при лучшей погоде, — пробурчал Седрик, отпуская служанку и протягивая руку к кубку с вином, чтобы хоть немного погасить раздражение.

Он даже не обернулся, а лишь нахмурил густые брови, когда тишину зала нарушил яростный разноголосый лай собак.

— Настоятель Эймер из аббатства Жерво и рыцарь Бриан де Буагильбер, командор ордена Храма, просят оказать им гостеприимство по пути на турнир, назначенный на послезавтра в Ашби, — доложил торопливо вбежавший слуга.

— Оба норманны, — пробормотал Седрик. — Впрочем, это все равно. Было бы, конечно, лучше, если б они проехали мимо, но в Ротервуде всегда рады гостям. Освальд, — обратился хозяин к дворецкому, — позаботься о лошадях, покажи гостям их покои и зови к ужину. Стой! Если память мне не изменяет, аббат — это брат самозваного лорда Миддлгема, похитителя чужих земель? Говорят, этот Эймер — довольно-таки веселый малый… Ну что ж, добро пожаловать! А другой… это имя мне смутно знакомо. Храбрый и высокомерный храмовник… Ступай, вели откупорить бочку лучшего вина, подай к столу меду, крепкого эля, шипучего сидра, наливок… Монахи это любят. Надеюсь, что проведут они здесь всего одну ночь. А теперь позови Эльгиту…

Когда служанка явилась, саксонец процедил сквозь зубы:

— Передай леди Ровене, что ее присутствие сегодня необязательно. Если, конечно, она не изъявит особого желания…

— Не сомневаюсь, что такое желание у моей госпожи появится, — перебила хозяина бойкая девушка. — Леди Ровене всегда не терпится услышать свежие вести из Палестины.

Седрик с усилием сдержал гнев:

— Укороти свой язык, Эльгита. Пусть твоя госпожа поступает как знает…

Служанка насмешливо хмыкнула и удалилась — в полной уверенности, что леди Ровене дозволено вести себя в этом замке как заблагорассудится.

Седрик Сакс тоже это знал.

«Палестина, — хмуро размышлял он. — Сколько глупых ушей с жадностью внимают байкам крестоносцев и россказням лицемерных пилигримов о Святой земле! Даже я иногда не прочь… Но нет! Строптивый сын — больше не мой сын. Мне незачем проявлять любопытство и расспрашивать о его судьбе…»

Створчатые двери распахнулись настежь, и Седрик Ротервудский поднялся навстречу поздним гостям, которых сопровождали дворецкий с жезлом и четверо слуг с пылающими факелами.

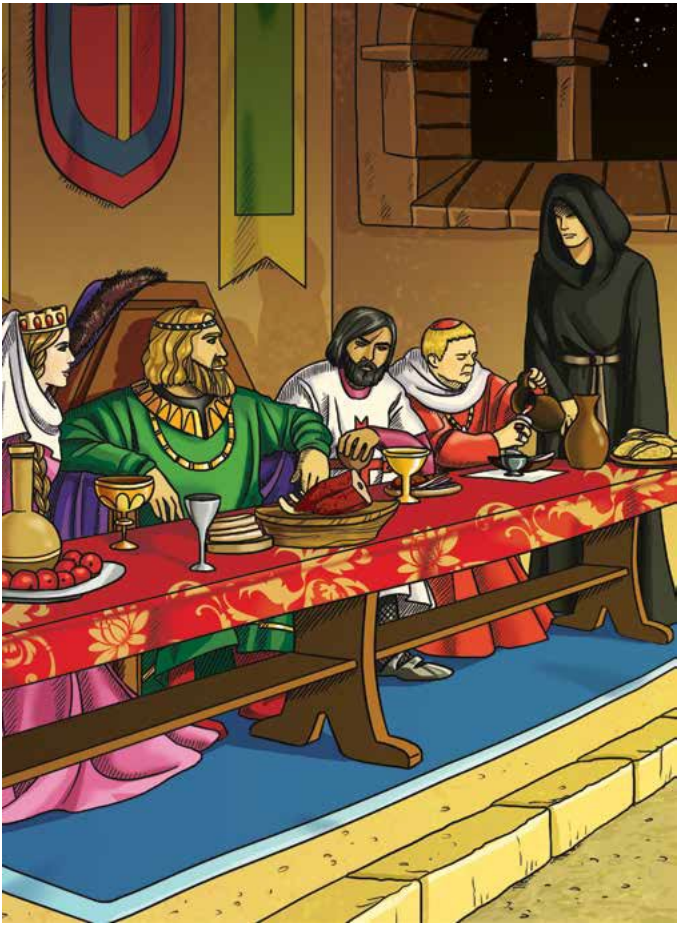
Глава 4

Эймер, воспользовавшись случаем, сменил дорожное платье на сутану с затейливым шитьем. Помимо массивного золотого перстня с вензелем, указывавшего на духовное звание гостя, пальцы его, вопреки орденскому уставу, были унизаны драгоценными камнями. Короткая бородка аббата была аккуратно подстрижена, а выбритое темя прикрывала алая шелковая шапочка.

Вместо кольчуги на храмовнике теперь была пурпурная туника, подбитая мехом, а поверх нее — белоснежный плащ с нашитым на него восьмиконечным орденским крестом из черного бархата.

За этой парой почтительно следовала свита.

Последним в залу вошел пилигрим, обутый в грубые сандалии и с головы до ног закутанный в просторный черный плащ, мокрый и забрызганный дорожной грязью. Стараясь не привлекать ничьего внимания, он тихо прошел к дальнему камину, чтобы просушить и вычистить одежду.



Седрик, сделав три шага вперед, с достоинством ожидал приближения гостей.

— Сожалею, почтенный аббат, — сказал он, скрывая блеск глаз, — что саксонский обычай не позволяет мне спуститься навстречу таким знатным персонам, как вы и храбрый рыцарь… Не сочтите это за невежливость. И позвольте мне говорить с вами на языке моих предков; я достаточно знаю норманнский, чтобы понять все, что вы скажете.

— Обеты и обычаи, — примирительно улыбнулся Эймер, — являются нелегкими узами, однако, соглашусь с вами, не должны нарушаться, достойный тан. Хотя этот титул, каким величали в ваших краях землевладельцев, уже отходит в прошлое… Что касается вашей речи, то я охотно готов вести беседу как на том, так и на другом языке.

Рыцарь Бриан де Буагильбер надменно перебил настоятеля:

— Я говорю только по-французски, на языке дворянства; впрочем, понимаю и английский — настолько, чтобы сносно объясняться с туземцами.

Седрик сдержанным жестом пригласил гостей к столу и подал знак слугам подавать ужин. Неожиданно он заметил вошедшего в зал свинопаса

и бегущего за ним вприпрыжку шута.

— Гурт! — вскричал хозяин дома в полный голос. — Стадо наше цело? Не обидели ли тебя мои соседи?

— Нет, ваша милость, — ответил Гурт, подходя. — Все хрюшки в целости, чтоб им… — Зная характер хозяина, свинопас не стал объяснять что-либо и оправдываться, а поспешил на свое место за столом для слуг.

— Извините, почтенные господа, — сказал Седрик и повернулся к гостям. — Я живу в окружении таких пройдох, что, сэр рыцарь, враги Господа нашего в Святой земле просто ангелы в сравнении с ними. Однако трапеза уже перед вами, прошу отведать, и пусть радушие хозяина послужит выкупом за скромные дарования моего повара.

Хозяин дома лукавил — его повар считался лучшим в округе. Пряная свинина, зайчатина, олений окорок, дичь на вертеле, рыба, свежеиспеченный хлеб, пироги и медовые коврижки подавались к столу в великом изобилии. Серебряные кубки ни мгновения не стояли пустыми — и вскоре стало ясно, что такое пиршество не нуждается ни в каких оговорках. Седрик Сакс первым повернул голову к боковой двери, когда оттуда донесся голос дворецкого:

— Место для леди Ровены!

Едва сдерживая недовольство, Седрик поднялся и почтительно провел девушку к креслу, предназначенному для хозяйки дома. При ее появлении все присутствующие встали.

— Не носить мне вашей золотой цепи на турнире! — шепнул Бриан де Буагильбер на ухо аббату.

— Так-то! — ухмыльнулся монах и поднял кубок. — Но будьте осторожны, за нами наблюдают…

Заметив жадно устремленные на нее глаза храмовника, леди Ровена тут же опустила на лицо прозрачное узорчатое покрывало, давая понять, что ей это неприятно.

Девушка и в самом деле была необычайно хороша собой.

Высокая и при этом грациозная, леди Ровена была полна жизни. Ее ясные голубые глаза под темными шелковистыми бровями лучились кротостью, однако было видно, что она привыкла повелевать. Густые рыжеватые волосы, уложенные в замысловатую прическу и украшенные драгоценностями, оттеняли ослепительную белизну лица и длинной шеи, на которой висела золотая цепочка с ковчежцем из тех, в которых обычно хранятся частицы реликвий. Руки де-

вушки были унизаны кольцами и браслетами, а широкое верхнее платье сшито из тончайшей восточной ткани. Под ним было надето еще одно — шелковое, цвета морской волны, не скрывавшее ее гибкой и сильной фигуры.

— Сэр рыцарь, — произнес Седрик, заметивший движение своей воспитанницы, — щеки саксонских леди непривычны к солнцу, и они не выносят пылких взоров крестоносцев!

— Леди Ровена, — поспешно вмешался аббат, — наказывая смелость моего друга, вы наказываете и нас, лишая удовольствия любоваться вашей красотой… Позвольте надеяться, что вы не будете так жестоки на предстоящем турнире!

— Я не охотник до этих забав, — проворчал Седрик, — и еще не решил, стоит ли нам отправляться в Ашби.

— Случай предоставляет вам возможность прибыть туда в сопровождении нашего отряда…

— Почтенный сэр Эймер, — надменно перебил настоятеля саксонец, — до сих пор я не нуждался ни в чьей защите, кроме собственного меча и верных слуг. Если же мы и отправимся туда, нас будет сопровождать сэр Ательстан Конингсбургский со своей свитой. Благодарю за предложение и поднимаю кубок за ваше здоровье!

— А я, — воскликнул Бриан, — пью за прекрасную леди Ровену, краше которой нет во всей Англии!

— Оставьте свои любезности, сэр рыцарь, — проговорила девушка, — и не тратьте пыл понапрасну. Лучше сообщите нам, каковы последние новости из Палестины.

— Их не так уж много, если не считать слухов о перемирии с Саладином…

Речь храмовника бесцеремонно прервал Вамба, восседавший позади своего господина в собственном шутовском кресле, украшенном ослиными ушами.

— Перемирия с неверными меня просто состарили! — печально проговорил шут. — Помню их целых три — по одному раз в пятьдесят лет. Выходит, мне нынче полтораста годков от роду.

— Ручаюсь, что ты умрешь не от старости. — Буагильбер покосился на балагура, узнав в нем одного из простолюдинов, встреченных на дороге. — Тебя, болтун и лжец, прикончат гораздо быстрее, если ты будешь так же указывать путь заблудившимся господам, как сегодня мне и аббату.

— Что я слышу, приятель? — не без одобрения в голосе воскликнул Седрик. — Да тебя надо просто

высечь за такие делишки! Я вижу, ты настолько же обманщик, насколько и шут.

— Сколько угодно, дядюшка Сакс, мне все едино, секи. Однако тот, кто взял дурака в советники, уж и подавно может его простить…

Прищурившись, шут надменно взглянул на гостя, ожидавшего конца его речи, и только слепой не узнал бы в нем сейчас благородного рыцаря-храмовника.

В этот момент слуга возвестил, что незнакомый путник просит позволения переночевать под защитой крепких стен Ротервуда.

— Впустите его, — распорядился Седрик, — кто бы он ни был. Такая ночь даже диких зверей заставляет прятаться по норам. Позаботься о путнике, Освальд!

Глава 5

Дворецкий, возвратившись, шепнул на ухо хозяину дома:

— Это еврей, он назвался Исааком из Йорка. Впустить его сюда?

— Освальд! Передай свою должность свинопасу, — проговорил шут, высунувшись из-за плеча Седрика. — У Гурта стадо маловато.

— Матерь Божья! — Аббат перекрестился. — Допустить к трапезе некрещеного?

— Немыслимо. — Буагильбер даже побледнел. — Усадить еврея за один стол с крестоносцем?!

— Вишь ты, — заметил Вамба, — храмовники больше любят еврейские денежки, чем их компанию!

— Делать нечего, почтенные гости, — усмехнулся саксонец. — При всем желании угодить вам я не могу нарушить закон гостеприимства. Если Господь столько лет терпит племя упрямых еретиков, то и вам не повредит потерпеть несчастного часок-другой. А ты, Вамба, пересел бы к новому гостю. Дурак и мошенник — отлич-

ная пара! А вот и он…

Боязливо озираясь, в зал шагнул изможденный бородатый старик с крючковатым носом и проницательными черными глазами. Его добротная одежда была потрепана бурей. Он с почтением поклонился присутствующим, однако никто не обратил на него ни малейшего внимания — прием, который не был оказан и врагу, если бы тот не принадлежал к израильскому племени. Седрик, холодно кивнув на робкое приветствие старика, молча указал ему на место за столом для слуг, но там никто даже не пошевелился, чтобы дать старику сесть. Исааку пришлось бы простоять так весь вечер, но пилигрим, расположившийся у огня, сжалился над ним.

— Моя одежда просохла, я уже поел, садись сюда, — негромко позвал он, протягивая продрогшему старику чашку горячей похлебки и кусок пирога.

Вслед за этим пилигрим надвинул капюшон плаща на лицо и отошел в сторону.

Тем временем за хозяйским столом завязалась оживленная беседа, в которую постепенно втянулись все присутствующие. Разговор шел о рыцарских подвигах.

— Выпьем-ка за храбрость в бою! — Седрик

поднял кубок. — И за тех, кто доблестно воюет в Палестине!

— Кому же еще, как не рыцарям Храма, быть среди них первыми, — гордо произнес крестоносец, вскинув подбородок. — Их доблесть известна не только неверным.

Шут снова подал голос:

— Если б Ричард Львиное Сердце послушался меня, дурака, остался дома и предоставил завоевание Иерусалима тем рыцарям, что его сами сдали Саладину, то вошел бы в историю как умнейший из венценосцев!

Седрик усмехнулся и покосился на приблизившегося к столу пилигрима.

— Разве в английском войске не нашлось никого, чье имя можно назвать среди храбрейших? — спросила леди Ровена.

— Леди, — Бриан де Буагильбер старался быть любезным, но едва сумел сдержать себя, — несмотря на то что ваш король привел с собой толпу воинов, среди них не нашлось достойных рыцарей.

— Вы лжете, храмовник, — неожиданно отчетливо проговорил пилигрим. Бешеный гнев вспыхнул на лице крестоносца, а незнакомец повернулся к леди Ровене: — Почему же не на-

шлось? Сам король Ричард и пятеро его лучших рыцарей после взятия крепости Сен Жан д'Акр дали турнир. В тот день каждый из них трижды одерживал победу, а их противники принадлежали к ордену рыцарей Храма… — Он оторвал взгляд от девушки и продолжил, обращаясь теперь ко всем присутствующим: — Первым по доблести и воинскому искусству был храбрый Ричард, король Англии. Вторым — граф Лестер, за ним — сэр Томас Малтон. Далее Фолк Дейли и Эдвин Торнхем…

— Почти все чистокровные саксы! — восторженно вскричал Седрик. — А кто был шестым?

— Шестым… — пилигрим помедлил с ответом, — был совсем юный рыцарь… его имя стерлось из моей памяти.

— Сэр пилигрим, — презрительно произнес храмовник, — я могу освежить вашу память. Этого юношу звали Айвенго, и по чистой случайности ему удалось выбить меня из седла. Он смелый рыцарь, и я снова сразился бы с ним, ибо уверен, что мне удалось бы вернуть себе имя лучшего воина.

— Ваш вызов был бы принят сразу, — спокойно отвечал пилигрим. — Когда Айвенго вернется из Палестины, он встретится с вами в бою…

Казалось, хозяин дома утратил дар речи. Слуги,

на которых имя Айвенго произвело впечатление удара грома, затаив дыхание, ждали, что будет дальше. Радость, гордость, гнев и сомнение сменялись на лице Седрика Сакса, словно тени облаков. Его молчание прервал голос аббата:

— Сэр Седрик, крепость напитков уже звонит к вечерне в наших ушах. Позвольте предложить последний тост за здоровье леди Ровены и с миром удалиться на покой.

Прощальный кубок обошел круг. Гости, поклонившись хозяину и леди Ровене, в сопровождении слуг и факельщиков направились в приготовленные для них спальни.

— Нечестивый пес, — прошипел храмовник, проходя мимо сжавшегося Исаака. — Ты тоже направляешься в Ашби?

— Да, ваша милость.

— И твой кошелек туго набит?

— Ни единого золотого, клянусь Моисеем! — Старик испуганно поклонился. — Я иду просить помощи у собратьев, потому что начисто разорен…

— Кто этому поверит? — усмехнувшись, сказал Буагильбер и пошел прочь, на ходу что-то шепнув своим мусульманским невольникам.

Глава 6

Отыскивая чуланчик, отведенный ему для ночлега, пилигрим шел по запутанным переходам огромного жилища Седрика, когда его остановила служанка леди Ровены и дала знак следовать за ней. Девушка шепнула, что ее хозяйка хочет немедленно видеть гостя. Пилигрим был удивлен этим приглашением, однако без возражений последовал за горничной.

Короткий коридор и лестница из массивных дубовых брусьев привели обоих в комнату, освещенную пылающими факелами в серебряных шандалах. Леди Ровена сидела в кресле, украшенном затейливой резьбой и походившем скорее на трон, а трое прислужниц тем временем укладывали ее пышные волосы на ночь. Пилигрим преклонил колено, принося дань уважения.

— Встаньте! — сказала девушка. — Тот, кто может сказать доброе слово об отсутствующих, имеет право быть принятым как близкий друг. — Она обернулась к прислужницам: — Оставьте нас, я хочу побеседовать с благочестивым пилигримом.

Девушки вышли, и лишь Эльгита осталась при госпоже.

— Странник, — помолчав, проговорила леди Ровена, — сегодня во время трапезы вы упомянули человека, имя которого по-особому звучит в этом доме. Я поняла вас так, что после отбытия английского войска на родину рыцарь Айвенго остался в Палестине. Он болен или, может быть, ранен?

— Я не так много знаю о рыцаре Айвенго, — смутившись, произнес пилигрим. — Нет, он как будто здоров и собирается вернуться на родину.

— Дай Бог, чтобы он прибыл в Англию поскорее и смог участвовать в предстоящем турнире… — Девушка говорила с нажимом, словно пыталась убедить саму себя. — Если приз достанется Ательстану из Конингсбурга, это будет несправедливо… Благодарю вас, добрый пилигрим, за вести о друге моего детства… И примите это подаяние в знак моего уважения к вашим тяжелым трудам и лишениям в пути. — Леди Ровена протянула пилигриму золотую монету.

Тот учтиво поклонился и вслед за служанкой покинул комнату. Добравшись до отведенного ему помещения, пилигрим притворил дверь, погасил факел, поплотнее закутался в свой плащ и,

растянувшись на сундуке, заменявшем кровать, мгновенно провалился в сон.

С первыми лучами солнца пилигрим вышел из своего закутка, свернул налево по коридору и без стука проник в соседний чулан, где негромко похрапывал еврей Исаак. Не дожидаясь, пока старик откроет глаза, пилигрим тронул его концом посоха, и тот мигом вскочил, дико озираясь вокруг.

— Не бойся, — тихо проговорил пилигрим. — У меня нет злых намерений… Внимательно выслушай меня, Исаак! Тебя ждет большая беда, если ты немедленно не покинешь этот дом.

— Боже правый! — запричитал было старик. — Кому может понадобиться жизнь и убогое достояние такого бедняка?

— Ночью храмовник велел своим головорезам схватить тебя и увезти в замок барона Фрон де Бефа… Седрик Сакс не сможет этому воспрепятствовать. Гости еще спят. Собирайся скорее, я провожу тебя тайной тропой через лес!

Затем вместе с перепуганным насмерть стариком пилигрим прошел в каморку, где на соломе сном праведника спал свинопас.

— Проснись, Гурт! — властно приказал пилигрим. — Вставай скорее и помоги нам. Ты должен

без всякого шума отпереть калитку в задних воротах усадьбы, которые выходят к лесу.

Недовольный нетерпеливым тоном странника, свинопас приподнял голову и смерил взглядом людей, потревоживших его покой.

— А не угодно ли вам будет подождать, — проворчал он, снова опуская всклокоченную голову на полено, служившее ему подушкой, — пока отопрут главные ворота? У нас в доме не заведено, чтобы гости уходили в такую рань, да еще и украдкой.

Пилигрим наклонился и что-то прошептал по-саксонски на ухо свинопасу, после чего Гурт вскочил как ошпаренный и бросился исполнять просьбу. Странник бросил ему вслед:

— Поосторожнее, приятель… скоро ты узнаешь намного больше. И, будь так добр, приведи старику его мула, а мне добудь другого. Я верну его в Ашби в целости и сохранности кому-нибудь из слуг Седрика…

Вскоре странник и старик еврей скрылись в чаще леса.

Пилигрим, которому, по-видимому, все здешние лесные тропы были хорошо известны, молча ехал самыми глухими местами. Прошло около двух часов, когда наконец всадники останови-

лись.

— Видишь впереди засохший дуб? — обратился пилигрим к Исааку. — Близ него наши дороги должны разойтись. Здесь уже нечего опасаться погони. Шеффилд совсем рядом, там ты без труда найдешь убежище.

— Погоди, добрый юноша! — воскликнул Исаак. — Чем мне отблагодарить тебя? Я знаю, в чем ты нуждаешься, и сумею тебе помочь. Ведь больше всего на свете ты хочешь иметь хорошего коня и достойное оружие?

— Как ты догадался?!

— По двум-трем словам, которые ты произнес вчера. Вдобавок твой нищенский плащ скрывает рыцарскую цепь — она блеснула, когда ты будил меня… — Достав из сумки, висевшей на поясе, письменные принадлежности, старик набросал на клочке пергамента несколько слов и продолжил: — В городе Лестере проживает богатый купец Хайрам. Передай ему эту записку. Сейчас он выставил на продажу шесть рыцарских доспехов миланской работы, и даже самый худший из них подошел бы для короля. А также десять превосходных жеребцов. Когда минует надобность, верни ему все в целости или после турнира уплати за товар.

— Разве ты, Исаак, не знаешь, что в случае поражения мне придется отдать победителю и коня, и оружие? А денег у меня нет.

— Слышать об этом не хочу, — недовольно затряс головой старик. — Если и случатся убытки, тебе, юноша, за них отвечать не придется. Купец простит этот долг ради своего родственника Исаака. Прощай и будь здоров!

Спутники расстались и разными дорогами направились в Шеффилд.

Глава 7

Несмотря на то что Англия в отсутствие своего короля переживала далеко не лучшие времена, состязания прославленных рыцарей привлекали всеобщее внимание. На них стекались люди всех званий и сословий. Турнир в Ашби, на который должен был прибыть сам принц Джон, не стал исключением. Его устроителями были трое знатных баронов — Филипп де Мальвуазен, Фрон де Беф и Гуго де Гранмениль. Их палатки были разбиты вокруг шатра Бриана де Буагильбера, единодушно признанного искуснейшим и опытнейшим среди рыцарей.

Состязание решили провести на обширной тенистой поляне на опушке леса. Поляну обнесли четырехугольной оградой, в которой имелись широкие ворота как с северной, так и с южной стороны. У южных ворот располагались стражники, вестники, трубачи и герольды, которым предстояло объявлять имена участников. За северными воротами установили большую палатку, предназначенную для рыцарей, которые пожелали принять вызов устроителей турнира.

Поскольку место для состязания было выбрано всего в миле от города, то уже с утра сюда начали стекаться толпы возбужденных зрителей. Вдоль ограды мастеровые за одну ночь возвели деревянные галереи для самых знатных зрителей. Что же касается простонародья, то оно должно было размещаться на дерновых скамьях, устроенных на склонах ближайших холмов, что давало зрителям возможность созерцать желанное зрелище поверх галерей и отлично видеть все, что совершалось на арене. Прямо напротив центра поляны под балдахином с королевским гербом до поры пустовало высокое резное кресло, а по другую сторону ристалища возвышалось еще одно, украшенное не менее пышно и дорого. Оно предназначалось даме — королеве любви и красоты, чье имя должен назвать победитель турнира.

Народ все прибывал, и его было столько, что многие, не найдя себе места, взбирались не только на ветки деревьев, но даже на колокольню находившейся поблизости церкви. Знатные гости, рыцари и дворяне, уже заполнили галереи; среди них оказалось немало оживленных нарядных дам, а нижние места были битком набиты горожанами, в основном в потертой одежде, шумными и вечно недовольными.

Именно здесь и вспыхнула неожиданная ссора, привлекшая всеобщее внимание.

— Нечестивец, как ты посмел толкнуть меня, норманнского дворянина! — неожиданно закричал один из зрителей, обращаясь к пожилому мужчине, который пробирался сквозь толпу, крепко держа за руку испуганную молодую черноволосую девушку.

Старик промолчал, ища глазами свободное место поближе к ограде. Это был Исаак, однако никто бы не узнал в богато разодетом еврейском купце недавнего убогого ночного путника. Он явился с небольшим опозданием вместе с дочерью, красавицей Ребеккой, и теперь упорно искал, куда бы усадить свою любимицу. В поддержку норманна зазвучали негодующие крики. Неизвестно, какой оборот приняло бы развитие событий, если бы в эту минуту на арене не появился принц Джон, окруженный толпой всадников. Среди многочисленной щеголеватой свиты брата короля были придворные, воины-наемники, рыцари, пажи и даже аббат Эймер.

В королевском одеянии пурпурного цвета, расшитом золотом, с соколом на обтянутой перчаткой руке, в унизанной драгоценными камнями меховой шапочке, принц гарцевал на

сером коне, весело и бесстыдно оглядывая собравшуюся публику. Волнистые длинные волосы Джона развевались на легком ветру, а прищуренные глаза со знанием дела ощупывали фигуры женщин. Заскучавшие было в ожидании начала турнира зрители восторженно приветствовали особу королевской крови.

Неожиданно принц рванул поводья и направил коня прямо к старику Исааку. Он узнал знакомого купца, чьим щедрым кошельком так часто пользовался, однако сейчас его высокомерный взгляд был прикован к смуглому нежному лицу Ребекки.

— Какая очаровательная… — шепнул принц аббату. — Только взгляните, отче, что за шелковистая кожа, лебединая шея, а эти крохотные ручки и гибкий стан! И какой изысканный наряд: эти жемчуга, этот желтый тюрбан со страусиным пером…

— Бесспорно хороша, — вздохнул Эймер, — однако не забывайте, ваша светлость, что эта дама — всего лишь безымянная еврейка и христианину не подобает…

— Оставьте эти предрассудки, аббат. — Принц уже приближался к старику, и свита последовала за ним. — А вот и мой денежный мешок! — вос-

кликнул брат короля, обращаясь к Исааку. — Тебе не досталось места на галерее, старина? И поделом. Что за сокровище ты прячешь от нас у себя за спиной?

— Это моя дочь Ребекка, ваша светлость, — отвечал с поклоном Исаак, нисколько не смутившись. — Девочке очень хотелось взглянуть на турнир бесстрашных рыцарей…

— Она, в отличие от тебя, этого заслуживает, мошенник. — Принц Джон захохотал, откинув голову. — Дочь она тебе или нет, но место вам будет. Эй! Кто там взгромоздился на самый верх? Саксонское мужичье? А не много ли чести? Потеснитесь и дайте сесть моему ростовщику и его дочери!

Зрители, к которым столь пренебрежительно обратился принц, были семейством Седрика Сакса, которого сопровождал Ательстан Конингсбургский, знатный сакс из древнего королевского рода, дальний родственник леди Ровены, предназначенный Седриком ей в мужья. Ошеломленный оскорбительным требованием принца, Ательстан на мгновение растерялся.

— Саксонская свинья или спит, или оглохла, — брезгливо проговорил Джон и обернулся к одному из рыцарей своей свиты: — Де Браси, разбуди-ка

ее своим копьем!

Не обращая внимания на ропот, поднявшийся в галерее, рыцарь бесцеремонно протянул через ряды свое длинное копье, чтобы исполнить приказание, но Седрик молниеносным движением выхватил свой короткий меч и одним яростным ударом отсек стальной наконечник.

Принц вспыхнул от гнева, злобно выругался и под шум толпы, одобрившей поступок сакса, развернул коня. На глаза ему снова попался Исаак.

— Иди и сядь между ними! — злобно прошипел Джон.

— Ни под каким видом, ваше высочество! Нам, евреям, неприлично и опасно находиться рядом с сильными мира сего, — проговорил старик, пятясь и кланяясь. — Да и место для моей дочери уже нашлось…

Немного поостыв, брат короля Ричарда вновь пришел в благодушное настроение — он любил турниры и портить себе удовольствие из-за каких-то там саксов не собирался. Принц в последний раз объехал арену по кругу и уже перед самым помостом, предназначенным для него, наклонился к Эймеру.

— А ведь мы позабыли самое главное, аббат! — воскликнул он. — Мы не назвали имя королевы

любви и красоты! Я бы отдал свой голос за черноглазую Ребекку.

— Пресвятая Дева, — ужаснулся настоятель. — Вы шутите, ваша светлость! Я еще не готов принять мученический венец. Чем вам не по душе саксонка леди Ровена?

— Не все ли равно, — хмыкнул принц, — выбирайте кого хотите!

— Пусть трон королевы останется свободным, — предложил де Браси, — пока сегодняшний победитель не назовет ее имя.

— И, кажется, я его знаю, если победу одержит крестоносец, — произнес аббат.

— Буагильбер — достойный рыцарь, — заметил де Браси, — но здесь немало и других достойных…

Заняв свой трон и дождавшись, когда свита окружит его, принц Джон наконец объявил о начале турнира и подал знак герольдам.

Глава 8

Правила турнира, которые во всеуслышание огласили герольды, были просты.

Пять рыцарей, выбранных по жребию, вызывают на бой желающих сразиться с ними. Каждый из желающих имеет право прикосновением к щиту выбрать себе противника из числа этих пяти. Если же он коснется щита острием копья, это будет означать, что он готов биться насмерть. В первый день имя победителя должен объявить принц Джон. Рыцарь, одержавший победу, получит в награду лучшего коня и выберет даму — королеву турнира, которая и назовет имя главного победителя на второй день, когда в состязаниях смогут принять участие все, кто пожелает.

К тому времени как герольды закончили чтение, огороженное пространство у северных ворот, ведущих на арену, начало заполняться всадниками. Затем ворота распахнулись и пятеро рыцарей медленно выехали на ристалище под гром литавр и ободряющие крики зрителей. Рыцари пересекли арену и остановили коней у

палаток устроителей турнира; теперь каждому предстояло выбрать себе достойного противника. Сделав выбор, рыцари отъехали на другой конец арены и выстроились в ряд. Их доспехи и оружие сверкали на солнце, а пестрые флажки, украшавшие наконечники копий, и плюмажи из перьев на шлемах трепетали на ветру.

Все было готово к великолепным состязаниям.

В наступившей тишине взлетели голоса серебряных труб, и рыцари, набирая скорость, понеслись навстречу друг другу. Однако, к разочарованию публики, эта схватка продолжалась совсем недолго — четверо противников храмовника и норманнских баронов сразу же были повергнуты на землю. Лишь одного из рыцарей, пятого и последнего, схватившегося с Ральфом де Випонтом, зрители проводили рукоплесканиями. Вслед за первой группой на арене появилась вторая, потом — третья, но перевес и успех по-прежнему были на стороне тех, кто затеял турнир.

Никого так не огорчил исход первых поединков, как Седрика Сакса, который каждый успех норманнских рыцарей принимал словно личное оскорбление. Он то и дело вопросительно поглядывал на Ательстана, который был обучен

рыцарским премудростям, пока впрямую не спросил соседа, не хочет ли тот попытать счастья.

— Я буду биться во второй день, — неохотно ответил Ательстан. — Сегодня уже не стоит надевать доспехи.

Тут и Вамба вставил свое словечко:

— Куда почетнее быть первым из ста, чем первым из двух…

Его шутку заглушил грохот литавр и рев труб, возвещающий о победе Бриана де Буагильбера, который на скаку, действуя одним тяжелым копьем, спешил двух противников. Один из них тут же безоговорочно признал свое поражение. Едва трубы и литавры смолкли, как разнесся звук одинокой трубы, означающий вызов, брошенный рыцарю-крестоносцу. Все взоры обратились к северной стороне арены.

Ворота поспешили распахнуть, и на поле на вороном скакуне появился новый боец в сверкающих стальных латах с богатой золотой насечкой. На гербе, украшавшем его щит, был изображен молодой дуб, вырванный с корнем, под которым был написан девиз рыцаря: «Утративший Наследство». Сделав круг, всадник с достоинством приветствовал принца и зрителей. Рыцарь ловко держался в седле, а его телосложение казалось

скорее хрупким, чем крепким, какое бывает у опытного воина. К изумлению зрителей, он направился к шатру храмовника и с силой ударил острием копья в щит Буагильбера, вызывая того на смертный поединок.

Когда оба противника разъехались по разным концам арены, тревожное ожидание зрителей достигло предела; в глубокой тишине раздался высокий звук труб, и противники, словно две молнии, понеслись навстречу друг другу.

При столкновении их копья разлетелись в щепки по самые рукояти, а кони обоих рыцарей взвились на дыбы и, взметая комья земли, отпрянули назад. Сменив копья, противники вновь выехали на середину арены. На этот раз храмовник ударил так метко и с такой силой, что наконечник его копья вошел в самую середину щита неизвестного рыцаря. В свою очередь Утративший Наследство, вначале тоже метивший в щит Буагильбера, в последний момент схватки изменил направление копья и ударил по шлему противника. Это было гораздо труднее, но при удаче удар был почти неотразим. Так оно и случилось, удар пришелся по забралу, а острие копья задело перехват стальной решетки. Однако храмовник и тут не потерял присутствия духа и

поддержал свою славу. Если б подпруга его седла случайно не лопнула, быть может, он и не упал бы. Но вышло так, что седло, конь и всадник рухнули на землю и скрылись в столбе пыли.

Вне себя от ярости, Бриан де Буагильбер вскочил на ноги и, выхватив меч, бросился на своего обидчика. Однако распорядители турнира тотчас напомнили ему, что правилами строго запрещены поединки один на один в первый день рыцарских состязаний.

— Мы еще встретимся, — злобно прохрипел храмовник, отшвырнув меч и ловя поводья коня.

Доспехи Буагильбера были сильно помяты, сам он заметно прихрамывал, покидая ристалище.

Не сходя с коня, рыцарь потребовал кубок вина и, осушив его до дна, дал знак своему трубачу бросить вызов остальным рыцарям — устроителям турнира.

Первым на арену выехал барон Фрон де Беф, настоящий великан в черной броне. У обоих противников копья переломились в первом же столкновении, но при этом барон потерял равновесие, едва не вылетев из седла, и судьи решили, что он проиграл. Следующая стычка произошла с бароном Мальвуазеном и была столь же «успешна», как и следующий бой с Гранменилем: оба

признали себя побежденными. Ральф де Випонт пополнил список блестящих побед незнакомца, с такой силой грохнувшись оземь, что кровь хлынула из-под его забрала. Бесчувственного норманна пришлось унести с арены.

Тысячи восторженных голосов приветствовали решение принца и приговор судей. Победителем первого дня турнира был признан рыцарь Утративший Наследство.

Глава 9

Победителя попросили снять шлем или поднять забрало, прежде чем он предстанет перед принцем Джоном, однако неизвестный рыцарь вежливо отклонил эту просьбу. Сделав почетный круг, он остановил коня перед королевской ложей.

Принц сгорал от любопытства, хотя и был огорчен бесславным поражением своих фаворитов. Он безуспешно гадал, кто же скрывается под стальным забралом, и малодушно страшился мысли, что это один из приближенных его брата Ричарда, вернувшийся из Палестины. Однако незнакомец спокойно склонил голову в приветствии, и принц велел подвести победителю призового коня. Высокомерно похвалив достоинства Утратившего Наследство, принц проговорил:

— Вам, сэр, оказана честь избрать ту прекрасную даму, которая займет трон королевы любви и будет главенствовать на завтрашнем празднике. Рыцарь, опустите ваше копье!

Тот повиновался. Принц Джон надел на острие

копья венец из зеленого атласа, украшенный золотым обручем в виде сплетенных сердец и наконечников стрел, и подал знак. Зрители замерли в ожидании.

Седрик Сакс, сверх всякой меры довольный поражением храмовника и ненавистных ему баронов, жадно следил за каждым движением победителя. Леди Ровена казалась равнодушной, но и ее взгляд не отрывался от фигуры рыцаря. Даже флегматичный Ательстан ожил и потребовал себе кубок мускатного вина, чтобы осушить его в честь героя турнира. И только Исаак из Йорка был несколько озабочен случившимся.

— Ну и прыток оказался наш вояка, — жаловался он дочери. — Совсем не бережет чистокровного коня, будто это вьючный осел. А дорогие доспехи? Он что, нашел их на большой дороге?

— Не говори так, отец, — возразила Ребекка, — ведь храбрый рыцарь каждую минуту рисковал жизнью.

Тем временем победитель приблизился к галерее, где находилось семейство Седрика Ротервудского. С минуту рыцарь постоял неподвижно, а затем почтительно склонил копье и положил венец к ногам прекрасной саксонки. Щеки леди Ровены вспыхнули легким румянцем. В ту же

минуту грянули трубы и герольды провозгласили ее королевой турнира.

Принц Джон в сопровождении свиты направился к выходу; народ начал мало-помалу расходиться. Толпы зрителей рассыпались по долине. Большинство из них устремилось в Ашби, где в замке остановились знать и брат короля Англии.

Голоса постепенно стихли, и вскоре на опустевшем ристалище воцарилась глубокая тишина. Лишь изредка доносился смех слуг, убиравших на ночь подушки и ковры с галерей для именитых гостей. Распахнулись двери кузниц, расположенных вокруг арены, подмастерья начали раздувать горны, и в густеющем вечернем сумраке принялись за работу оружейники и мастеровые. Отряд воинов, сменявшихся каждые два часа, окружил ристалище, чтобы нести свою службу до наступления утра.

Ни Седрик Сакс, ни леди Ровена, ни даже Ательстан не приняли любезного приглашения принца Джона отужинать в его обществе. Вежливо отказался от поездки в замок и рыцарь, сражавшийся под девизом «Утративший Наследство». Едва зрители поднялись со своих мест и направились к выходу, победитель турнира поспешил скрыться в своем шатре.

Глава 10

Однако уже через полчаса рыцарю доложили, что к нему явились пятеро оруженосцев устроителей турнира. Рыцарь немедленно надвинул на лицо капюшон плаща, в который он переоделся, едва успев освободиться от доспехов. Закутанный в такое же глухое одеяние слуга, который, казалось, как и его хозяин, хотел остаться неузнанным, проводил рыцаря туда, где его ожидали.

— Согласно правилам турнира, — начал один из оруженосцев, — я, слуга рыцаря Бриана де Буагильбера, послан им, чтобы вручить вам коня и оружие, которые служили ему в состязании. Вы можете оставить их себе или потребовать денежный выкуп.

— От вашего хозяина я ничего не приму, — ответил победитель. — Передайте ему, что наш поединок еще не окончен.

— Нам также поручено, — выступил вперед оруженосец из оставшейся четверки, — предложить храброму рыцарю по сто золотых монет выкупа за каждого из коней и доспехи.

— Я приму половину этой суммы, — ответил рыцарь Утративший Наследство. — Остальное разделите между собой и раздайте другим слугам.

Возвратившись в свой шатер, он с улыбкой подозвал слугу:

— До сих пор, Гурт, ты отлично справлялся с ролью моего оруженосца и прислужника. Я хочу вознаградить тебя за все опасности, которым ты подвергался. Прими, будь добр, эти десять золотых за усердие и преданность…

— Так я теперь богач! — просияв, воскликнул свинопас.

— А этот мешок с золотом сейчас же снеси в Ашби. Разыщи там Исаака из Йорка. Пусть из этих денег он возьмет то, что причитается ему и его родичу.

— Все будет в точности исполнено! — Гурт поцеловал рыцарю руку, взял кожаный кошель и покинул шатер. «Не быть мне саксом, коль не заставлю проклятого еврея запросить ровно треть!» — думал он по дороге.

…В покое, украшенном по-восточному пышно, на вышитых шелком подушках расположилась Ребекка, которая, молча наблюдая за своим отцом, не сводила с него нежного и в то же время

тревожного взгляда. Расстроенный донельзя Исаак в волнении расхаживал перед дочерью, время от времени всплескивая худыми руками и закатывая глаза.

— О небо! — восклицал он. — Праведный Господь! Полсотни монет вырвал у меня своими когтями этот ненасытный тиран! По какому праву?

— Но мне показалось, батюшка, — проговорила Ребекка, — что вы сами охотно отдали это золото принцу Джону.

— Так же охотно, как в Лионском заливе я однажды выбросил за борт товары, чтобы облегчить корабль во время бури… Чтоб его поразила казнь египетская! Мало того что наше племя скитается по всему свету, так нас еще грабят и заставляют радоваться и благодарить…

— Однако без нас им не обойтись, — успокаивала старика девушка. — Даже сегодняшний великолепный турнир не состоялся бы без твоего желания и денег. Так или иначе, но все потерянное золото вернется в твои сундуки…

— Не все! — возразил Исаак. — А конь, а богатые доспехи — мой барыш от сделки с Хайрамом, который я из-за минутной слабости отдал неизвестному юноше? Впрочем, он был добр ко мне, а

возможно, даже спас жизнь…

— Грешно раскаиваться, отец, за порыв добрых чувств, — нахмурившись, заметила Ребекка.

— Верно, — старик живо повернулся к дочери, — однако у меня нет ни малейшей уверенности в том, что даже самые благородные рыцари имеют обыкновение возвращать свои долги.

Слуги тем временем поставили на круглый столик черного дерева две зажженные лампы и начали не спеша накрывать к ужину. Вскоре один из них вышел и вернулся с сообщением, что господина дожидается посетитель. Исаак отставил кувшин с греческим вином и велел Ребекке накинуть на голову покрывало.

Дверь отворилась. В покои вошел Гурт и остановился, не сняв шапки.

— Ты ли Исаак из Йорка? — спросил подозрительный гость, осматриваясь по сторонам.

— А ты кто таков?

— Не все ли тебе равно, из какой реки к тебе приплывет золотая рыбка?

— Ты принес деньги? — Старик торопливо шагнул к Гурту. — Кто тебя послал?

— Рыцарь Утративший Наследство. Конь уже стоит в твоей конюшне. Что должен тебе рыцарь за остальное?

— Я же говорил, это поистине добрый юноша! — воскликнул Исаак в полном восторге. — Отведай вина, посланец… Сколько же у тебя в кошеле монет?

— Восемьдесят золотых.

— Маловато… — Алчность старика отчаянно боролась с его великодушием, но великодушие все же победило.

Пока Исаак писал расписку, свинопас без церемоний осушил еще один кубок, одобрительно хмыкнул и кивнул слуге, чтобы тот снова наполнил посудину. Затем сунул клочок пергамента за подкладку истрепанной шапки и, не прощаясь, покинул комнату.

Не успел он переступить порог, как горячая женская ладошка крепко схватила его за руку и повела по темному коридору. Гурт счел все это действием невиданного вина, которого ему до сего дня не случалось пробовать, и не очень сопротивлялся, пока его не прижали к стене прихожей, освещенной тусклой сальной свечой.

— Тише, дружок, — шепнуло привидение серебряным голосом. — Мой батюшка пошутил… Сколько ты ему отдал?

— Восемьдесят золотых. — Изумленный свинопас наконец-то узнал Ребекку.

— Вот тебе кошелек, — сказала девушка, — в нем сто монет. Возьми себе двадцать, остальное отдай рыцарю. Я запру за тобой дверь. Будь осторожен на городских улицах. Быстрее…

Когда за Гуртом захлопнулись ворота, он еще долго стоял в ночной тишине, почесывая в затылке и бормоча:

— Десять монет от моего господина да еще двадцать от ангела небесного! Славный выдался денек! Если так пойдет и дальше — конец твоей неволе, свинопас! Внесу выкуп, добуду меч и стану служить молодому господину до самой смерти, не скрывая больше ни от кого ни своего лица, ни имени…

Дорога прямо от окраины Ашби спускалась в темную глубокую лощину, густо заросшую орешником и курчавыми дубами. Из городка доносился отдаленный шум гульбы — крики, смех, дикая музыка, и это внушало Гурту некоторое беспокойство. Он ускорил шаг, чтобы побыстрее выбраться на открытое место.

Однако все вышло по-другому. Едва свинопас поравнялся с колючим кустарником, на него накинулись, вмиг скрутили руки за спиной и сбили с головы шапку вместе с распиской Исаака. Мужчин оказалось четверо, и их лиц Гурт даже

не успел рассмотреть.

— Тащите его в лес! — приказал один из разбойников. — Освободим парня от лишнего груза…

Компания, в которой против своей воли оказался удрученный свинопас, остановилась на глухой лужайке, где к ней присоединилась еще пара отпетых злодеев в масках, вооруженных мечами и увесистыми дубинками.

— Сколько при тебе золота, бродяга? — спросил один из них, грубо схватив Гурта за плечо.

— Где ты видишь бродягу? — угрюмо отвечал Гурт. — У меня тридцать собственных монет; я копил их долгие годы, чтобы заплатить выкуп Седрику Саксу. Если ты, разбойник, хочешь оказаться на его месте, бери деньги и отпусти меня…

— Врешь! Тут у тебя еще целый мешок золота!

— Отобрать! — послышались голоса со всех сторон.

— Это деньги моего господина. Я их несу от еврея Исаака из Йорка, остальное вам знать ни к чему.

— Ишь ты, — пробурчал разбойник. — Кто же он, твой господин?

— Рыцарь Утративший Наследство. Он добыл это золото своим копьем…

— Это тот, что ли, неизвестный рыцарь, что выиграл приз на нынешнем турнире? Да еще и вывалял в пыли баронов? А тебя-то как звать?

— Сказать вам это — все равно что назвать имя моего господина.

— Ну ты и наглец!..

— Отнять у него золото! — снова закричали остальные разбойники. — Огня сюда!

Запылали факелы, у Гурта отобрали кошель, и он, взбешенный, воспользовался суматохой и, выхватив из рук одного из разбойников здоровенную дубину, с силой огрел того по спине. Свинопас мог бы сбежать, однако он не пожелал расставаться со своим имуществом, и его снова скрутили.

— Мошенник! — взревел ушибленный разбойник, бросаясь к Гурту. — Ты сломал мне спину, и я тебя проучу как следует!

— Погоди, — сказал другой, по виду старший среди лесной братии. Он задумчиво вертел в руках расшитый шелком кошелек Ребекки. — Похоже, раб говорит правду. Его хозяин — странствующий рыцарь, так что пусть убирается восвояси…

— Это не по правилам! — закричали разбойники. — Парня надо наказать!

— Что ж, будь по-вашему. — Вожак подозвал к

себе плечистого увальня. — Ну-ка, Мельник, бери свою дубовую подружку, а вы, ребята, отпустите молодца и дайте ему такую же дубину. Пусть честно померяются силами. Кто победит — тому и жить…

Оба бойца сошлись и начали наносить удары друг другу с такой ловкостью и быстротой, что на поляне долго стоял один только непрерывный стук сухого дерева. Наконец Мельник, потеряв терпение и грозно сопя, начал наступать, однако Гурт, защищаясь, вывернулся из-под его удара, неожиданно вскинул дубину над головой и изо всей силы треснул противника по лбу. Разбойник рухнул как подкошенный и вытянулся во весь свой здоровенный рост на траве под одобрительный свист разбойников.

— Ну, приятель, и повезло же тебе! Можешь идти своей дорогой, — усмехнувшись, сказал главарь и вернул Гурту кошель с деньгами. — Я дам тебе провожатых, они доведут тебя до холма, а дальше сам отыщешь своего рыцаря… И помалкивай о том, что с тобой приключилось, — тебе же будет спокойнее!

На этом они расстались, и свинопас вскоре благополучно добрался до шатра рыцаря Утратившего Наследство.

Он тут же выложил все подробности многообразных событий, которые ему довелось пережить нынче вечером, и лишь затем, усталый, растянулся на медвежьей шкуре перед входом в шатер, чтобы никто не смог потревожить сон его господина, который должен был набраться сил перед вторым днем турнира.

Ночь была тихая, мириады звезд перемигивались на бархатном небосклоне.

Глава 11

Как только солнце показалось над горизонтом, к зеленой поляне с разных сторон потянулись зрители, чтобы успеть занять лучшие места.

По обычаю в этот день рыцари должны были сражаться не один на один, а небольшими отрядами, причем разрешалось пускать в ход меч и секиру, но использовать кинжалы запрещалось. Такие состязания были куда более опасны, чем те, что происходили в первый день. Не только клинки тяжелого оружия угрожали жизни бойцов; копыта разгоряченных коней нередко причиняли страшные увечья тем, кто был выбит из седла и не мог вовремя подняться из-за тяжести доспехов.

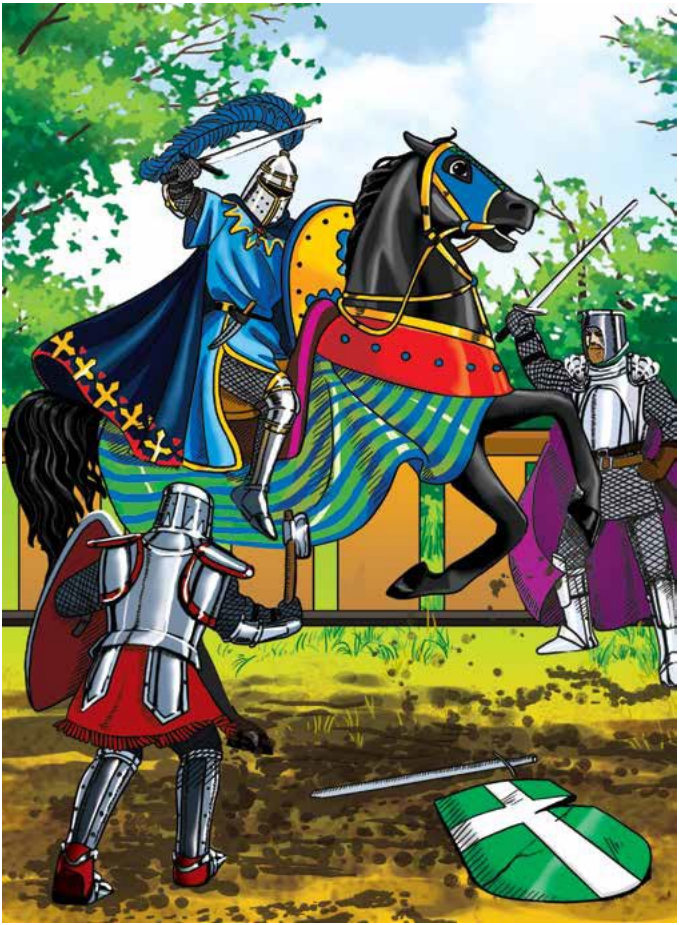
Согласно тем же обычаям рыцарь Утративший Наследство возглавил первую партию, а крестоносец, признанный накануне вторым по храбрости и воинскому искусству, стал предводителем второй.

Около десяти утра рев труб возвестил о прибытии принца Джона. Одновременно с ним в галерее показались Седрик Сакс и леди Ровена, но

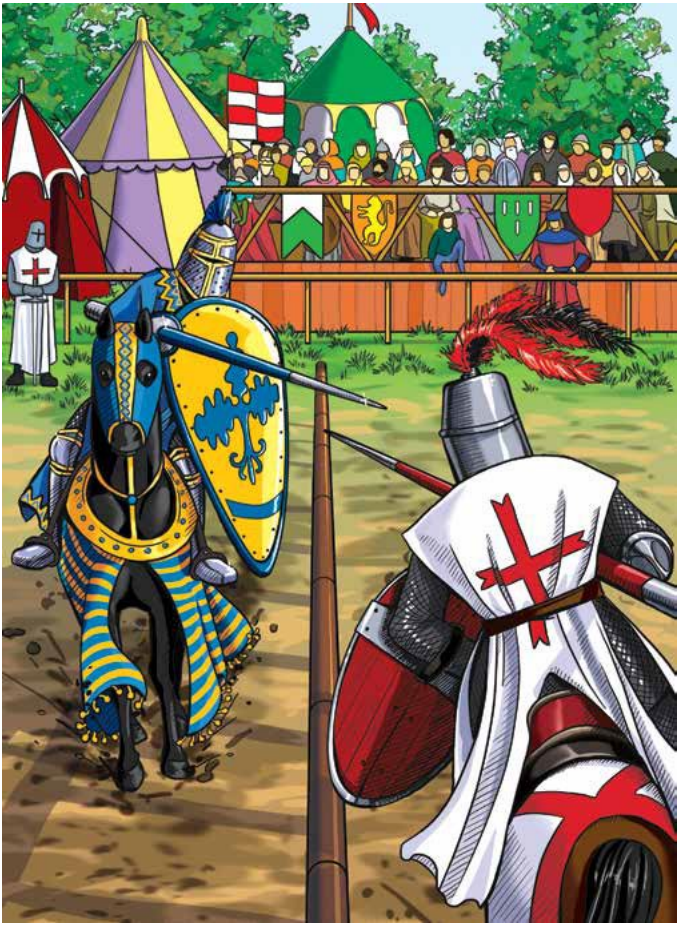
на этот раз без Ательстана, который, к немалому удивлению Седрика, присоединился к партии Бриана де Буагильбера. На то имелась особая причина — Ательстан посчитал необходимым наказать того, кто дерзко, как ему казалось, повел себя по отношению к его нареченной невесте. Устроители турнира, поняв, что и принц не прочь посрамить «выскочку», также присоединились к отряду храмовника. В то же время немало славных рыцарей саксонского и норманнского происхождения пополнили ряды партии вчерашнего победителя…

Как только леди Ровена поднялась на помост, где стоял трон для королевы турнира, зазвучала торжественная музыка, заглушаемая громкими приветственными криками зрителей. Солнечные блики играли на оружии и доспехах рыцарей, томившихся в ожидании начала турнира. Наконец на ристалище выступили герольды и установилась тишина. Были оглашены дополнительные правила, согласно которым состязания должны закончиться по знаку принца Джона, а победителя наградит избранная вчера королева. Сейчас же затрубили трубы, шпоры вонзились в бока коней и первые всадники обеих партий понеслись друг на друга.

Когда облако пыли, поднятое копытами разгоряченных коней, осело, стало видно, что добрая половина рыцарей выбита из седел. Оставшиеся в рядах всадники снова сомкнулись, выхватив мечи. Лязг оружия, крики и звуки труб заглушали стоны раненых; блестящие доспехи рыцарей покрылись пылью и кровью, а пышные перья плюмажей, срубленных со шлемов острыми лезвиями, летали в воздухе.



Мало-помалу ряды сражающихся начали редеть, и наконец Бриан де Буагильбер оказался лицом к лицу с рыцарем Утратившим Наследство. К этому времени партия вчерашнего победителя находилась в самом затруднительном положении — могучая рука Фрон де Бефа и бычья сила тяжеловесного Ательстана косили сражающихся одного за другим. Однако оба рыцаря одновременно поняли, что получат решительный перевес в схватке, если придут на помощь храмовнику, завязавшему бой со своим главным соперником. Теперь против одного выступили трое опытных бойцов. Казалось, уже ничто не сможет спасти рыцаря Утратившего Наследство, если бы не поразительная резвость его коня. Он стремительно увертывался от нападавших на него со всех сторон, на скаку нанося меткие удары мечом направо и налево.



Зрители видели, что силы одинокого воина на исходе, и даже аббат Эймер намекнул принцу Джону, что пора бы остановить турнир, но тот возразил, что неизвестный рыцарь уже получил свою награду и теперь для него пришла пора разделить свой триумф с другими.

Однако помощь пришла с неожиданной стороны.

Один из сторонников рыцаря Утратившего Наследство, не имевший никакого девиза на щите и до сих пор почти не принимавший участия в состязании — его прозвали Черным Рыцарем из-за цвета его сарацинских доспехов, — вдруг стремительно бросился в бой и обрушил свой меч на шлем Фрон де Бефа. Барон рухнул вместе с лошадью, а нападавший круто обернулся к Ательстану. Отшвырнув сломанный меч, он вырвал из рук сакса секиру и нанес ему удар такой силы, что тот без чувств растянулся в пыли.

Предоставив своему предводителю самому завершить поединок с крестоносцем, Черный Рыцарь не спеша направился к воротам на северном краю ристалища.

В этот момент раненая в схватке лошадь Буагильбера не выдержала последнего столкновения противников и пала. Рыцарь Утративший

Наследство мигом спрыгнул с седла, приблизился к храмовнику и занес меч над его головой.

В следующую секунду принц Джон, желая избавить Бриана де Буагильбера от бесчестия, бросил на арену свой жезл, положив конец состязанию. Он поискал глазами Черного Рыцаря, однако того нигде не было видно. Кто-то из свиты шепнул принцу, что рыцарь ускакал в сторону леса.

— Что ж, раз этот смельчак отсутствует, — без особой охоты проговорил Джон, — придется снова отдать первенство рыцарю без имени. Пусть королева турнира вручит ему приз.

Торжественно зазвучали литавры, и герольды воздали честь храбрым бойцам и славу победителю. Затем рыцаря подвели к трону, где сидела леди Ровена. Девушка величаво спустилась с возвышения и уже хотела возложить венец на шлем рыцаря, когда судьи с возмущением воскликнули в один голос:

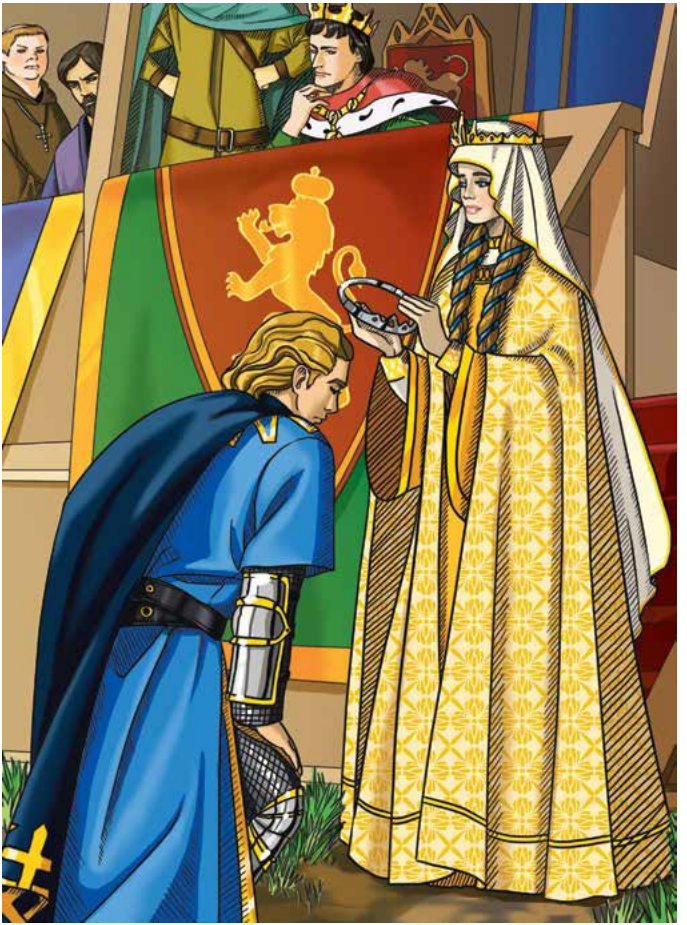
— Это недопустимо! Победитель турнира обязан обнажить голову перед королевой!

Обступив рыцаря, они расстегнули ремни и сняли с него шлем. Открылось обрамленное светлыми волосами мужественное и бледное лицо красивого двадцатипятилетнего юноши.

Из груди леди Ровены вырвался сдавленный

крик, однако, с огромным усилием справившись с собой, она возложила венец на голову победителя и твердо произнесла:

— Никогда еще рыцарский венец не украшал чело более достойного воина…



Рыцарь склонил голову, поцеловал руку прекрасной саксонки, затем внезапно покачнулся и осел на землю у ее ног.

Это происшествие вызвало всеобщее смятение. Седрик, пораженный появлением Айвенго, им же изгнанного из родительского дома сына, бросился к нему, но его опередили. Судьи, поняв причину обморока рыцаря, поспешили освободить его от лат. На боку юноши зияла кровавая рана, нанесенная могучим ударом копья.

Глава 12

Едва было произнесено имя Айвенго, как оно начало передаваться из уст в уста и очень скоро достигло королевской ложи.

— Недаром я сразу почувствовал неприязнь к этому молодцу, хотя и не подозревал, что под его доспехами скрывается любимчик моего брата, — молвил принц.

— Нет сомнения, что рано или поздно рыцарь потребует обратно замок и владения, пожалованные ему Ричардом, — те, что великодушно переданы вашим высочеством барону Фрон де Бефу, — заметил Вальдемар Фиц-Урс. — Однако пока больших беспокойств от него ждать не приходится — сэр Айвенго опасно ранен.

— Надеюсь, все обойдется, — усмехнулся принц. — Тем не менее этот храбрый рыцарь все же победитель турнира. Пошлите к нему нашего лекаря.

Фиц-Урс сообщил, что рыцаря с ристалища уже куда-то утащил его звероподобный оруженосец, и поспешил сменить тему, сказав:

— Сегодня мне было грустно смотреть на леди

Ровену. Она царствовала всего лишь день, который закончился так прискорбно.

— А кто она такая? — спросил принц Джон. — Я об этой леди только и слышу.

— Богатая наследница знатного саксонского рода, — пояснил аббат Эймер. — Бесценная жемчужина…

— Она сирота? Вот оно что… А ведь по древнему английскому закону мы имеем королевское право выбрать ей супруга. А заодно и развеселим красавицу… Как тебе такой лакомый кусочек, де Браси?

— Если ее земли придутся мне по душе, то я не откажусь от такой невесты, — откликнулся де Браси. — Ваше высочество с избытком исполнит все обещания, данные своему верному вассалу.

— Отлично! — воскликнул принц и встал. — Передайте дворецкому, чтобы он позаботился пригласить леди Ровену и ее неотесанного опекуна. И никаких отговорок — их присутствие на нашем вечернем пиру обязательно…

В этот момент появился слуга и с поклоном подал принцу Джону небольшой конверт, запечатанный красной сургучной печатью.

— Доставлено гонцом, судя по внешности, французом, — ответил слуга на вопросительный

взгляд принца. — Велено передать лично в руки.

Пробежав глазами короткое письмо, принц побледнел и, отведя в сторону де Браси и Фиц-Урса, передал им содержание послания. В нем было всего несколько слов: «Будьте осторожны и еще раз осторожны — зверь сорвался с цепи!»

— Это означает, — упавшим голосом произнес принц, — что мой брат Ричард вырвался из плена на свободу и находится на пути в Англию.

— В таком случае, — нахмурившись, произнес Фиц-Урс, — нам и нашим сторонникам следует собрать все силы в одном месте — в Йорке. Иначе будет поздно.

— Благодарю, Вальдемар. — Принц Джон слегка повеселел. — Однако сегодняшний вечерний пир не отменяется и пройдет своим чередом. И вот еще что… — Он подозвал слугу, который принес письмо, и тихо приказал: — Пусть накормят гонца, а ты, не теряя ни минуты, скачи в Ашби. Передай еврею Исааку, чтоб до заката солнца прислал мне две тысячи крон. Вот тебе мой перстень в подтверждение, что ты от меня. Он знает зачем. Остальная сумма должна быть вручена мне в Йорке не позднее чем через шесть дней. Иначе старику не сносить головы. Ступай…

Вслед за отъездом принца Джона начали расхо-

диться и прочие зрители.

Вечерний пир превзошел всякие ожидания.

Замок и поместье Ашби принадлежали Роджеру де Квинси, графу Уинчестеру, который отправился вместе с королем в Палестину. Принц, без зазрения совести пользуясь его имуществом, созвал множество гостей, был любезен и весел и постарался блеснуть роскошью яств и напитков.

Седрика и Ательстана он встретил с предупредительной вежливостью и выразил глубокое сожаление, что леди Ровена по нездоровью не смогла принять его приглашение. Принц велел проводить гостей на отведенные им места и, едва сдерживая смех, обменялся с Фиц-Урсом взглядами — оба сакса были одеты в свою старинную дорогую одежду, передаваемую из поколения в поколение, и среди норманнских щеголей выглядели ряжеными пугалами.

Принц Джон занял свое место напротив Седрика, и пир покатился, как бочонок с элем с крутой горы, — слуги одно за другим меняли блюда, все чаще поднимались заздравные кубки, звучали хмельные возгласы, смех, музыка, пока наконец не пришла пора последней круговой чаши.

— Выпьем за здоровье Уилфреда Айвенго, героя сегодняшнего турнира! — Принц приподнял

кубок, взглянув исподлобья на Седрика. — Мы сожалеем, что его нет с нами. — Заметив, что Седрик не прикоснулся к своей чаше, Джон притворно удивился: — Почтенный батюшка храброго рыцаря отказывается принять наш тост?

— У меня больше нет непокорного сына, который отрекся от родовых обычаев, — мрачно произнес сакс, вставая. — Он ослушался меня…

— Сядьте, сэр Седрик, не стоит гневаться на юношу, — улыбнулся принц. — В конце концов, весь этот пир в его честь. А скажите-ка, достопочтенный, правда ли, что мой брат Ричард намеревался преподнести рыцарю Айвенго поместье в этих краях?

— Чистая правда. — Седрик угрюмо кивнул. — Это и стало одной из причин нашей ссоры с Уилфредом. Оскорбительно принимать в дар то, что силой отобрано у твоих предков…

— Выходит, сэр Седрик, — быстро спросил Джон, — вы не станете возражать, если мы передадим поместье тому, кто сочтет за честь принять подарок от британской короны? Сэр Фрон де Беф вполне достоин этого. И тогда у вашего сына больше не будет возможности вторично навлечь на себя родительский гнев.

Седрик не успел ответить, как Фрон де Беф со

смехом воскликнул:

— Ради этого ваше высочество даже может зачислить меня в саксы!

— Ну, сэр барон, — взорвался Седрик, задетый этими словами, — если б кому и вздумалось назвать тебя саксом, это была бы для тебя незаслуженная честь.

— Благородный Седрик прав, — поспешил успокоить гостя принц, — саксонская порода имеет первенство над нашей…

— Хотя бы тем, что саксы вечно бегут впереди норманнов, как олень, преследуемый собаками, — подхватил де Браси, позабыв во хмелю, что ему обещана саксонская супруга. — И не забывайте об их пламенной любви к горячительным напиткам!

— Довольно шуток, господа рыцари! — примирительно воскликнул Фиц-Урс, заметив, что гость начинает задыхаться от гнева.

Седрик оттолкнул его протянутую руку, налил себе полную чашу вина и произнес:

— Если на этом пиру кое-кому не по нраву саксы, я хочу выпить за норманна — первого среди храбрых. Здоровье короля Ричарда Львиное Сердце!

Принц Джон вздрогнул, машинально пригу-

бил из своего кубка, а Седрик, осушив до дна свою чашу, гордо покинул пиршественную залу в сопровождении Ательстана и других гостей-саксов.

Вскоре в замке осталась лишь свита принца.

— Ну, — сказал, обращаясь к рыцарям аббат Эймер, — пошумели и довольно! Выпито немало, пора и на покой. Кто как хочет, а я отправляюсь домой…

— Вот вам результат ваших нелепых шуточек. — Принц Джон выглядел вконец расстроенным, когда аббат покинул зал. — Мы позвали сюда саксов, чтобы напоить как следует, одурачить и взять свое, а эти грубые мужланы не только выиграли турнир, но еще и с пира ушли победителями. И настоятель что-то учуял… Он первым отречется от меня и постарается увезти с собой Буагильбера… Начали разбегаться, крысы…

— Сейчас не время упреков, государь, — заметил Фиц-Урс. — Мы с де Браси немедленно отправляемся к нашим сторонникам, а заодно я переговорю с монахом и втолкую ему, что все мы слишком далеко зашли, чтобы идти на попятную. И впредь надо быть осторожнее.

— Ничего не выйдет! — Принц в возбуждении

бросился к выходу из залы, визгливо призывая слуг. — Вокруг одни предатели и трусы!..

— Дай Бог, — шепнул Фиц-Урс на ухо де Браси, — чтобы небо вернуло ему мужество. Одно имя брата вызывает у него лихорадку. Не такое уж большое удовольствие быть советником человека, не знающего меры ни в хорошем, ни в дурном...

Ни один паук не затратил столько усилий на восстановление разорванной ветром паутины, как Вальдемар Фиц-Урс для того, чтобы собрать вместе всех участников заговора. Очень немногие, не имея личных выгод, были искренне привязаны к принцу. Благодаря неустанным стараниям будущего канцлера — а именно эту должность принц посулил Фиц-Урсу — сторонники Джона все-таки согласились собраться в Йорке, чтобы обсудить дальнейшие планы и как можно скорее возложить корону на голову принца. Все понимали, что необходимо действовать быстро и решительно, иначе схватка с Ричардом будет проиграна. Главным аргументом Фиц-Урса было то, что законный король Англии непременно отомстит тем, кто его предал. Даже если его брат Джон и уступает Ричарду в силе, уме и отваге, зато щедростью своей он превосходит

многих правителей и никого из преданных ему сторонников не оставит без почестей и наград.

Поздним вечером Вальдемар Фиц-Урс возвратился в замок Ашби.

Направляясь с докладом к принцу Джону, в одном из залов он столкнулся с де Браси, которого едва узнал. Норманн сменил придворный наряд на простой зеленый камзол и опоясался коротким мечом. Из-за спины его выглядывал длинный боевой лук.

— Что за маскарад, сэр Морис? — с досадой спросил Фиц-Урс. — И почему это ты, вопреки приказу принца, не отправился вместе со мной? Я так тебя и не дождался.

— Не стоит напускать на себя канцлерскую важность, сэр Вальдемар, — невозмутимо ответил де Браси. — О принце мы думаем одно и то же. Он слишком слаб, чтобы стать настоящим королем, и вряд ли сможет долго усидеть на троне. Ты сам мне дал кое-что понять… К тому же ты куда лучший дипломат, чем я.

— Однако Джон пока еще у власти, — понизив голос, напомнил Фиц-Урс. — И при нем мы сможем возвыситься. Зачем тебе понадобился этот шутовской наряд? Уж не на охоту ли ты собрался, что совсем не ко времени?

— На охоту. А добычей послужит богатая невеста, — проговорил, усмехаясь, де Браси. — Саксонка и ее родня сегодня поутру отправляются домой — мне донесли мои лазутчики. Я решил вместе со своим отрядом напасть на них в пути и отбить красавицу…

— Да ты окончательно спятил, де Браси! — вскричал Вальдемар. — Разве сейчас время затевать междоусобную свару?

— Все проще простого. Дорога, по которой они поедут, мне известна, и завтра саксы наткнутся на засаду. Во всем обвинят лесных разбойников, которых в этих местах видимо-невидимо. И тут появляюсь я собственной персоной, разыгрываю благородного рыцаря и освобождаю леди Ровену из лап грязного мужичья. После этого придется упрятать ее в замке Фрон де Бефа, который все еще надеется на милостивые подачки принца, или в Нормандии, пока леди не смирится со своим положением и не станет законной супругой Мориса де Браси.

— План хоть куда! — насмешливо произнес Фиц-Урс. — Скажи мне откровенно, де Браси, кто тебе его подсказал?

— Все это придумал Бриан де Буагильбер, храмовник. Он же берется мне помочь во всем, что

связано с похищением.

— Возможно, сэр рыцарь, вам и посчастливится отнять у саксов их красавицу, но никогда не поверю, чтобы тебе удалось вырвать ее из когтей Буагильбера. Могу поклясться: у храмовника совсем другие намерения. Надеюсь, ты выбросишь из головы эту глупейшую затею.

— Уверяю тебя, — надменно проговорил де Браси, — уже через день все будет кончено. И я вовремя явлюсь в Йорк... Прощай, любезный Фиц-Урс!

Глава 13

На ночлег Черный Рыцарь остановился в уединенной харчевне, где в подробностях узнал, чем закончился турнир в Ашби. Ранним утром он направился на север, избегая проезжих дорог и пробираясь путаными лесными тропами. Его конь, отдохнувший накануне, к сумеркам все же устал, и странствующий рыцарь достиг лишь западной границы Йоркшира. Нужно было снова позаботиться о ночлеге.

Место было пустынное; до сих пор Черный Рыцарь держал путь по солнцу, однако оно уже садилось за холмами, и ему оставалось только положиться на своего верного коня. В лесной чаще легко сбиться с дороги и вследствие этого проблуждать несколько дней. Всадник спрыгнул на пыльную траву и зашагал рядом с конем, держа его под уздцы. Как только животное перестало чувствовать седока, закованного в тяжелые боевые доспехи, оно сразу пошло бодрее, то и дело настороженно поводя ушами. Тропка, по которой рыцарь вел коня, свернула, и вскоре ему показалось, что где-то неподалеку слышится над-

треснутый звон колокола, — должно быть, рядом находилась часовня или хижина отшельника.

Вскоре тропа стала шире; Черный Рыцарь снова прыгнул в седло и через несколько минут выехал на поляну, на противоположной стороне которой возвышался утес, оплетенный побегами плюща и корнями исполинских деревьев, многие из которых были изломаны ветрами. У подножия утеса приютилась хижина, сложенная из толстых нетесаных бревен; щели между ними были законопачены глиной и мохом. Очищенный от ветвей сосновый ствол с перекладиной был врыт в землю напротив двери, изображая грубый крест. Неподалеку находился камень с выдолбленным в нем углублением в форме чаши, куда из расселины утеса стекала прозрачная струйка воды. В двух шагах от камня рыцарь увидел развалины древней саксонской часовни с полуразрушенной кровлей и колокольней, на которой одиноко висел позеленевший от времени и непогоды бронзовый колокол. Эта мирная картина обещала отдых, потому что первейшей обязанностью отшельников, селившихся в лесах, было оказание гостеприимства заблудившимся путникам.

Спрыгнув с коня, Черный Рыцарь древком ко-

пья постучал в дверь хижины. Оттуда донесся низкий сипловатый голос:

— Иди мимо, кто бы ты ни был, не мешай слуге Господа молиться.

— Прошу тебя, достойный отец, если ты добрый христианин, отопри дверь! — произнес Черный Рыцарь. — Я бедный странник, заблудился в этих лесах, прояви ко мне милосердие.

— А я прошу тебя, упрямец, не отвлекать меня. Сделай милость!

— Ну так хоть укажи мне дорогу! — Рыцарь в досаде еще раз ударил в запертую дверь копьем.

— Брат мой, — голос отшельника приблизился и стал вкрадчивым, — дорогу отыскать нетрудно. Как выйдешь из лесу, минуешь болото и сразу наткнешься на реку. Ищи рядом брод и ступай по левому крутому берегу. Только будь осторожнее: тропинка ненадежная и вьется прямо над обрывом… Ступай скорее, меня ждет вечерняя молитва…

Его слова заглушили ворчание и лай собак, которые, очевидно, делили с монахом хижину. Рыцарь в бешенстве ударил в дверь ногой с такой силой, что стены хижины задрожали.

— Открывай немедленно, а не то я разнесу твою хибару, клянусь небом!

— Погоди, добрый странник, сейчас отопру сам. И впрямь уже темно, как ты пойдешь дальше? Но не думаю, чтобы тебе пришлось по вкусу мое убогое жилище… Хотя как знаешь… — При этих словах дверь распахнулась.

Перед рыцарем стоял не старый еще человек крепкого телосложения, облаченный в грубую сутану, подпоясанную соломенным жгутом, с накинутым на глаза капюшоном. В одной руке он держал пылающий факел, в другой — увесистую дубину. Два лохматых волкодава скалили клыки, однако, когда в свете факела сверкнули доспехи и золотые шпоры на сапогах путника, отшельник прикрикнул на псов и с извинениями впустил рыцаря в свое логово.

— Я на ночь запираюсь от разбойников и грабителей, что шатаются без дела по окрестностям, — пробормотал он, указывая нежданному гостю место за столом.

— Бедность твоей кельи, — сказал рыцарь, осматриваясь, — сама по себе служит достаточной защитой от разбойников.

И действительно, в хижине не было ничего, кроме постели из сухих листьев на полу, самодельного деревянного распятия, молитвенника, стола, грубо сколоченного из нестроганых досок,

и двух таких же скамеек.

Отшельник сунул факел в железную скобу на стене, и мужчины уселись за стол. Оба некоторое время молча приглядывались друг к другу.

— Благочестивый отец, — произнес наконец рыцарь, — если позволите прервать ваши молитвенные размышления, я задам всего два вопроса. Первый: куда мне поставить своего коня? И второй: смогу ли я провести здесь ночь, получив самую скромную пищу и постель?

— Конюшни у меня нет, сэр рыцарь, как вы уже убедились. Привяжите вашего коня под деревом и покройте своим плащом. Постель я вам уступлю, а ужин мы разделим пополам. — Отшельник, усмехнувшись, поставил на стол глиняную миску с пареным горохом.

Когда гость вернулся, поверх листьев на постели лежала охапка свежих побегов папоротника и рваная пестрая ветошь.

Путник учтиво поблагодарил монаха за любезность и снова опустился на скамью напротив отшельника. Намереваясь отведать угощение, он снял шлем, отложил в сторону латы и большую часть оружия, и перед хозяином хижины предстал статный воин с благородной осанкой, вьющимися белокурыми волосами, голубыми

глазами, полными ума и живости, и прекрасно очерченным суровым ртом под темными усами. Монах, отвечая на этот знак доверия, тоже откинул на спину капюшон и обнажил круглую, как шар, крепкую голову. Его бритое загорелое темя было окружено, словно плетнем, венчиком жестких волос и походило на общинный загон для овец. Черты лица отшельника ничем не напоминали ни о монашеских обетах, ни об аскетической жизни. Больше того — это цветущее лицо с густыми черными бровями и тугими полными щеками, обросшими курчавой бородой, совершенно не соответствовало нищенской обстановке кельи.

Рыцарь, пряча в усах лукавую улыбку, проговорил:

— Святой отец, позволь грешному мирянину узнать твое имя.

— Можешь называть меня причетником из Компенхерста. Так меня прозвали в здешних краях… Ну а ты, незнакомый странник, не скажешь ли, как тебя величать?

— Видишь ли, добрый причетник, — гость протянул руку к гороху и отправил горсть в рот, — в здешних краях меня называют Черным Рыцарем… Неплохо бы запить родниковой водой твой

скромный ужин, ты согласен?

— Да уж, — отшельник хитро прищурился, — сдается мне, монашеская пища, благородный рыцарь, скоро станет у тебя поперек горла. Ты, небось, привык к пирам и непомерной роскоши придворной жизни…

— Напротив, скорее к походной палатке и доброму коню.

— Знаешь, любезный сэр Черный Рыцарь, помнится мне, что один из лесников оставил тут кое-какие свои припасы. — Монах легко вскочил на ноги. — Я едва не позабыл о них…

Отшельник порылся в тайнике, и вскоре перед гостем уже стоял огромный мясной пирог, испеченный прямо в оловянном блюде. Рыцарь взял небольшой кусочек и не без удовольствия отведал.

— И как давно посетил тебя щедрый лесник? — улыбнувшись, осведомился он.

— Месяца два уж минуло…

— Чудеса творятся в твоей келье, отче, да и только; олень, послуживший начинкой этому пирогу, еще пару дней назад резвился в лесу… Мне довелось бывать в Палестине, и по тамошним обычаям хозяин, угощая гостя, должен обязательно разделить с ним трапезу. Чтоб никто не

заподозрил, что в пище может оказаться яд. Не подумай, что я хочу обидеть благочестивого бедного отшельника. Я всего лишь предлагаю ему присоединиться ко мне.

— Мне придется прервать пост, — сказал монах, энергично придвинув к себе блюдо, — чтобы развеять твои подозрения, сэр рыцарь… Однако я совершенно позабыл о святой воде!

Не прошло и минуты, как из тайника появились оплетенная кожаными ремнями бутыль вина и два кубка из рога буйвола в серебряной оправе, которые отшельник тут же наполнил до краев.

— Благословясь! — воскликнул он, поднимая кубок. — Твое здоровье, Черный Рыцарь!

— И твое, добрый причетник! — Гость в два глотка осушил кубок и спросил: — Не пойму, с какой стати человек, подобный тебе, поселился в этой глуши, вместо того чтобы найти себе место в королевских лесах? Занимался ли ты когда-нибудь охотой? Там ведь и олени, и мелкая дичь поупитаннее. Зачем тебе чьи-то подачки?

— Ты говоришь опасные слова, странник. Не произноси их больше. Я служу Богу и королю и за мелкое воровство или пару подбитых зайцев не хочу сидеть в темнице. А если уж ты такой

смельчак, я могу доказать тебе, что не только рыцари умеют владеть оружием. — Отшельник нахмурился.

— Ты можешь выбрать любое из того, что есть у меня, монах, — усмехнувшись, ответил гость.

— А что сэр благородный рыцарь скажет об этом? — Отшельник быстро отпер незаметную снаружи дверь чулана и предъявил два палаша и два щита.

Черный Рыцарь вдруг заметил среди оружия арфу.

— Брат причетник! — воскликнул он. — Не в моих правилах совать нос в чужие дела. У тебя в чулане есть кое-что поинтереснее. — Он указал на арфу. — Этим оружием я бы сразился с тобой гораздо охотнее.

— Что ж, повеселимся! — Монах взял в руки арфу и провел по струнам. — Наполни кубки, понадобится немало времени, чтобы настроить это старое оружие. Ничто так не освежает голос и слух, как глоток доброго старого вина!

— Здесь недостает одной струны, святой отец, да и остальные, думаю, будут не особенно в ладах с твоими мозолистыми пальцами, — улыбнувшись, сказал рыцарь.

— Ага! Ты заметил это? — живо откликнулся пустынник. — Стало быть, ты знаток в музыке. Всему виной невоздержанность, запомни это, сын мой… Я говорил своему давнему гостю, менестрелю, что он погубит арфу, если дотронется до нее после седьмого кубка, однако он меня не послушал… Вот, возьми, и раз уж ты такой знаток, приведи ее в порядок… А затем развей мое одиночество, благородный рыцарь, спой что-нибудь!

— Ну, раз ты просишь, — согласился гость, — я попробую потешить тебя балладой одного сакса, которого я знавал в Святой земле.

«Из Палестины прибыл он, военной славой осенен», — начал рыцарь несильным, хрипловатым, но хорошо поставленным голосом, а когда закончил пение, отшельник смахнул невольную слезу и отхлебнул вина.

— Песня хороша и спета недурно, — похвалил он. — Но я думаю, сэр рыцарь, что мои земляки-саксы так долго путались с норманнами, что и сами стали сочинять такие заунывные песенки, от которых только в голове шумит.

Рыцарь, ухмыльнувшись, покосился на полупустую бутыль и протянул хозяину инструмент. Причетник из Компенхерста не заставил себя долго упрашивать и взревел, да так, что с потолка хижины посыпалась труха:

…Всегда он обедает славно в гостях,
Почетнейший гость, босоногий монах.
За ужином пьет он отменнейший эль,
И мягкую стелют монаху постель;
Хозяина выгонят вон впопыхах,
И сладко храпит босоногий монах.
Да здравствует бедность одежды моей,
Власть Римского Папы и вера в чертей!
Рвать розы, не думать совсем о шипах
Могу только я, босоногий монах…

Отшельник лихо ударил по струнам и умолк.

— Теперь твой черед, — сказал он рыцарю.

Немало было спето старинных саксонских и норманнских баллад, веселых и грустных, как вдруг дверь хижины застонала под ударами крепких кулаков…

Глава 14

Как только Седрик Ротервудский обнаружил, что победитель турнира серьезно ранен, первым его побуждением было забрать сына с собой. Однако он не отдал приказ сделать это и лишь велел дворецкому Освальду присмотреть за рыцарем, а когда толпа рассеется, взять двух помощников и не спеша переправить раненого в Ашби. Вскоре Освальд доложил, что Айвенго нигде не нашли, однако обнаружился пропавший Гурт, которого он счел своим долгом схватить как беглого раба.

Седрик рассвирепел, но было непонятно, что вызвало в нем такой внезапный гнев: тревога за вновь пропавшего сына или сбежавший намедни свинопас. Сакс тут же велел связать Гурта покрепче и не спускать с него глаз. Убедив себя, что Айвенго в безопасности, и немного успокоившись, Седрик тут же обрушился на непокорного сына с упреками:

— Пусть проваливает куда хочет, — бурчал он себе под нос. — Пусть зализывает свои болячки с теми, кому служит, пусть они его сами врачуют… Ох, неблагодарный! Научился проделывать нор-

маннские потешные фокусы на ристалище, а меч и секиру славных предков позабыл…

— Вы несправедливы, сэр, — заметила леди Ровена, которую опекун не отпускал от себя ни на минуту. — Если для защиты чести предков…

— Молчите, леди! — громыхнул сакс. — Вы всегда его защищаете… Готовьтесь лучше к пиру, куда вас, как особу древней королевской крови, любезно пригласили. Я отправляюсь туда лишь затем, чтобы показать норманнам, как мало меня волнует участь отвергнутого мною сына…

— Совершенно не понимаю, зачем вы приняли лицемерное приглашение принца. Что касается меня, то мне на этом пиру делать нечего. — Леди Ровена пренебрежительно пожала плечами. — И знайте, сэр, — добавила она с вызовом, — что ваши так называемые твердость в обычаях и мужество — не что иное, как полное жестокосердие!

Подобные отношения сложились у Седрика Сакса с леди Ровеной, которую он нежно любил и почитал, с тех пор, как Айвенго, проклятый отцом, покинул Англию. Их стычки стали еще более острыми и частыми, когда девушка узнала, что к ней сватается Ательстан и ее воспитатель поддерживает этот союз. С того дня она все де-

лала и говорила наперекор Седрику. И сейчас леди Ровена, оставив за собой последнее слово, гордо удалилась, а вконец расстроенный сакс отправился на пир к принцу Джону, от которого не ожидал ничего хорошего…

Что из этого вышло, слуги уже знали, поскольку, едва вернувшись, Седрик приказал собирать обоз и людей, чтобы, несмотря на позднее время, немедля направиться в монастырь Святого Витольда. Настоятель монастыря, выходец из старинной саксонской фамилии, был его ближайшим и чуть ли не единственным верным другом.

— На коней и вперед! — свирепо рычал Седрик.

— Давно пора покинуть этот гнусный городишко, — соглашался с ним, сонно зевая и потягиваясь в седле, Ательстан.

Ехали так быстро, что оказались у ворот обители еще до полуночи. Аббат Вальтофф встретил гостей столь радушно, что даже Седрик немного остыл и утешился. Поздний дружеский ужин, веселый и непринужденный, затянулся чуть не до самого утра. Но как ни упрашивал настоятель владельца Ротервуда погостить в монастыре хотя бы еще денек, сакс велел готовиться к отъезду

прямо после обильного завтрака.

Седрик и Ательстан, ехавшие впереди отряда, беседовали в пути о раздорах в королевской семье, о Ричарде, которого более заботит рыцарская слава, нежели судьба всей Англии, о разрухе в стране и распрях норманнских баронов. Заводя речь о независимости саксов, Седрик всегда оживлялся. Мысли его возвращались к одной и той же теме: Ательстану необходимо стать во главе освободительной войны. И хотя для предводителя восстания против норманнов благородный сакс слишком ленив, да и большим умом никогда не отличался, он все-таки далеко не труслив, добр и простодушен. Но каковы бы ни были достоинства Ательстана, многие из саксов признавали первородство за леди Ровеной. Все помнили, что она происходит из рода короля Альфреда, а ее благородный отец настолько прославился мудростью и отвагой, что память о нем чтят все ее соплеменники.

Вот тогда-то и возникла идея соединить руки Ровены и Ательстана — и это стало навязчивой идеей Седрика. Единственным препятствием для осуществления задуманного плана стал его сын Уилфред, а главной причиной раздора между Айвенго и отцом оказалась взаимная любовь

юноши и прекрасной саксонки.

Седрик решил, что его воспитанница забудет Уилфреда, как только тот надолго покинет отчий дом, но не тут-то было. Гордая девушка, привыкшая с детства поступать по собственной воле, была глубоко оскорблена попыткой Седрика распорядиться ее жизнью. К тому же леди Ровена, наделенная проницательностью и здравомыслием, считала свободолюбивые планы своего опекуна совершенно несбыточными. Напрасно он старался увлечь девушку блеском престола и власти; на все его уговоры леди Ровена отвечала решительным отказом и в конце концов заявила, что скорее окончит свои дни в монастыре, чем согласится разделить трон с увальнем Ательстаном. Она до гроба будет верна рыцарю Айвенго.

Бедный опекун, привыкший во всем уступать девушке и выполнять каждое ее желание, уже и не знал, что предпринять…

В полдень по предложению Ательстана отряд вместе с обозом остановился в тенистой рощице на берегу ручья, чтобы дать отдых лошадям и подкрепиться разнообразной провизией, которой добрый аббат нагрузил целую повозку.

В суматохе и шуме привала о связанном свинопасе позабыли, и он вполголоса попросил своего

приятеля-шута ослабить его путы. Вамба охотно согласился. Вскоре Гурт без особого труда освободил руки и, никем не замеченный, юркнул в густые заросли по соседству.

Глава 15

После отдыха путники направились к лесу и уже были готовы вступить в чащу — самое опасное по тем временам место, кишащее множеством бродяг и иных людей с темными намерениями. В отряде насчитывалось до десяти слуг, не считая Вамбы и Гурта, которых не брали в расчет, так как один был шутом, а другой, как полагал его хозяин, по-прежнему связан. Поэтому, несмотря на приближение сумерек, Седрик Сакс был уверен, что опасаться им нечего. Они с Ательстаном были отважными людьми и умелыми бойцами. Кроме того, лесные обитатели были по большей части саксонскими простолюдинами, доведенными до отчаяния нищетой и притеснениями норманнов, а следовательно, соплеменниками.

Но едва кроны вековых вязов и дубов сомкнулись над головами путников, как из глубины леса послышались отчаянные крики. Кто-то из последних сил призывал на помощь, и Седрик, увлекая за собой Ательстана, бросился вперед и вскоре с удивлением обнаружил на дороге опрокинутые носилки, а рядом с ними сидящую на земле

молодую еврейку. Вокруг девушки с воплями метался старый Исаак из Йорка. На все расспросы он только стонал и закатывал глаза. Наконец ему кое-как удалось объяснить, что он направлялся из Ашби в Донкастер в сопровождении шести наемных стражников. Конные носилки предназначались для перевозки его больного друга. Поначалу все складывалось благополучно, но… На этом месте рассказа старик снова заметался и горестно запричитал:

— Вот как раз здесь все и случилось… Мы повстречали дровосека, и он нас предупредил, что в лесу орудуют разбойники. Моя стража тут же дала деру, прихватив лошадей и бросив на произвол судьбы меня, мою дочь и больного человека… — Исаак рухнул на колени и молитвенно воздел руки к небу. — Высокочтимые господа! Если на то будет ваша милость, возьмите нас троих под свою защиту. Исаак из Йорка в долгу не останется, поверьте мне!

Ательстан брезгливо поморщился, однако Седрик, поразмыслив, произнес:

— Вот что, старик… Сделаем так: я дам тебе пару лошадей и слуг. Они проводят вас до ближайшего селения, где ты найдешь все необходимое и наймешь новых людей для охраны. Мы же двинемся

дальше. Надеюсь, что в случае чего мы сумеем справиться с опасностью и меньшими силами.

Пока Седрик беседовал со стариком, его дочь незаметно проскользнула через толпу слуг и бросилась к лошади леди Ровены. Следуя восточному обычаю, Ребекка поцеловала край одежды всадницы, затем приподнялась на цыпочках, откинула покрывало с лица и взволнованно проговорила:

— Госпожа, выслушайте меня! Я прошу не для себя и даже не для несчастного старика, отца моего… Я обращаюсь к вам ради человека, который ранен и которому нужна немедленная помощь врача. Если с ним случится беда, вы никогда не простите себе, что не исполнили свой христианский долг. Позвольте нам продолжить путь под вашим покровительством!

Слова просительницы произвели сильное впечатление на леди Ровену. Подъехав к своему опекуну, она воскликнула:

— Сэр Седрик, эти люди так беспомощны в своем несчастье, что было бы просто неблагородно с нашей стороны отказать им. С ними опасно больной, к тому же христианин, насколько я поняла. Прикажите снять вьюки с тех двух мулов, что отправил с нами аббат. Животных можно впрячь в

носилки, а старик и его дочь поедут на лошадях.

Седрик, поколебавшись для виду, дал согласие. Ательстан тоже неохотно кивнул, заметив как бы между прочим, что будет лучше, если неверные поедут в арьергарде.

— Под защитой шута, — добавил он с ухмылкой.

Леди Ровена гневно вспыхнула и тут же заявила, что еврейская девушка поедет рядом с ней, однако Ребекка с благодарностью отказалась, сославшись на то, что ей нужно присматривать за больным.

Уже смеркалось, и это заставило всех поторопиться. Не прошло и четверти часа, как отряд снова был в пути. Между тем дорога, по которой двигались всадники и повозки, становилась все уже, заросли все теснее обступали ее. Крутая тропа спускалась в лощину, по которой протекал глубокий ручей с болотистыми берегами. Седрик предупредил едущих позади о крутизне спуска и добавил, что сейчас главное — благополучно пересечь ручей, а там тропа сама выведет их на безопасную широкую дорогу.

Эта лощина и стала для путников ловушкой.

К ручью спустились все вместе, однако, переходя шумный поток вброд, всадники поневоле

разделились. Быстрые кони Седрика и Ательстана унеслись вперед, а хвост кавалькады еще извивался по обрывистому склону лощины. И тут неожиданно со всех сторон показались разбойники. Нападение лесных бродяг на отряд было столь продуманным и стремительным, что сопротивление оказалось невозможным.

Обоих знатных саксов одновременно захватили в плен, несмотря на то что Седрик успел метнуть дротик и сразить одного из нападавших. Остальные путники были мгновенно окружены горланящей во все глотки толпой разбойников, которые с боевым кличем «Белый дракон постоит за старую Англию!» вязали всех, кто попадался им под руку.

В этом шуме и гаме не растерялся только Вамба. Он завладел мечом одного из слуг и кинулся было на подмогу Седрику, но, сообразив, что до хозяина не добраться, спрыгнул с лошади и метнулся в прибрежные кусты. Затем, никем не замеченный, он переплыл ручей и сгинул в чаще.

Едва почувствовав себя в безопасности, шут обессиленно повалился на мшистую землю, усыпанную прошлогодней листвой, и пробормотал, прикрыв глаза:

— Хорошая штука — свобода!

Неожиданно кто-то засопел прямо ему в ухо и облизал лицо горячим языком. Вамба испуганно вздрогнул и еще крепче зажмурился. «Вамба!!!» — донесся до него негромкий и очень знакомый голос. Шут стремительно вскочил, озираясь по сторонам. У его ног радостно вертелся черный лохматый пес, в котором он сразу признал Фангса — овчарку своего приятеля свинопаса.

— Гурт, ты где? — осторожно окликнул Вамба.

Кусты затрещали, и взлохмаченный Гурт, схватив шута за руку, быстро проговорил:

— Что там за крики?

— Обычная история, приятель. Всех взяли в плен, — ответил шут. — Черные маски, зеленые кафтаны…

— Всех? — с озабоченным видом уточнил Гурт.

— Нашего господина, леди Ровену, Ательстана… еврея с дочерью, их раненого… Освальда… говорю же тебе, всех, тупица ты этакий! — раздраженно произнес Вамба. — Что будем делать?

Свинопас не успел произнести ни слова.

От ближайшего дерева отделилась рослая фигура, и даже в сумерках было видно, что разбойник одет в зеленый кафтан и вооружен до зубов.

— Матерь Божья, — прошептал Вамба, прижимаясь к Гурту, — они и здесь до нас добрались…

— Стойте на месте! — властно произнес человек, приближаясь.

Шут едва сумел подавить готовый вырваться возглас — он сразу же узнал в этом человеке Локсли, знаменитого охотника и стрелка, который славился на всю округу охотничьей удачей и победами на состязаниях лучников. И сейчас за его спиной болтался колчан с луком и стрелами, а на груди виднелась затейливая перевязь с отменным охотничьим рогом.

— Кажется, ты что-то рассказывал своему другу? — обратился Локсли к шуту. — И кто же это осмелился чинить разбой в здешних лесах?

— Погляди на свой кафтан, — буркнул Вамба, — уж больно он похож на те, что я видел. Не твои ли это скорые на руку ребята? Одеты, как и ты, да и с виду словно горошины из одного стручка…

— Сейчас узнаем, — невозмутимо проговорил охотник. — А вы сидите и не трогайтесь с места, если вам жизнь дорога. Подержи-ка мою сбрую, шут. — С этими словами Локсли передал Вамбе перевязь с рогом и шапку, а затем натянул на лицо черную маску. — Ну что, похож я на тех грабителей? Попробую покрутиться между ними. Ждите меня здесь…

— Может, ну его? — Вамба с сомнением за-

топтался на месте, раздумывая, не задать ли стрекача. — Для честного человека у этого парня уж слишком воровской вид.

— А что от этого изменится? Кто бы он ни был, нам все равно не выпутаться самим из этой передряги. Если стрелок из той шайки, то мы очень скоро окажемся в плену, а если нет… И разбойники бывают не худшими из людей, с которыми приходится иметь дело.

Не прошло и десяти минут, как Локсли снова показался из зарослей.

— Я кое-что разведал, — произнес он, — и теперь знаю, что это за шайка и куда она направляется. Вашим пленникам не причинят никакого вреда. Они не грабители… Однако напасть втроем на такую орду — чистое самоубийство. Послушай, шут, и ты, свинопас! Я понял, что ваш хозяин — Седрик Сакс, а девушка, которую охраняют с особым рвением, леди Ровена, ведь так?

— Верно, добрый разбойник! — Вамба протянул стрелку его имущество и хитро прищурился. — А ведь нам известно твое прозвище, любезный сэр…

— Доверьтесь мне, — продолжил Локсли, будто и не услышал его. — Я быстро соберу отряд, способный освободить вашего хозяина. Здесь,

в лесах, найдется немало желающих выручить саксов из беды… А что до моего прозвища, — он хмуро взглянул на шута, — лучше бы вам его забыть. Крепче будете спать.

— Ну и влипли мы, — шепнул Вамба приятелю, пока они шли следом за разбойником. — Из огня да прямиком в полымя…

— Тсс! Прикуси свой чертов язык! — шикнул на шута Гурт и пнул его в бок. — И больше не зли его своими дурацкими шуточками. Глядишь, и все пойдет хорошо.

Глава 16

После утомительной трехчасовой ходьбы шаг в шаг за таинственным проводником слуги Седрика наконец оказались на небольшой поляне, посреди которой возвышался огромный развесистый дуб. Под ним на земле дремали пятеро разбойников, а шестой расхаживал, охраняя их покой.

Заслышав хруст веток, часовой поднял тревогу, и шесть острых стрел мгновенно легли на тетивы. Но как только разбойники увидели и узнали Локсли, все как один опустили луки и почтительно приветствовали охотника. Сразу было видно, что здесь каждое его слово — закон.

— Где Мельник? — был первый вопрос проводника.

— На дороге к Ротерхему. Есть надежда на верную добычу…

— Ален из Лощины с ним?

— Нет. Прогуливается по дороге, что ведет к Уотлингу, поджидает аббата из Жерво.

— Ловко… А где монах? — поинтересовался предводитель шайки.

— У себя в хижине.

— Туда я пойду сам, — сказал Локсли. — А вы соберите как можно больше народу, потому что у меня на примете есть крупная дичь. На рассвете встретимся здесь, под этим дубом… Постойте! Двое из вас, самых проворных, пусть отправятся к Торкилстону, замку Фрон де Бефа. Отряд каких-то молодчиков, переодетых в нашу лесную одежду, везет туда нескольких пленных. Следите за ними во все глаза. И сразу же дайте мне знать, что там у них происходит.

Стрелки заверили вожака, что все будет исполнено в точности, и бросились выполнять его поручения. А Локсли, прихватив с собой шута и свинопаса, продолжил путь к часовне в урочище Компенхерст.

Когда глубокой ночью они вышли на поляну с утесом, под которым виднелась освещенная бледной луной лачуга отшельника, до их ушей донеслась разудалая застольная песня. Вамба шепнул на ухо Гурту:

— А ведь недурно поют! Недаром говорят: чем ближе к церкви, тем дальше от Господа Бога… А наш-то проводник, оказывается, важная шишка, — с почтением добавил шут.

— Всем известно, что здешний причетник —

веселый человек и знатный охотник, — откликнулся Гурт. — Не удивлюсь, если он в компании с предводителем лесной братии перебил добрую половину оленей в этих лесах.

В то время как слуги перешептывались, Локсли крепким кулаком колотил в дверь хижины, пока та наконец не распахнулась.

Покачиваясь на нетвердых ногах, но с благочестивым выражением на круглом лице, на пороге возник причетник. Собаки тут же смолкли, признав по голосу нового гостя.

— Входите, коли с добром, — молвил монах, впуская поздних гостей. — Как раз поспели к молитве…

— Слушай-ка, отче, — спросил разбойник, заметив рыцаря, — что это у тебя за собутыльник?

— Брат мой по ордену, — ответил отшельник и скромно потупился. — Мы тут предавались благочестивой беседе, когда…

— Довольно тебе врать-то, старый грешник! — перебил монаха Локсли и отвел его в сторону. — Собирайся, бросай свои четки и берись за дубину. Будет дело. Для нас теперь каждый человек на вес золота… Ты, должно быть, слишком много выпил или окончательно спятил, если решился принять у себя неизвестного рыцаря? А вдруг это

переодетый крестоносец? Их тут сейчас шляется, как псов вокруг мясной лавки.

— Почему неизвестного? — тут же встрял Вамба, краем уха подслушавший разговор Локсли и причетника. — Позвольте я скажу, сэр предводитель! Это ведь тот самый рыцарь в черных доспехах, благодаря которому во второй день турнира победил рыцарь Утративший Наследство. Я сразу узнал его!

Локсли внимательно посмотрел на шута, а затем шагнул к Черному Рыцарю.

— Так вы и есть тот, кому саксы обязаны победой над баронами? — напрямик спросил он.

— Если и так, что ж из того следует, любезный? — Рыцарь усмехнулся, откладывая в сторону арфу.

— А то, — ответил стрелок, — что я считаю вас защитником слабых и обиженных.

— Это долг любого истинного рыцаря…

— Но для меня, — сказал Локсли, — мало того, что вы, сэр, благородный рыцарь и знатный воин. Надобно, чтобы вы были еще и добрым англичанином.

— Едва ли найдется человек, — нахмурившись, сказал собеседник разбойника, — кому бы Англия и жизнь каждого англичанина были бы дороже,

чем мне.

— Тогда вы должны знать, что шайка ряженых негодяев сегодня неподалеку отсюда захватила в плен одного славного и благородного человека по имени Седрик Сакс и его спутников. Среди них две женщины, старик и лежачий больной. Всех их увезли во владения барона Фрон де Бефа, ближайшего приспешника принца Джона.

— Что? — воскликнул Черный Рыцарь. — Неужто даже де Беф сделался вором и злодеем?

— Злодеем он был всегда, — мрачно проговорил Локсли. — Так вы согласны помочь нам освободить пленников?

— Я обязан это сделать, — ответил рыцарь, — иначе моя честь будет запятнана. Однако хотел бы я знать, кто просит меня о помощи.

— Мы всего лишь жители глухих лесов, — уклончиво проговорил охотник. — Перед вами, сэр рыцарь, человек без имени, и если вы считаете нужным скрывать свое, то и я до поры помолчу. Будет достаточно и того, что я друг всех, кто любит Англию, и твердо держу свое слово.

— Верю. — Черный Рыцарь поднялся. — Ну что ж, командуй, житель лесов. Надеюсь, мы останемся довольны друг другом…

Отшельник уже сменил свою просторную сута-

ну на зеленый кафтан и вооружился, как подобает йомену-ополченцу, — мечом со щитом, луком и колчаном, а через плечо перекинул на перевязи тяжелый бердыш. Все еще слегка пошатываясь, он первым вышел из кельи, тщательно запер дверь и сунул ключ под порог.

— Твердо ли ты держишься на ногах, монах? — подозрительно прищурившись, осведомился Локсли. — Или вино все еще бродит в тебе? У нас важное дело, в котором понадобятся не только кулаки, но и мозги!

— Святая вода мигом все поправит. — Отшельник подошел к каменной чаше у родника, перекрестился и, крякнув, сунул голову в купель. Он так жадно пил, что, казалось, источник вот-вот иссякнет.

— Ну и ну, — усмехнулся рыцарь, — этакое лекарство кого угодно поднимет на ноги.

Исцелившийся причетник вытер полой камзола раскрасневшееся лицо, подхватил свой пудовый бердыш и, размахивая им, воскликнул:

— Подать сюда подлых насильников! Черт меня раздери в мелкие клочки, коли я не снесу башку каждому из этих мерзавцев!

— Тебе ведомы не только баллады, отче, но и крепкое словцо, — с одобрением заметил Черный

Рыцарь.

— Я монах, покуда на мне сутана, а как надену зеленый кафтан да возьмусь за оружие — не хуже всех прочих могу сквернословить, пьянствовать и щупать смазливых девчонок…

— Довольно тебе балагурить! — проговорил Локсли. — Пора выступать, нечего медлить. Надо поскорее собрать парней, а не то, боюсь, у нас просто не хватит сил, чтобы приступом взять замок Фрон де Бефа. В путь!

Глава 17

В глубине сумрачного ночного леса вооруженный отряд, не спуская глаз с пленников, спешил к укрепленному замку Торкилстон.

Во главе кавалькады ехали два всадника. Один из них, статный и уверенно держащийся в седле, наклонился к своему спутнику и негромко произнес:

— Теперь, сэр Морис, пожалуй, пришла пора тебе покинуть нас и разыграть свою роль благородного спасителя саксонской красавицы.

— Я передумал, сэр храмовник, — усмехнулся де Браси. — Мы с тобой не расстанемся до тех пор, пока наша добыча не будет надежно упрятана в замке Фрон де Бефа. Вот тогда-то я и появлюсь перед леди Ровеной, не скрывая своего лица, и постараюсь убедить ее, что лишь пылкая страсть была невольной причиной моего поступка.

— Надеюсь, что не сплетни, распускаемые обо мне злыми языками, заставили тебя переменить планы, — нахмурившись, сказал Бриан де Буагильбер. — Или ты, сэр рыцарь, подозреваешь меня в злых намерениях? Тебе ведь известно, как

строг устав нашего ордена!

— Еще бы! — ухмыльнулся де Браси. — Однако я знаю также и то, как этот устав соблюдается.

— Полно тебе! — проговорил храмовник. — Ты не должен опасаться меня. Мне нет дела до твоей голубоглазой саксонки. Тут есть и кое-что получше…

— Как, ты готов унизиться до ее смазливой прислужницы?

— Сэр Морис, вот еще одно доказательство, что ты слеп, как крот… Среди пленниц сверкает настоящий алмаз!

— Неужели ты говоришь о дочери старого Исаака? — изумился де Браси. — А как же обет безбрачия? Или тебя интересуют тугие мешки ее богатого батюшки, набитые золотом?

— Одно другому не помеха, — самодовольно произнес Буагильбер. — К сожалению, золото старика придется разделить с Фрон де Бефом, хозяином замка. А прелестная еврейка утешит меня, заставив забыть об этой потере… Теперь, рыцарь, я все тебе открыл, так что можешь спокойно придерживаться своего первоначального плана.

— Ну уж нет. — Де Браси пожал плечами и отвернулся. — Я своих решений никогда не ме-

няю…

Лишь когда утренняя заря занялась над лесом, всадники смогли убедиться, что находятся на верном пути. С рассветом отряд перешел на рысь, то и дело взбадривая коней шпорами, и не прошло и часу, как в отдалении замаячили сумрачные очертания Торкилстона, древнего замка, обнесенного мощной стеной и глубоким рвом, наполненным водой.

Остановившись перед воротами, де Браси трижды протрубил в рог. Ворота сразу же распахнулись, и стража развела пленников по разным покоям. К наспех приготовленной трапезе никто из них не вышел, кроме Ательстана. Леди Ровену разлучили даже с горничной и заперли в отдельном покое. Так же поступили и с Ребеккой, что привело в полное отчаяние ее престарелого отца. Отшвырнув монеты, которые Исаак поспешно совал им в руки, стражники поволокли старика вниз по крутой лестнице и бросили в какой-то темный подвал. Всех слуг Седрика и Ательстана тщательно обыскали, обезоружили и заперли в людской.

Просторное помещение, в которое поместили обоих саксонских вельмож, не имело замков. Сейчас оно служило чем-то вроде кордегардии, то

есть комнаты для стражи, но в далеком прошлом у него явно было иное предназначение. Седрик, кипя от гнева, безостановочно расхаживал из угла в угол.

— Какой позор! — снова и снова твердил он. — В этом самом зале мой дед пировал с королем Гарольдом! Кто бы мог представить, что ты, благородный Ательстан, и я, потомок одного из храбрейших защитников саксонской короны, окажемся в плену у подлого норманнского пса…

— Это, конечно, не особенно приятно, — заметил Ательстан, — но, надеюсь, они вскоре отпустят нас, запросив умеренный выкуп.

О том же мучительно размышлял и несчастный Исаак из Йорка, метавшийся в сыром и мрачном подземелье замка. Слабый свет, проникавший сюда сквозь щели под сводами, тускло освещал ржавые кандалы и цепи, развешанные на заплесневелых стенах темницы. Наконец, совершенно продрогнув, старик закутался в теплый плащ, устроился на соломе в дальнем углу каменного мешка и, немного успокоившись, собрался подремать. Однако в ту же минуту тяжелые дверные засовы заскрипели и в темницу вступил Реджинальд Фрон де Беф в сопровождении двух угрюмых сарацин, слуг храмовника.

Фрон де Беф, рослый рыцарь могучего телосложения, был известен повсюду тем, что не пренебрегал никакими средствами для укрепления своей феодальной власти. Вся его жизнь была посвящена войне и судебным тяжбам, а черты грубого лица, изрытого шрамами и рубцами от старых ран, отражали лишь злобу, жестокость и безграничное своеволие. За поясом кожаной куртки барона торчал кинжал, там же болталась тяжелая связка ключей, одним из которых он поспешил запереть дверь подвала изнутри.

У испуганного до полусмерти старика не нашлось сил даже пошевелиться, и это привело барона в бешенство.

— Собака! — взревел он, приближаясь к пленнику. — Ты должен мне тысячу фунтов серебром в благодарность за мою доброту! Ибо я пока еще не окончательно решил, оставлять ли тебя в живых.

— Смилуйся, рыцарь, — простонал Исаак, — я стар и беден. Победа надо мной не принесет тебе славы: раздавить червяка не велика заслуга. Откуда мне взять такие деньги?

— Нет у тебя серебра, я возьму золотом. Всякий знает, что твое племя так же лживо, как и богато… Если не уплатишь выкуп, живым тебе отсюда не

выбраться…

— Господин… — Исаак с кряхтением поднялся и, пряча лукавый взгляд, сказал: — У меня и в самом деле нет и никогда не было такой суммы. Но… моя родня в Йорке, хотя и с превеликим трудом, могла бы ее собрать. Правда, для этого потребуется немалое время… — Старик осекся и попятился, заметив, что норманн подал знак сарацинам, а затем указал на дыбу. — Погоди, господин! Не обагряй свои благородные руки кровью невинной жертвы! Отправь мою дочь Ребекку в Йорк — и она привезет тебе выкуп. Согласен ли ты на это, сэр рыцарь?

Не отвечая на вопрос, де Беф остановил палачей и с наигранным удивлением поинтересовался:

— Неужто черноокая красотка — твоя дочь, еврей? А я уж было решил, что… Я отправил ее прислуживать сэру Бриану де Буагильберу.

Вопль, вырвавшийся из горла несчастного Исаака, потряс мрачные своды подземелья.

— Сэр рыцарь! — Старик рухнул на колени и обхватил пыльные сапоги мучителя. — Бери все, что у меня есть, ввергни меня в нищету, убей меня — но пощади дочь! Защити честь невинной девушки, единственной отрады, посланной мне великодушным Богом. Ее мать умерла…

— Поздно, — прервал де Беф стоны старика. — Я дал слово и не могу изменить того, что уже случилось. Или должно случиться… И почему ты решил, что мой благородный гость может обидеть твою дочь?

— Чего же еще ждать от храмовника? — Исаак поднялся и исподлобья взглянул на ухмыляющегося до ушей барона. — Одних только бед и горя…

— Нечестивый, не смей чернить лживым языком могущественный и священный рыцарский орден… Плати выкуп, иначе я отдам девчонку своей челяди!

— Негодяй! — закричал старик, дрожа и пятясь к сырой стене. — Будь ты проклят навеки! Ничего ты не получишь до тех пор, пока не вернешь мою Ребекку…

Де Беф свирепо сверкнул глазами и прорычал, поворачиваясь к сарацинам, застывшим, словно каменные истуканы:

— Посмотрим, что ты сейчас запоешь… Сорвите с этой иудейской собаки одежду и распните на стене!

Палачи бросились к Исааку, чтобы исполнить повеление барона, как вдруг сквозь стены замка в темницу проник отдаленный звук трижды

протрубившего рога. Вслед за этим раздался торопливый стук в дверь подвала и множество голосов начали призывать Фрон де Бефа. Барон злобно выругался и отступил от старика, предоставив Исааку то ли радоваться своему временному спасению, то ли оплакивать участь любимой дочери.

Глава 18

Покои, в которые отвели леди Ровену, были обставлены с варварской роскошью. Однако мебель, некогда принадлежавшая покойной жене барона, успела обветшать, обивка на стенах висела клочьями, а давно не топленный камин был сплошь затянут паутиной. Однако именно эту комнату сочли единственной, которая подходила наследнице саксонского престола и в которой гордая красавица в одиночестве могла бы поразмыслить о своем нынешнем печальном положении.

Зато ее будущее обстоятельно обсуждалось за обильной трапезой между хозяином замка, рыцарем-храмовником и Морисом де Браси. Каждый из сотрапезников горячо отстаивал собственную выгоду, и лишь после продолжительных споров соглашение было достигнуто, а участь пленников окончательно решена.

Около полудня Морис де Браси, ради которого и было затеяно беззаконное нападение на отряд Седрика Сакса, явился к леди Ровене, чтобы выполнить задуманное: добиться ее руки и богатого

приданого.

Жених предстал перед девушкой во всем блеске придворного норманнского наряда. Он был чисто выбрит, а его длинные и густые волосы, заплетенные во множество косичек, ниспадали на роскошный плащ, подбитый мехом. Вместо зеленого кафтана и разбойничьей маски на нем был длинный, тщательно вычищенный слугой камзол с расшитым золотом поясом, на котором висел в ножнах тяжелый меч. Носки башмаков де Браси по последней моде загибались вверх наподобие бараньих рогов.

Он учтиво поклонился и предложил девушке присесть. Однако леди Ровена, не обращая внимания на его слова, проговорила:

— Если вы явились сюда как тюремщик, сэр рыцарь, то узнице полагается стоя выслушать свой приговор.

— Напротив, драгоценнейшая госпожа, — произнес де Браси и с чувством приложил руку к груди, — это не вы, а я ваш покорный пленник. Только ваша несравненная прелесть побудила меня совершить дерзкий и безумный поступок по отношению к той, что разбила мое сердце.

— Прошу вас, сэр, прекратить эти дерзости. — Леди Ровена нахмурилась и гордо вскинула

голову. — Мы с вами незнакомы, но такая фамильярность больше подходит трубадурам или ярмарочным шутам. И никакие чувства не могут оправдать разбоя и насилия.

— Вы сами повинны в моих поступках и несправедливы ко мне… Вы не хотите прислушаться к голосу моей страсти, — игнорируя слова саксонки, продолжал в том же духе де Браси. — Что скажет вам мое имя и сможет ли оно растопить ваше сердце?..

— Довольно шутовства! — вспыхнула девушка. — Когда сладкими речами пытаются прикрыть бесчестные поступки, они похожи на рыцарский пояс, который нацепил на себя лукавый и лживый раб. — Леди Ровена смерила норманна полным презрения взглядом. — Вам следовало бы сохранить ваш наряд разбойника и не прятаться под богатыми одеждами и притворными словами.

— Моя гордость не меньше твоей! — обиженно вскричал, теряя терпение, рыцарь. — Ты хотела услышать правду? Что ж, изволь… Или ты выйдешь из этого замка супругой Мориса де Браси, или навек останешься здесь в наложницах. Норманнскому дворянину нет нужды оправдываться перед саксонкой, которой он оказывает великую

честь, делая предложение… И не надейся, что король Ричард когда-нибудь вновь взойдет на свой трон. Твой опекун — такой же пленник, как и ты, а его сын больше мне не соперник, поскольку находится в полной моей власти.

— Вы снова лжете, сэр!..

Де Браси пристально взглянул на смертельно побледневшую девушку.

— А тебе это разве не ведомо? В носилках старого еврея везли не кого иного, как раненного на турнире Уилфреда Айвенго. Об этом известно лишь мне, и теперь от меня зависит, выдать ли Фрон де Бефу тайну его пребывания в замке. Можешь быть уверена — барон не станет церемониться с твоим избранником…

— Уилфред здесь… — пробормотала девушка, едва сдерживая охватившую ее дрожь.

— Рука Фрон де Бефа никогда не знала пощады, так же как его алчность не знала никаких пределов, — продолжал норманн, расхаживая по покою. Остановившись перед леди Ровеной, он проговорил: — Хозяин этого замка не выпустит из своих лап богатейшего поместья, которое обещано королем Айвенго, а сам Айвенго просто исчезнет… Но достаточно тебе благосклонно отнестись к нашему браку, и твоему рыцарю нечего

будет опасаться. Сохранить тайну или открыть ее барону — в моей воле.

— Спаси его, ради Господнего милосердия, — прошептала леди Ровена, теряя самообладание.

— Это я могу сделать при единственном условии — если ты станешь женой рыцаря Мориса де Браси. Лишь твоя любовь ко мне сможет сохранить Айвенго жизнь. В противном случае он умрет, а ты окончательно потеряешь свободу. И не обольщайся надеждой, что я буду бескорыстно великодушен или кто-то сможет тебе помочь. Айвенго слаб и беспомощен, удар дротика или коварное снадобье лекаря разлучат тебя с ним навеки. Никто об этом не узнает, даже твой опекун Седрик, которого, видимо, тоже ждет скорый конец…

Леди Ровена больше не могла без слез слушать эти слова. Коснувшись дрожащей рукой губ рыцаря, она тут же отдернула ее, словно обжегшись. Это невольное прикосновение смутило Мориса де Браси. Он не знал, что ему предпринять и что сказать, чтобы утешить безмолвно плачущую саксонку. Отойдя к окну, леди Ровена закрыла лицо ладонями.

«Лучше бы она оставалась такой же высокомерной гордячкой, какой казалась вначале, — подумал де Браси, глядя на судорожно вздрагивающие плечи девушки. — Или я стал бы Фрон де Бефом с его хладнокровной расчетливостью и жестокостью… Я не могу спокойно смотреть на ее страдания…»

Все еще колеблясь, он хотел было шагнуть к леди Ровене, но его остановил хриплый звук охотничьего рога, долетевший из-за стен замка. Морис де Браси поспешно покинул покой, девушка же отняла руки от лица и бросила печальный взгляд сквозь витую решетку, закрывающую пыльный оконный проем.

Глава 19

А в это время Ребекка ожидала своей участи в самой отдаленной и уединенной башне замка — туда ее привели двое слуг, державшихся нагло и развязно. Первым делом в каморке, расположенной под самой башенной кровлей, девушка увидела морщинистую простоволосую женщину, которая, сидя за прялкой, надтреснутым голосом напевала саксонскую песенку в такт движению веретена. При виде Ребекки мутноватые глаза старухи вспыхнули дьявольским блеском.

— Убирайся прочь, старая каракатица! — выкрикнул один из провожатых. — Так велел барон. Освободи место красотке…

— Раскомандовался тут, — проворчала старуха, — небось еще недавно и пикнуть не смел передо мной.

— Что ты шипишь по-змеиному, госпожа Урфрида? Ступай отсюда! Были у тебя светлые деньки, да закатилось солнышко, — с издевкой произнес другой, однако женщина даже не пошевелилась. — Приказы господина следует выполнять… Ну, как знаешь, старая ведьма. Придется тебе

самой объясняться с хозяином!

Слуги удалились, а старуха, отложив пряжу, бесцеремонно уставилась на Ребекку.

— Какие еще бесовские дела они там затеяли? — пробормотала она, а затем спросила пленницу, оглядывая ее наряд: — Ты чужестранка? Из каких краев тебя сюда занесло, красавица? Что молчишь? Не таись. Тут, кроме меня, обитают одни совы да летучие мыши.

— Не сердись на меня, — проговорила девушка. — Скажи лучше, чего мне ждать? Они доставили меня в замок насильно и… может, они хотят убить меня?..

Ребекка сразу почувствовала, что перед этой мрачной старухой, больше похожей на колдунью, не страшно открыться.

— Я дочь Исаака из Йорка, — добавила она. — Мой отец богат. Наверное, хозяева замка хотят завладеть нашими деньгами?

— Э, тут и гадать нечего, — усмехнулась старая женщина. — Твои деньги все равно отнимут. Но зачем лишать тебя жизни, когда им требуется совсем другое? Белая кожа, роскошные волосы, руки, как у египетской царицы… Ты просто наивная дурочка! Посмотри на меня! Когда-то я тоже была молода и хороша собой. Звать меня Урфри-

да, я происхожу из знатного саксонского рода. Старый толстяк де Беф, отец нынешнего барона Реджинальда, чтоб ему вовеки гореть в аду, взял приступом этот замок, в котором я знаю каждый камушек… Мои родители и братья были убиты, а я стала добычей победителя… Вот он, проклятый, снова идет! — Старуха, заслышав шаги, поднялась и направилась к двери. — Прощай!

— Не уходи, госпожа! — Ребекка бросилась вслед за женщиной. — Погоди же…

На пороге она едва не столкнулась с высоким мужчиной в маске и сразу узнала в нем одного из напавших на отряд лесных разбойников. Девушка попятилась, разбойник вошел, закрыл за собой дверь и застыл перед ней как бы в нерешительности. Ребекка мигом сорвала со своих запястий драгоценные браслеты и протянула незнакомцу.

— Возьми это, кто бы ты ни был… пусть это послужит выкупом, но сжалься надо мной и моим несчастным отцом! Отпусти нас!

— Прекрасный цветок Палестины! — воскликнул разбойник и покачал головой. — Сапфиры и бриллианты в этих украшениях — прах и пепел по сравнению с блеском твоих глаз и нежностью твоего жемчужного лица. Я всегда ценил красоту превыше богатства…

— Ты сможешь начать жизнь честного человека, батюшка даст тебе все, что ты захочешь… — начала было Ребекка, но мужчина перебил ее, перейдя на французский язык:

— Твой отец находится там, где превращают в золото и серебро даже ржавые решетки подземелья…

— Ты не разбойник, — проговорила девушка тоже по-французски, внимательно вглядываясь в прорези черной маски на лице незнакомца. — Ты норманн… Будь же благороден, покажи свое лицо.

— А ты догадлива… — Бриан де Буагильбер сбросил плащ и освободился от маски. — Я пришел взять не твои деньги, а тебя — самое прекрасное, что есть здесь. Пришел, чтобы никогда с тобой не разлучаться.

— Между нами не может быть ничего общего. Ты — христианин, я — еврейка. Наш союз будет вне закона как в глазах твоей церкви, так и в нашей синагоге.

— Твоя правда, Ребекка! — согласился храмовник и усмехнулся. — Я не смогу взять в жены ни тебя, ни какую-либо другую женщину. Я — рыцарь Храма и принес обет безбрачия. Но я тебя люблю.

— Не могу понять, о чем ты толкуешь, сэр рыцарь! — Девушка спокойно отступила под пылающим взглядом храмовника. Затем Ребекка резко вскинула подбородок и посмотрела ему в глаза. — Зачем ты пришел сюда? Золото тебя не интересует. Брак с женщиной чужого племени — тоже. Если ты носишь крест и читаешь Священное Писание лишь затем, чтобы прикрывать свои распутство и греховность, то как я могу поверить хотя бы единственному твоему слову? Ты такой же преступник, как и тот, кто истязает моего отца…

— Довольно! — вспыхнул Буагильбер и приблизился к девушке почти вплотную. — До сих пор я обращался с тобой как с леди, хотя и завоевал тебя мечом. Ты у меня в плену и должна покориться, я никому не уступлю того, что принадлежит мне по праву. И если ты отказываешься принять мою любовь, то я возьму свое силой.

— Остановись, безумный! — воскликнула Ребекка. — Никакая страсть не может послужить оправданием греху. Отойди от меня и выслушай внимательно! Ты можешь, храмовник, унизить меня и растоптать, потому что в твоих руках оружие… Однако, когда в твоем ордене узнают о том, что ты согрешил с женщиной моего племени,

тебя обвинят не только в нарушении обетов, но и в том, что ты обесчестил носимый тобой святой крест…

— Ты не глупа, Ребекка, — пробормотал смутившийся на мгновение Буагильбер, который понимал, что еврейка права. — Но тебя никто не услышит ни в этих стенах, ни во всем мире, так что можешь кричать об этом сколько угодно. Сейчас ты в моей власти, а потому лучше бы тебе покориться!

— Ты думаешь, я буду кого-то звать на помощь, подлый рыцарь? Ты не знаешь Ребекку! — Девушка оттолкнула крестоносца и неожиданно метнулась в сторону так быстро, что он не успел ее удержать. Она распахнула окно башни и шагнула на парапет, а затем, обернувшись к Буагильберу, воскликнула: — Подчиниться тебе?! Лучше смерть! Ни шагу вперед — или я прыгну вниз, презренный!

— Не делай этого, умоляю! — вскричал храмовник. — Ты несправедлива ко мне… И подумай о своем отце — он не перенесет твоей гибели… Я клянусь, что не обижу тебя, прошу, поверь мне, Ребекка.

— Ты упомянул моего отца, негодяй… А подумал ты о том, сможет ли Исаак пережить мое

бесчестье?

— Быть может, я преступал многие законы и нарушал заповеди, но слово свое всегда держал! Вернись, я не трону тебя… — с жаром проговорил крестоносец.

Ребекка, покачнувшись на краю парапета, блеснула черными как уголь глазами; рыцарь негромко вскрикнул, но она спрыгнула на пол и, не глядя на храмовника, молча отступила к стене. У него перехватило дыхание, однако не гордая дикая красота девушки заставила сильно забиться его сердце — впервые Бриан де Буагильбер встретил женщину, которая стала ему дороже жизни.

— Помиримся, Ребекка! — предложил он.

— Мир, если хочешь, — помедлив, проговорила девушка. — Помиримся, только не приближайся ко мне ни на шаг.

— Ты не должна бояться меня!

— Я никого и никогда не боялась…

— Стань же другом Бриану де Буагильберу! — продолжал храмовник. — Подумай о рыцаре, которому никогда не суждено узнать радостей семейного очага, никогда не утешиться преданностью жены. Старость моя будет так же одинока, как и моя заброшенная могила, и ни один потомок не будет носить моего древнего имени. Я всю

жизнь искал родственную душу и в тебе ее наконец-то обрел. Мне нужна только твоя поддержка.

— В чем я могу быть тебе опорой? Мы из разных миров, я уж не говорю о вере, рыцарь Бриан. Забудь обо мне!

— Нет! — Храмовник в волнении прижал руку к груди. — Я должен хоть с одним человеком на этой земле поделиться своей мечтой! Я ведь член могущественного ордена, который очень скоро будет иметь власть много выше королевской. Де Буагильбер не последний из тех, кто взойдет к вершине власти… Мы богаты и сильны. Вера в Бога… она… она лишь средство… Ребекка, это трудный и кровавый путь, и мне нужен надежный друг и близкий человек.

Девушка задумчиво, с едва скрываемым недоумением вглядывалась в побледневшее лицо рыцаря, не решаясь что-либо произнести. Неожиданно снизу к вершине башни вознесся звук охотничьего рога и проник через окно, так и оставшееся открытым. Храмовник вздрогнул и бросился к двери.

— Что-то случилось, — проговорил он, обернувшись на ходу, — я должен быть там. Но позже мы еще вернемся к нашему разговору. Я не стану просить прощения за то, что угрожал тебе, Ребек-

ка, — ведь без этого я бы никогда не узнал тебя!..

Оставшись в одиночестве, девушка присела возле прялки. Все, что произошло с ней, лишило ее сил, и сейчас она думала только о том, чтобы спокойно помолиться. О себе и, быть может, об этом холодном и жестоком рыцаре, чье честолюбие омрачило ее душу даже больше, чем угрозы, которыми он бросался с такой легкостью.

Однако в своей молитве Ребекка произнесла имя другого рыцаря — беспомощного и израненного. Она знала, что никогда не сможет коснуться его светлого лица и не посмеет не только заговорить с ним, но даже намеком выдать свои чувства. Но слова молитвы, произнесенные едва слышным шепотом, уже прозвучали, и Ребекка о них не пожалела.

Глава 20

Спустившись в зал, храмовник застал там де Браси. Выглядел рыцарь глубоко удрученным.

— Ваши любовные подвиги были так же прерваны, как и мои? — спросил Буагильбер. — Судя по досаде на вашем лице, сэр, они не принесли вам успеха.

— Не то слово. Я просто не выношу женских слез, а леди Ровена…

Речь де Браси прервал барон де Беф, с рычанием ввалившийся в зал:

— Сейчас мы увидим, в чем причина всего этого шума! Гонец доставил письмо. Если не ошибаюсь, писано по-саксонски, а я этой свинячьей грамоты не разбираю.

— Дайте-ка сюда. — Буагильбер протянул руку за листком. — Мы хоть тем похожи на монахов, что обучены грамоте, в отличие от некоторых, кто не знает ни саксонского, ни французского… В послании этом, господа рыцари, содержится вызов по всей форме. Да-да, нас, барон, вызывают помериться силами — если только это не чья-то глупая шутка. Итак: «Я, Вамба, сын Безмозглого,

шут в доме знатного дворянина Седрика Ротервудского по прозванию Сакс, и я, Гурт, сын Беовульфа, потомственный свинопас, вызываем на поединок благородных рыцарей…»

— Ты с ума сошел! — гневно громыхнул Фрон де Беф.

— Клянусь Небом, там так и написано… — Храмовник продолжил чтение: «…И всех, какие есть в замке, их сообщников и союзников, поскольку вы без всякого повода и объявления вражды, хитростью и лукавством захватили в плен нашего хозяина и повелителя, а также благородную девицу леди Ровену и благородного дворянина Ательстана Конингбургского, а кроме того, нескольких человек, находящихся у них в услужении, и некоего еврея Исаака из Йорка с дочерью Ребеккой. Если же вам будет угодно избежать поединка, все означенные особы как благородного, так и простого звания должны быть немедленно после получения этого письма выданы нам в целости и сохранности вместе со всем принадлежащим им добром и лошадьми. В противном случае вы будете объявлены изменниками и нарушителями королевских законов и мы будем сражаться с вами. Ваш замок будет обложен осадой и взят приступом, и мы причиним

вам ущерб и разорение в той мере, какую сочтем необходимой. Да помилует вас всемогущий Бог!»

Дослушав послание до конца, рыцари разразились хохотом. Только де Беф остался мрачен, как туча.

— Не понимаю, почему вы так развеселились? — наконец проговорил он. — За стенами замка, в лесу, как доложил мне лазутчик, не меньше двух сотен йоменов и стрелков. Это нельзя оставить без внимания.

— Стыдитесь, сэр барон! — воскликнул Буагильбер. — Неужели вас испугала жалкая кучка худосочных крестьян? С нашими людьми мы в два счета разгоним весь этот сброд.

— С одними слугами замок нам не удержать.

— Тогда отправим гонцов к соседям за подмогой…

— К соседям? Да ведь все уже на пути в Йорк, — проговорил де Беф. — Еще раз назовите мне имена тех, кто нас вызывает… разумеется, не считая шута и свинопаса.

— Черный Рыцарь и йомен Роберт Локсли по прозвищу Меткий Стрелок.

— Первый из них — это тот, кто так неожиданно возник на турнире и вскоре исчез. — Барон задумчиво прошелся по залу. — Имя другого я слышу

впервые… должно быть, тоже ловкий малый. Вот что, господа, следовало бы нам взять «языка» из числа этого воинства да порасспросить его как должно. Огонь и железо быстро развяжут ему язык. А тем временем что-нибудь придумаем. Сейчас принесут пергамент и мою печать, а вы, сэр де Буагильбер, ответьте им.

Храмовник присел к столу и написал следующее:

«Барон де Беф и его союзники, благородные рыцари, не принимают вызов от рабов и стрелка, а также от господина, зовущего себя Черным Рыцарем, так как он запятнал свою честь союзом с беглыми лесными бродягами. Что до наших пленников, то они, как смиренные христианские души, нуждаются в исповеди у священника. Ибо сегодня же они будут казнены, а их головы выставлены напоказ на стене замка в поучение самозваным заступникам и знатокам королевских законов».

Письмо было отдано оруженосцу, который передал его ожидавшему у ворот замка посланцу. Гонец возвратился на лесную поляну, где под дубом его с нетерпением ожидали Локсли, Черный Рыцарь и отшельник. С ними была целая толпа вооруженных простолюдинов.

Прочитав письмо, Черный Рыцарь сказал:

— Они пытаются нас запугать. Было бы недурно, если бы кто-нибудь сумел проникнуть в замок и разузнать, как на самом деле там обстоят дела. Они просят священника, — он бросил взгляд на веселого монаха, — так пусть наш добрый причетник побудет заодно и шпионом.

Монах, насупившись, промолчал. Вамба, оттеснив его плечом, воскликнул:

— Они хотят повесить и обезглавить моего господина, благородного Седрика! Да я голыми руками разнесу этот замок до основания! И прав тот, кто знает — в иных случаях от дурака больше пользы, чем от умного… Да будет вам известно: до шутовского колпака я готовился стать послушником, но до этого, слава богу, не дошло, рассудок мой помутился. Однако и этого рассудка хватит, чтобы принести духовное утешение пленникам. Они ведь просят священника?

— Надевай быстрее сутану, добрый человек, и отправляйся в Торкилстон, — сказал Черный Рыцарь. — И пусть твой хозяин пришлет через тебя весточку…

— А мы между тем, — прибавил Локсли, — так плотно обложим замок, что ни одна муха не пролетит.

Вамба, напяливший на себя сутану, завернулся еще в монашеский плащ и в мгновение ока преобразился. С важностью почтенного священнослужителя проговорив по-латыни «Мир вам, братья!», он отправился выполнять поручение.

Однако вся его храбрость улетучилась, как только шут предстал перед свирепым владельцем замка. По обе стороны от барона Фрон де Бефа стояли Де Браси и храмовник.

— Да пребудет с нами Господь! — едва слышным голосом проблеял Вамба.

— Ты кто таков? — рявкнул де Беф.

Шут мало-помалу начал приходить в себя.

— Я, господин, бедный монах-францисканец, — уже увереннее заговорил он, пересыпая свою речь латинскими словечками, — брел через здешние леса и угодил в лапы разбойников. Это очень, очень злые люди… Они связали меня и отняли все пожертвования, которые мне удалось собрать. А теперь велели идти в замок, чтобы исполнить свой долг по отношению к тем, кому ныне суждено оказаться в чистилище. И строго наказали, чтобы я без малейшего промедления вернулся обратно с докладом.

— С этим ясно. А скажи-ка, святой отец, много ли в лесу народу?

— Ох, благородный господин, — отвечал шут, — и сосчитать невозможно. Имя им — легион. По меньшей мере человек пятьсот.

Храмовник переглянулся с Морисом де Браси и прошептал:

— Видал ли ты когда-нибудь этого монаха?

— Нет, да он, судя по всему, не здешний…

— В таком случае, сэр барон, — Буагильбер отвел хозяина замка в сторону, — этого святошу мы и отправим за подмогой. Я напишу письмо, и дружина рыцарей из Йорка примчится сюда в течение дня… А францисканец пусть тем временем исполнит свой долг перед Господом.

Де Беф кивнул и распорядился проводить Вамбу туда, где томились оба саксонских вельможи.

Шут все с тем же смиренным латинским приветствием, надвинув капюшон до кончика носа, вошел в помещение, где Седрик уже едва мог владеть собой от бешенства, а Ательстан, как и прежде, только позевывал от скуки и безделья.

— Ну-ка, подойди ближе, монах, — велел Седрик. — Ты зачем сюда явился?

— Мой долг — приготовить вас к смерти, высокочтимые господа, — ответил Вамба.

— Ты слышишь, Ательстан? — Седрик едко усмехнулся. — Вот и конец всякой неизвестно-

сти… Ну что ж, укрепим сердца и умрем подобно великим саксонским мужам древности.

— Я готов к самому худшему, что только способна изобрести дьявольская злоба норманнов, — вздохнув, ответил Ательстан. — Я отправлюсь на небеса с таким же спокойствием, с каким приступаю к завтраку…

— Делай свое дело, слуга Божий! — распорядился Седрик. — Чего тут медлить?

— Погоди минутку, дядюшка, какой же ты нетерпеливый. — Шут на мгновение открыл лицо. — Слушались бы вы прежде советов дурака, не торчали бы теперь здесь…

— Вамба!..

— Он самый, хозяин, — понизил голос шут. — Если снова не заупрямитесь, в два счета будете на свободе.

— Что ты хочешь этим сказать, плут? — удивился Седрик.

— Возьми эту сутану и веревку. Надень, подвяжись и преспокойно уходи из замка. От ворот ступай прямо к великанскому дубу на поляне, там тебя ждут. Будет с кем побраниться… А мне оставь свой кафтан и башмаки, если не побрезгуешь, — я уж вместо тебя отправлюсь туда, куда тебе еще рановато.

— Ты хочешь занять мое место? — вскричал Седрик. — Да ведь тебя, несчастный ты дурень, повесят без промедления!

— Пусть поступают как хотят, — ответил шут. — Вамба, сын Безмозглого, так же весело попрыгает на веревке, как весело служил тебе, господин мой.

— Бегите, благородный Седрик, — вмешался в беседу Ательстан. — От того, что мы тут томимся, толку никакого, а за стенами замка вы могли бы послужить нашему спасению.

— И что же, есть надежда на выручку? — быстро спросил Седрик.

— Еще и какая! Народ собрался в лесу и только ждет сигнала, чтобы проучить барона… Да пошевеливайтесь же вы, хозяин!

Седрик натянул на себя монашеское облачение и в смущении осведомился:

— Скажи-ка, Вамба, как же мне выдавать себя за священника? Я в этом деле ничего не смыслю. А ну как о чем-нибудь божественном спросят?

Шут хитро прищурился.

— Эка хитрость! Что бы вам ни говорили, на все отвечайте «Pax vobiscum!», что значит «Мир вам!». В остальном помалкивайте и почаще осеняйте всех подряд крестным знамением…

— Ну, прощай, шут! — произнес Седрик. — И ты, Ательстан, прощай. С Богом! Пока в моих жилах еще течет саксонская кровь, я буду биться

до последнего, так что свободы вам придется ждать недолго.

Покинув караульное помещение, Седрик Сакс торопливо направился к выходу из замка, но по ошибке свернул не там, где велел свернуть шут, и вскоре понял, что заблудился в бесконечных темных сводчатых коридорах. Блуждая по ним, он неожиданно наткнулся на сгорбленную женскую фигуру, едва различимую в полусумраке.

— Мир тебе! — буркнул Седрик по-саксонски, спохватился и, пряча лицо, повторил на латыни те слова, которым научил его Вамба.

Неожиданно холодные костлявые пальцы цепко схватили его за руку и Седрик услышал: «Ступай за мной, святой отец! Нам нужно поговорить...»

Глава 21

Урфрида втащила Седрика Сакса в небольшую комнату, тщательно заперла за собой дверь и голосом, в котором звучала скорее уверенность, чем вопрос, произнесла:

— Ты сакс! И не вздумай это отрицать…

— Разве саксонские монахи не посещают ваш замок? — огрызнулся Седрик. — Мне кажется, в утешении нуждаются все.

— Если они и являются, то охотнее проводят время за чашей. Отче, близится мой срок, и я не хочу покинуть этот мир без исповеди. Выслушай же меня!

— Я сакс, это чистая правда, но недостоин монашеского звания. Позволь мне уйти своей дорогой…

— Погоди! — Урфрида приблизилась, умоляюще сжала его руки, а затем отступила на шаг, покорно склонив голову. — Дряхлая, безобразная старуха, стоящая перед тобой, вряд ли сможет забыть, что когда-то росла дочерью благородного хозяина Торкилстона, была свободна и счастлива…

— Ты дочь самого Торкиля Вольфгангера, друга моего отца? — пробормотал пораженный Седрик. — Ты та, о красоте которой слагали баллады?

— Стало быть, передо мной сын Херварда Ротервудского! — едва сдерживая изумление, воскликнула Урфрида. — Седрик Сакс! Но что означает это монашеское одеяние?

— Кто бы я ни был, — взволнованно произнес Седрик, — продолжай, ради всего святого…

— В этом замке, в комнатах, где пролилась кровь моего отца и братьев, все эти годы я прожила рабой и наложницей коварного убийцы.

— Несчастная! — проговорил Седрик. — В то время как все истинные саксы оплакивали Торкиля и молились за вашу семью, ты была жива! Ты жила под одной крышей с подлым негодяем, который…

— Э, благородный Седрик, что ты об этом знаешь… — Урфрида взглянула на него с укором. — Не было ни союза, ни любви — одна ненависть. Я умерла вместе с отцом и братьями… Сначала у меня еще хватало слез, а потом я поклялась отомстить всему норманнскому роду де Беф. Я разжигала вражду между отцом и сыном, пока Реджинальд не убил старого барона. Я издева-

лась над слугами, травила гостей испорченным вином и гнилой пищей и, наконец, научилась колдовству…

— Прекрати! — Седрик в ужасе отшатнулся. — Молись и покайся, злодейка! Господь милостив… А я не хочу и не могу оставаться с тобой, Урфрида.

— Постой! — окликнула его женщина. — Я поняла, куда ты торопишься, коли ты не монах и не собираешься отпускать мне мои грехи. Я прожила страшную жизнь, но смерть моя вновь обелит имя дочери Торкиля. Ступай, собери людей и веди их в бой. Окружи замок, будь готов взять его приступом, а когда увидишь красный флажок на дальней башне, знай — в эти минуты норманнам будет не до вас…

Седрик хотел было что-то спросить у старухи, но внезапно за дверью прогремел голос барона Фрон де Бефа:

— Куда запропастился этот чертов монах?

— Тсс. — Урфрида приложила палец к губам и шепнула: — Я выпущу тебя через боковую дверь. Дальше спустишься по винтовой лестнице, внизу будет узкий коридор, а затем — прямо к воротам. Не оглядывайся, стража тебя не тронет, она ленива и глупа… Прощай, Седрик!

Однако все вышло по-иному.

Едва сакс спустился в темный коридор и торопливо зашагал к выходу, как его окликнул барон де Беф:

— Где ты шляешься, бездельник? И почему так спешишь? Что-то долго ты готовил к смерти моих грешников… Да и дьявол с ними… Ну-ка, подойди ко мне, отче! Ты все сделал как положено?

— Я привел их к смирению. — Седрик еще глубже надвинул на лицо капюшон. — Теперь им ведомо, чего следует ждать от хозяина замка…

— Слышу саксонский выговор в твоих речах, — подозрительно проговорил де Беф. Он был без слуг и без факела и оттого не мог как следует рассмотреть лицо сгорбившегося перед ним францисканца.

— В юности я воспитывался в обители Святого Витольда, а там в ходу только саксонская речь, — спокойно ответил Седрик.

— Вот как… уж лучше бы ты оказался норманном… Этот монастырь — сущее осиное гнездо, которое давно пора сжечь дотла. Выходит, ты и грамоте обучен?

— Знаю на память молитвенник и службу Божью, остальное монаху лишь в соблазн…

— Такой посланец нам и надобен, — пробормо-

тал барон и добавил в полный голос: — Отнесешь вот это письмо в замок барона Филиппа де Мальвуазена. А на словах передай: письмо от меня, писано оно храмовником рыцарем де Буагильбером. Теперь ступай в лес к той шайке негодяев, что там собралась, наплети им всякого, чтобы они день-другой не трогали мой замок… Мол, пленников не обижают, казнь отложена и тому подобное. Уразумел, отче? А потом, если хочешь, возвращайся после драки — закатим удалую пирушку.

— Непременно вернусь, — пообещал Седрик и пробормотал едва слышно: — Мы еще с тобой увидимся, барон…

— Идем-ка, я выведу тебя отсюда, а к воротам ступай сам. Нет, погоди! Вот тебе за труды золотой, но смотри, исполни мое поручение в точности, а не то сдеру с тебя сутану вместе со шкурой и мясом…

Оставшись в одиночестве, Седрик вдохнул полной грудью, миновал сонных стражников и, оказавшись за воротами, обернулся к замку и трижды плюнул в его сторону.

— Чтоб тебе провалиться в преисподнюю, проклятый норманн! — воскликнул он, швыряя в пыль золотую монету…

— Ну что, саксонские герои! — весело проговорил барон, входя вместе с де Браси и храмовником в помещение, где томились самые важные пленники. — По душе ли вам гостевание в Торкилстоне? Поубавилось, небось, высокомерия и дерзости? Я все обдумал и решил, что повешу вас обоих за ноги на железных решетках этих окон, и будете вы висеть, покуда коршуны и вороны не оставят от вас одни кости… Шелудивые псы, сколько дадите за свою подлую жизнь? Отвечай, немытая рожа из Ротервуда!

— Ни гроша не дам! — ухмыльнулся Вамба. — Сделай милость, повесь меня вниз головой, может, дурацкие мои мозги снова станут на место.

— Матерь Божья! — пораженно воскликнул Фрон де Беф, срывая шапку Седрика с головы шута и обнаруживая на его шее серебряный обруч. — Кого же это вы схватили в лесу, рыцари?

— Это раб Седрика, его потешный дурак, — молвил де Браси. — А сакс, думаю, сбежал… в облачении того самого монаха.

— Дьявол! — взревел Фрон де Беф, словно разъяренный вепрь. — Стало быть, я собственноручно выпустил ротервудскую свинью из замка? А тебе, — он угрожающе шагнул к Вамбе, — я обрею

голову и сдеру с нее кожу, чтобы тебе было не до шуток.

— Вы поступите со мной много лучше, чем грозитесь, благородный рыцарь, — хихикнул Вамба. — Тогда у меня будет алая шапка и из простого монаха я враз сделаюсь кардиналом.

— Бедолага, — усмехнулся де Браси, — он и перед смертью останется шутом… Барон, не казни его — лучше отдай мне на забаву… Что скажешь на это, плут? Хочешь мне послужить?

— Ветер у тебя в голове, как всегда, Морис, — вконец рассвирепел хозяин замка, — забавляешься с дураком, когда нас обвели вокруг пальца и мы попали в такое положение, что хуже некуда. Наше послание, считай, пропало, народу, способного как следует держать меч в руках, у меня раз-два и обчелся…

— Биться так биться. Когда это ты, барон, видел, чтобы я унывал перед схваткой? А что до твоей челяди, рыцарь, так ты сам ее развратил и распустил. Ну да не беда. Стены твоего замка высоки, ров глубок, и мы сможем долго держать оборону, а там, глядишь, и разгоним подлую чернь!

— Эй, сакс, ну-ка подойди ко мне! — рявкнул де Беф, поворачиваясь к Ательстану. — Что дашь за свое освобождение? Заплати выкуп и ступай

прочь, однако есть еще одно условие. Сделка состоится, если согласишься пойти к лесному сброду и попытаешься сделать так, чтобы не совали сюда носа!

— Это не в моей власти, — отвечал Ательстан. — Отпусти меня и всех остальных пленников. Я дам тебе тысячу золотом.

— Ваша сделка не касается леди Ровены, — поспешно вмешался де Браси.

— И старика еврея с дочерью, — добавил храмовник. — Исаак сам заплатит выкуп за себя.

— Я не собираюсь торговаться, — нахмурился Ательстан. — Мой род древнее всех ваших, вместе взятых, норманны. Леди Ровена — моя нареченная невеста, а Вамба спас Седрика, ее опекуна. Если вас не устраивает мой выкуп, уж лучше я дам разорвать себя в клочья.

Вбежавший слуга прервал сакса отчаянным воплем: «Разбойники под стенами!» — и кинулся к хозяину, ожидая приказаний. Фрон де Беф посмотрел в бойницу и тотчас что было силы затрубил в рог; в замке поднялся шум, захлопали двери. Со всех сторон сбегались люди барона, и каждому он назначил место в обороне.

— Де Браси! Тебе следить за восточной стеной — она ниже других. А рыцарь храмовник

возьмет на себя западную сторону…

Тем временем Буагильбер, отличавшийся зоркостью, продолжал наблюдать за действиями лесной братии. Наконец он подозвал к себе де Браси и хозяина замка и вполголоса проговорил:

— Эти молодцы наступают в таком образцовом порядке, какого я от них не ожидал. Глядите, как ловко они построились, используя деревья в качестве защиты от наших стрел. Сразу видно, что руководит разбойниками человек, имеющий немалый опыт в военном деле.

— Я догадываюсь, кто это, — ответил де Браси. — Видишь за кустарником плюмаж рыцарского шлема и блеск лат? Это Черный Рыцарь — тот самый, что вышиб Фрон де Бефа из седла на турнире.

— Тем лучше! — зло воскликнул барон. — Наконец-то он получит по заслугам! Благородный человек не поведет за собой шайку бродяг. Я своей рукой снесу ему голову, благо меч у меня двуручный!

Тут разговор прервался, так как осаждающие стремительно пошли на штурм замка. Каждый из рыцарей, не обращая внимания на пленников, которые мало-помалу отступали к двери караульного помещения, занял свое место у бой-

ницы. На стенах рассыпались в жидкую цепь те немногочисленные защитники замка, которых барону удалось собрать за столь короткое время. Все готовились отразить яростную атаку.

Глава 22

После встречи с леди Ровеной Морис де Браси пребывал в растерянности. Таков был его характер: ему не хватало великодушия отпустить беспомощного Айвенго на свободу, однако строгие законы рыцарской чести не позволяли избавиться от соперника раз и навсегда. Поэтому он выбрал нечто среднее между добром и злом — сообщил барону Фрон де Бефу, что среди пленников, захваченных вместе с саксами, оказался раненый норманн, его соратник, и что рыцаря поместили в одном из покоев замка.

Де Бефу теперь было не до того, чтобы заниматься ранеными. Озабоченный предстоящим сражением, он лишь послал слугу передать этой ведьме Урфриде, чтобы она присмотрела за больным. Тем более что старуха знает толк во врачевании, добавил он и тут же обо всем на свете забыл, готовясь отразить штурм лесных братьев.

Урфрида же и не подумала пустить в ход свои колдовские познания — она настолько была погружена в мрачные переживания, что поручила

заботу о раненом юноше Ребекке. Так Айвенго вновь оказался на попечении девушки.

Именно она уговорила старого Исаака по завершении турнира принять истекающего кровью рыцаря в Ашби. Воспользовавшись тем, что оруженосец, перенесший раненого с ристалища в его палатку, ненадолго отлучился, Ребекка приказала слугам уложить впавшего в беспамятство Айвенго на свои носилки и мчаться во весь дух к ее дому.

Рыцарь все еще не пришел в себя, когда лекарь, приглашенный девушкой и осмотревший раненого, велел, не теряя ни минуты, везти больного в Йорк. Ребекка уже знала, что упрямец Седрик не пожелал принять сына у себя, что Гурта схватили, а пир у принца Джона отвлечет внимание жителей Ашби, и поэтому приняла решение собираться в дорогу.

Старый Исаак с тревогой наблюдал за этими приготовлениями, но не посмел перечить своей любимице; он переволновался, выбился из сил и решил подремать перед дорогой, велев никого не принимать и говорить, что его нет дома.

Пока шли сборы, Ребекка не отходила от юноши. Будучи не понаслышке знакома с действенными методами врачевания, она в точности выполняла

все предписания лекаря. Вскоре Айвенго пришел в себя, обвел мутным взором ее покои, и ему померещилось, что он снова в Палестине. Его голову поддерживала молоденькая служанка, однако восточное платье на ней было для служанки непомерно роскошным.

— Кто ты, красавица? — спросил Айвенго. — Где я?

— У друзей, — нежно отвечала девушка. — Ты серьезно ранен. Молчи, не трать попусту силы. Скоро мы отвезем тебя в Йорк, и там тебе помогут. Меня зовут Ребекка.

— А где мой отец?

— Он приглашен на пир к принцу Джону.

— Не знаешь ли, будет там присутствовать его воспитанница? — утомленно закрыв глаза, прошептал рыцарь.

— Если ты говоришь о даме по имени Ровена, ее не видели среди гостей принца Джона.

Айвенго ничего не ответил и вновь впал в беспамятство.

Ребекка не отходила от него и по пути к Йорку — вплоть до того момента, когда на них наткнулся отряд Седрика Сакса.

И вот теперь, снова оказавшись в покоях раненого рыцаря, девушка, волнуясь и испытывая

острую радость, приблизилась к его постели и заговорила с ним. Голос Ребекки звучал ровно и дружески, без всякого намека на то, в каком опасном положении находятся все пленники в замке Фрон де Бефа. Айвенго, казалось, был рад снова увидеть знакомое лицо.

— Милая добрая Ребекка! — улыбнулся рыцарь. — Ты появляешься внезапно, как ангел, и, надеюсь, с добрыми вестями.

Девушка вздрогнула при слове «милая», но, перехватив его равнодушный и рассеянный взгляд, вздохнула:

— Нет, сэр Айвенго, боюсь, что ничем не смогу вас порадовать… Как вы себя чувствуете?

— Душа моя страдает больше, чем израненное тело. — Улыбка на лице рыцаря растаяла. — Эта старуха, похожая на ведьму, прежде чем прислать тебя, сказала, что я нахожусь в плену у барона де Бефа. Это правда? Кто еще угодил к нему в лапы?

Девушка перечислила пленников, и рыцарь после долгого молчания проговорил:

— Ты видишь, что я не способен защитить ни моего отца, ни леди Ровену, и хотя вся стража как сквозь землю провалилась…

Глухой шум под стенами замка, доносившийся сквозь узкую щель в стене башни, внезапно уси-

лился и превратился в неистовый грохот и рев. Рыцарь приподнялся на локте и воскликнул:

— Ребекка, что там такое? Взгляни, будь добра, что происходит?

Девушка метнулась к бойнице, выглянула и снова вернулась к Айвенго.

— Там туча ратников. Они штурмуют замок! Я стану у окна и буду обо всем докладывать…

— Значит, Фрон де Беф и его приспешники осаждены… Но будь осторожнее, Ребекка, — теперь каждое окно, каждая бойница станет мишенью для метких стрелков.

— Не тревожься, сэр рыцарь! Мне кажется, все стихло. Возможно, битва и не состоится.

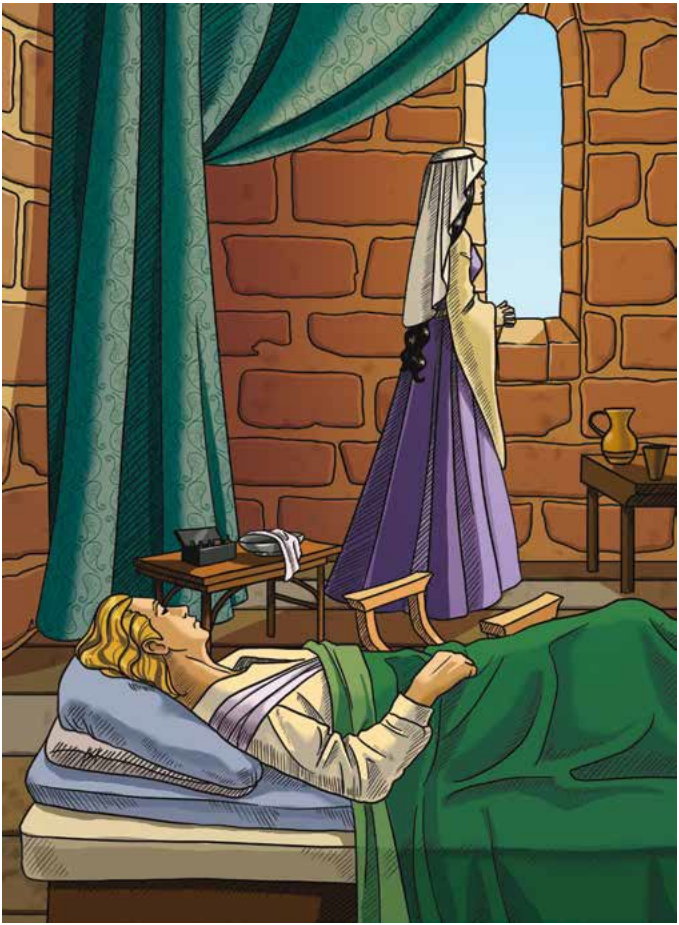
— Не надейся, — нетерпеливо проговорил Айвенго. — Это всего лишь затишье перед бурей. И в замке будто все вымерло… То, что мы с тобой слышали, — предвестие штурма. Под стенами готовятся к осаде, а внутри все заняли свои места и ждут нападения. О, если бы я мог…

Он попытался приподняться, но Ребекка испуганно вскрикнула:

— Вы, сэр рыцарь, ничем и никому сейчас помочь не сможете! Слава Богу, что остались живы. Какой горячий! — Спохватившись, девушка сменила тон: — Уж коль вам так угодно, я буду

вашими глазами, если мне не дано стать мечом в ваших руках.

— Тебя могут ранить, Ребекка. Отойди подальше от окна! Ты ангельски добра, но чертовски упряма. Возьми хотя бы щит — его забыл в углу мой стражник — и прикрой грудь... И не выглядывай так далеко из-за оконной решетки!



Место, занятое девушкой, укрывшейся за щитом, было на редкость удобным для наблюдения за тем, что происходило снаружи. Узкое окно в толстой стене, сложенной из дикого камня, смотрело прямо на отдельно стоящую башню, предназначенную для обороны главных ворот. Отсюда все было видно как на ладони. Башню отделял от стены замка глубокий ров, и, подняв навесной мост, можно было легко прервать связь между укреплением и замком. Там-то и были сосредоточены основные силы осаждающих.

Ребекка описала рыцарю эту картину, добавив:

— А на опушке леса сплошной стеной стоят стрелки…

— Под каким знаменем?

— Они в тени деревьев, никаких знамен не видно.

— Странно, — пробормотал Айвенго, — начать штурм сильной крепости и не развернуть боевого стяга!.. Взгляни еще, может быть, у самых ворот ты увидишь гербы и знамена наших освободителей.

— Впереди рыцарь в черных доспехах, — ответила девушка. — Он, видимо, руководит осадой. Закован в броню с головы до пят и вооружен копьем и тяжелым мечом…

— Что за девиз на его щите?

— Сейчас, — Ребекка слегка наклонилась, всматриваясь, — кажется, полоса поперек щита и на черном поле — нечто голубого цвета.

— Оковы и скрепы… увы, даже не представляю, кому бы могли принадлежать эти геральдические знаки. А что начертано на щите?

— Не вижу, солнце слепит глаза… Боже праведный, кажется, они готовы ринуться на приступ…

В этот момент пронзительно протрубил рог, взревели сотни глоток, а со стен крепости им ответили норманнские трубы и литавры вперемешку с боевыми кличами. Туча стрел, затмевая небо, понеслась в сторону замка, и каждая метила в свою цель. Зоркий глаз лесных стрелков не пропускал ни одного выступа, окна или бойницы — огонь из луков был таким яростным и густым, что стрелы сыпались ливнем. Внезапно девушка вскрикнула и присела, а затем, прикрываясь щитом, снова выглянула наружу.

— Что там теперь происходит? — взволнованно спросил Айвенго. — Ты видишь Черного Рыцаря? Кто идет за стрелками? Не многого достигнешь одними луками против толстых стен… Ну, говори же скорей!

— Вот он, Черный Рыцарь, я его вижу! Ведет

передовой отряд к внешней ограде сторожевой башни…

— Проклятие! А я должен неподвижно лежать здесь! — с досадой проговорил раненый.

— …Они валят столбы частокола, крушат ограду топорами. Черный плюмаж на шлеме рыцаря впереди толпы воинов… Образовался пролом, они прорвались! Господи, помоги им!.. А теперь их снова теснят защитники крепости во главе с бароном де Бефом…

Девушка с испугом взглянула на Айвенго и снова приникла к решетке.

— Святые пророки! — воскликнула она. — Фрон де Беф схватился с Черным Рыцарем! Они бьются один на один… Боже мой, он упал! Все кончено…

— Кто упал? Говори же скорее, не мучай меня…

— Нет, не кончено… Черный Рыцарь снова вскочил на ноги, яростно бросился на барона, вырвал топор у одного из йоменов и теснит де Бефа… Барон повержен! — Ребекка обернулась, сияя. — Этот громадный Фрон де Беф на земле и не двигается. К нему бросились его воины, они размахивают секирами и теснят рыцаря, чтобы поднять своего господина… Ну вот, поволокли норманна во внутренний двор, что за главными

воротами.

— Это еще не победа. Ведь осаждающие так и не прорвались за частокол?

— Уже прорвались, — сообщила Ребекка. — Людей барона прижали к наружной стене крепости… В ход пошли лестницы, сверху летят камни и бревна, все смешалось, мертвые тела валятся со стены… — Ох, я не могу на это больше смотреть, сэр Уилфред Айвенго! Как жестоки люди…

— Не время падать в обморок при виде крови, Ребекка! Ты мужественная женщина. От того, чем закончится штурм, зависят наше с тобой спасение и жизнь. Дорого бы я дал, чтобы оказаться там, рядом с Черным Рыцарем!

— Увы, — покидая свое место у окна и подходя к рыцарю, с грустью произнесла девушка, — вы еще слишком слабы и не сможете даже удержать меч, пока не заживут ваши раны. Вы должны отдохнуть, бледность снова покрыла ваше лицо. — Наклонившись, Ребекка протянула руку к его лицу и тут же в смущении отдернула ее. — Позвольте, я поправлю ваши повязки…

— Что там теперь происходит? Оставь в покое мои раны… О, если бы я мог встать! Ты и представить себе не можешь, что значит для воина, закаленного во многих битвах, беспомощно,

словно младенец в колыбели, ожидать своей участи…

Ребекка горестно вздохнула и вновь вернулась к окну.

— Ворота дрогнули! — вдруг воскликнула она. — Черный Рыцарь впереди… Они бросились напролом, захватили сторожевую башню и закрепились в ней. Храмовник Бриан де Буагильбер, ваш враг, бежит под защиту стен, но он успел отдать приказ поднять навесной мост, по которому только что перебрались защитники замка… А вот и все стихло… Праведный Господь, сколько раненых и убитых с обеих сторон! Теперь я, кажется, знаю, что победа подчас выглядит страшнее самой битвы.

— Черный Рыцарь… — пробормотал Айвенго, не слушая последних слов девушки. — До сих пор я считал, что в Англии лишь один человек способен на такое дело, на такую безумную отвагу… Ребекка, — рыцарь с трудом приподнял голову, — довольно, иди, сядь со мною рядом. Вот так… Не заметила ли ты каких-либо иных знаков, по которым можно было бы узнать того рыцаря, что вел ратников на приступ?

— Нет, сэр Айвенго. — Девушка покачала головой. — Его доспехи черны, как крыло ворона. Но

то, как он сражается, я запомню на всю жизнь — он бросается на врага, точно гуляка в лихую пирушку. Он словно родился для битвы…

— Послушай, если там наступило затишье, то ведь только для того, чтобы собрать силы и продолжить наступление? Как ты считаешь?

— Не знаю, — промолвила она, с нежностью глядя на молодого рыцаря. — Я всего лишь глупая девушка, которая…

— Клянусь честью моего дома и светлым именем моей возлюбленной! Я отдал бы свою жизнь, чтобы хоть день провести рядом с этим доблестным рыцарем в битве за столь правое дело.

— В вас говорит рыцарское тщеславие, и только, — заметила Ребекка, поднимаясь и отходя от его постели. — Что достанется вам в награду за пролитую кровь, лишения и страдания? А вы подумали о слезах, которые прольются, если вас не станет?

— Слава! Она позолотит наши могилы и сохранит в веках рыцарские имена.

— Слава? — усмехнулась девушка, глядя на рыцаря с состраданием. — Неужели ржавая кольчуга и тупой меч, пылящиеся в склепе усопшего рыцаря, стоят того, чтобы отказаться навеки от радостей жизни, любви, семьи, нежных привя-

занностей? Или подвиги совершаются только для того, чтобы герои могли стать героями баллад, которые распевают менестрели перед толпой подвыпивших ремесленников и купцов в праздничные дни?

— Ты принадлежишь другому народу, Ребекка! Тебе не понять тех, в чьей душе горит чистый пламень рыцарства — тот, что позволяет с одного взгляда распознать высокое и низкое, честь и бесчестие. Рыцарство — это когда душа благородной девушки взволнована подвигом возлюбленного, это источник чистых привязанностей, защита гонимых и обиженных… Без него дворянская честь была бы пустым звуком! — Юноша без сил опустился на подушки.

— Да, сэр Айвенго, мне этого не понять, — печально проговорила девушка. — Мои соплеменники, мой отец и я — все мы живем по другим законам. Древним и не менее заслуживающим уважения, чем ваши. Однако мы ценим мирную жизнь больше, чем войну…

Ребекка умолкла, увидев, что ее рыцарь спит, подложив ладонь под щеку, словно уставший ребенок. «Он забудет меня, как только покинет эту убогую комнатушку, — подумала она. — Может, и грешно так жадно смотреть на мужские

губы, ласкать взглядом нежное юное лицо, такое мужественное даже в забытьи, но я чувствую, что любуюсь им в последний раз… Господи, из-за этого юноши я позабыла даже о родном отце! Где он? Жив ли еще мой Исаак? Нет, я должна вырвать из своего сердца эту страсть, и никогда ни один человек не увидит слабости Ребекки!»

Девушка плотнее закуталась в покрывало и уселась в самом дальнем углу комнаты, отвернувшись от Айвенго. Словно убедила себя в том, что такого расстояния достаточно для победы над бурей чувств, бушевавших в ее душе.

Глава 23

Отряд Локсли, воспользовавшись короткой передышкой, укреплял свои позиции, а осажденные вновь готовились к обороне. Храмовник и Морис де Браси сошлись в большой зале замка для совещания.

— Где наш храбрый барон? — спросил де Браси, находившийся во время осады на той стене замка, которая противостояла главным воротам. — Правда ли, что он тяжело ранен?

— Фрон де Беф еще жив, — невозмутимо отвечал Буагильбер. — Но даже если бы на его плечах была та бычья голова, что изображена на щите барона, ей не удастся устоять против бешеной секиры Черного Рыцаря. Принца Джона ожидает горькая весть.

— Зато сатане немалая прибыль, — ухмыльнулся де Браси и тут же смахнул с лица улыбку. — Как ты думаешь, сэр Бриан, не лучше ли нам пойти на мировую с бродягами, отпустив пленников?

— Что? Лишиться законной добычи и стать мишенью для насмешек? Гляди-ка, что за доблестные вояки — сначала среди ночи захватывают

беззащитный караван, берут в плен саксов, их женщин и слуг, укрывают в неприступном замке, а затем поджимают хвост перед кучкой какого-то сброда! Как могло прийти тебе в голову такое, сэр Морис! Пусть этот замок обрушится мне на голову, прежде чем я пойду на такую сделку…

— Тогда продолжим забаву! — беспечно воскликнул де Браси. — Я недорого ценю свою жизнь, мне жаль лишь одного — со мной нет моих верных людей, моих бравых копьеносцев. Слуги де Бефа — не воины, а надсмотрщики, они так насолили окрестным крестьянам, что охота на них будет беспощадной. Боюсь, что еще немного, и ратники барона разбегутся, как крысы в паводок.

— Что поделаешь, — вздохнул храмовник, — отступать нам некуда. Понадеемся на наш военный опыт. Главное сейчас — не прозевать внезапного нападения разбойников. Выставим часовых на стенах; ты, сэр Морис, теперь возьмешь на себя оборону главных ворот, а я расставлю людей и буду начеку. По местам!

Между тем хозяин осажденного замка испытывал жесточайшие страдания и находился при смерти. Человек неверующий, жестокий и алчный, барон тем не менее дрогнул в последнюю

минуту перед черной бездной, которая должна была его поглотить.

— Священника! — хрипел де Беф, закатывая глаза. — Где они, эти босоногие кармелиты? Ох, да ведь я их ограбил и разорил… Позовите храмовника, он тоже монах, пусть выслушает мою исповедь. Нет, уж лучше черту исповедаться… И молитвы я начисто позабыл, будто и не знал никогда…

— Поделом тебе, Фрон де Беф! — раздался у ложа умирающего чей-то надтреснутый голос, заставивший барона содрогнуться. — Настал твой смертный час. И никакая молитва не спасет тебя, презренный негодяй, от геенны огненной.

— Кто ты? — собрав последние силы, прорычал барон. — Покажись! Эй, слуги, дайте огня!

— Будет тебе огонь. — Казалось, этот пронзительный голос раздирал Реджинальду Фрон де Бефу внутренности. — Придется держать ответ за все свои грехи! Это ведь ты подстрекал распутного брата против отца, которого потом сам же и убрал со своего пути! Ты грабил, убивал, насиловал без счета… Нет тебе пощады! Я не дам тебе спокойно умереть, негодяй!..

— Открой лицо, дьявол ты или кто иной, — я тебя не боюсь! — прохрипел барон.

— Отцеубийца! Вспомни тот пир, когда пол был залит кровью старого барона, а его сын предательски прятал кинжал.

— Это ты, ты, проклятая колдунья! — Де Беф слепо зашарил вокруг в поисках меча. — Ты явилась глумиться над умирающим?

— Я пришла насладиться местью! — Урфрида склонилась над хозяином замка, и ее глаза безумно сверкнули. — Никто не придет тебе на помощь, слуги твои разбежались…

— Врешь, гнусная ведьма!

Урфрида захохотала в ответ.

— Пожар разгорается быстро, а двери наглухо заперты. Я с детства знаю все тайные закоулки этого замка, и повсюду сейчас лежит сухой хворост. Ты разве не чуешь запах дыма? Замок объят пламенем. Пока твои люди мечутся и вопят от ужаса, я, Урфрида, дочь убитого тобой Торкиля Вольфгангера, сакса, в чьих жилах текла королевская кровь, сейчас поднимусь на башню и подам знак храброму Седрику Ротервудскому. Пепел и зола останутся от тебя и от этого проклятого гнезда. А вместе с ним уйдет в прошлое и Урфрида. Прощай же и умри не как благородный рыцарь, а как жалкий хлам, что сжигают крестьяне, покидая насиженное место. Ты заслужил

такой конец…

С этими словами старуха стремительно покинула комнату, где барону де Бефу предстояло провести свои последние минуты. Он еще успел услышать, как заскрипели ржавые дверные петли и громадный ключ дважды повернулся снаружи в дверном замке.

Глава 24

Седрик Сакс не придал значения последним словам Урфриды и все же, добравшись до лесной поляны, поведал обо всем случившемся Локсли и Черному Рыцарю. Затем они принялись обсуждать план осады замка. Знаменитый стрелок взял на себя командование лучниками. Возглавить лесных братьев предложили отшельнику, поскольку знали о его умении увлекать за собой людей. Затем Локсли обратился к Седрику с просьбой стать во главе передового отряда и повести его на штурм замковых ворот.

— Благодарю за честь, но я отказываюсь, — ответил Седрик. — Я не силен в искусстве осады и не привык командовать воинами. Но я готов драться в первых рядах как самый простой ратник. Пусть благородный рыцарь возьмет на себя предводительство — это его право и обязанность.

Таким образом, роли были распределены и вскоре зазвучал рог, подавая сигнал к наступлению.

Как только в ходе ожесточенной схватки сторожевая башня была захвачена и путь к воротам

открыт, Черный Рыцарь отправил гонца, чтобы сообщить эту добрую весть Локсли, а затем, воспользовавшись коротким затишьем, приказал соорудить бревенчатый плот для переправы через ров. Подвесной мост оставался поднятым, защитники замка укрылись за крепкими стенами, и время подгоняло осаждающих. Предводитель головного отряда больше всего опасался внезапной вылазки противника. Он наверняка знал, что его воинство — это люди, не привыкшие к дисциплине, малоопытные и не слишком хорошо вооруженные. И если на них внезапно обрушатся норманнские рыцари, закаленные в битвах и походах, йомены и лесные бродяги едва ли смогут устоять.

Как только плот был готов, Черный Рыцарь промолвил:

— Друзья, ждать нам больше нечего — всякое промедление обернется против нас! Солнце клонится к закату, а завтра меня уже не будет с вами. К тому же наши враги рассчитывают на подмогу из Йорка. Мы перехватили одно их послание, но они могли отправить нескольких гонцов. Вы готовы продолжать борьбу? Локсли поведет своих стрелков к западной стене замка и оттянет на себя как можно больше сил противника, а мы,

воспользовавшись плотом, начнем штурм ворот. Придется разделиться — те, кто не останется со мной, должны взять колчаны и присоединиться к Локсли. Сэр Седрик, — обратился он к саксу, — вы где намерены сражаться? Ведь на вас нет ни кольчуги, ни шлема, лишь щит да меч.

— Я останусь с тобой, рыцарь! Без всех этих железных погремушек мне только легче будет взбираться на проклятые стены гнезда Фрон де Бефа!

— С Богом! — воскликнул Черный Рыцарь. — Спускайте плот!

Он первым прыгнул на шаткое сооружение из обломков бревен, за ним последовали Седрик и другие ратники. Выбравшись на противоположный берег рва, рыцарь стремглав бросился к главным воротам замка и обрушил на них могучие удары своей секиры. Полетели щепки. Тут же к нему присоединился Седрик, который орудовал широким саксонским мечом.

Атака была настолько стремительной и внезапной, что люди Мориса де Браси растерялись. Вдобавок часть лучников, засевших в отбитой у врага сторожевой башне, засыпала их стрелами, не давая поднять головы и приблизиться к бойницам.

— К надвратному выступу! Пустите в ход камни и бревна! — бешено прокричал де Браси. — А когда они закончатся, ломайте зубцы стены и опрокидывайте их на головы лесному сброду!

Одновременно с тыльной стороны замка начал наступление Локсли со своими стрелками. Когда же им удалось настолько приблизиться к стене, чтобы установить штурмовые лестницы, в бойнице дальней угловой башни мелькнул алый флажок и затрепетал на ветру.

Локсли воскликнул:

— Это сигнал! Урфрида не солгала! Вперед, братья, на подмогу Седрику и Черному Рыцарю! У нас в замке есть союзник. Торкилстон будет наш!

Тем временем положение сакса и рыцаря становилось все более сложным и опасным. И сами они, и весь штурмовой отряд находились на виду у врага, тяжелые створки ворот по-прежнему не поддавались ударам мечей и секир, и, если бы не своевременная помощь стрелков, убитых и искалеченных градом камней и бревен, сыпавшихся с надвратного выступа на атакующих, было бы куда больше. Локсли первой же меткой стрелой пронзил грудь одного из защитников замка, который уже готов был столкнуть вниз огромный валун как раз над тем местом, где находился

Черный Рыцарь. Рухнувшего с хриплым воплем ратника тут же сменил сам де Браси, который принялся яростно орудовать рычагом. Локсли успел несколько раз натянуть тетиву, однако его стрелы не причиняли вреда рыцарю, закованному в стальной панцирь.

Наконец валун дрогнул, покачнулся, однако остался на месте. Де Браси обернулся — рядом с ним стоял Бриан де Буагильбер. Схватив рыцаря за плечо, храмовник рванул его к себе и прокричал прямо в щель забрала:

— Замок пылает, все пропало, сэр Морис!

— Не шути так, Буагильбер! Что же теперь делать?

— Вся западная сторона охвачена пламенем. Пытаться потушить огонь бесполезно. Мы просто задохнемся в дыму, как крысы… Веди своих людей вниз, открывайте ворота и крушите всех, кто попадется под руку. Остальных разбойников я беру на себя. Если мы отбросим их и немного продержимся — хорошо… а нет, так сдадимся — но лишь на выгодных условиях.

— Ты ведь не скажешь им, что все это затеял я, сэр Бриан?

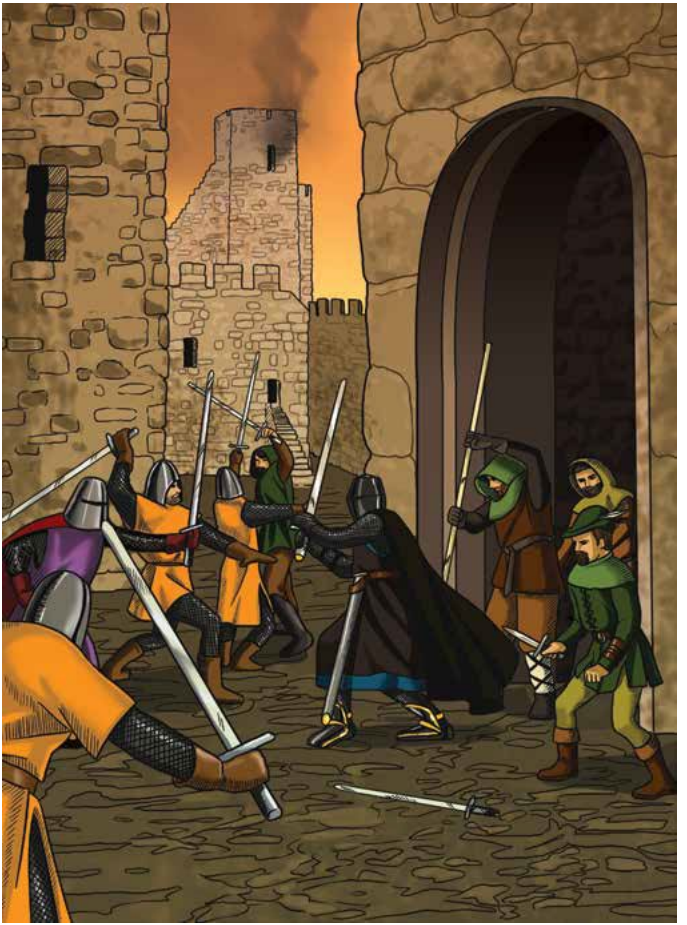
— К дьяволу! У меня есть дела поважнее…

Де Браси наскоро собрал оставшихся людей

и помчался вниз по ступеням к воротам. Оказавшись на вымощенной камнем площадке позади ворот, он велел отодвинуть тяжелые засовы и распахнуть створки. Ратники бросились исполнять приказание, но, как только ворота приоткрылись, де Браси даже не успел взмахнуть мечом, ибо Черный Рыцарь вихрем ворвался в замок, расшвыривая осажденных и сея смерть. Под яростным натиском атакующих люди де Браси дрогнули и начали отступать, как ни старался рыцарь их остановить.

— Замок горит, презренные трусы! Назад, иначе мы все погибнем! Я сам схвачусь с их черным предводителем…

В сводчатом проходе, который начинался сразу за площадкой у ворот, завязалась отчаянная рукопашная схватка. Де Браси не уронил рыцарской чести и славы доблестного воина, нанося один за другим страшные удары мечом своему противнику, однако на этот раз удача оказалась не на его стороне. На де Браси обрушился такой страшный удар секиры, что у него треснул щит, а сам рыцарь, наполовину оглушенный, плашмя рухнул на каменные плиты пола.



— Сдавайся, бесстрашный норманн, — негромко проговорил Черный Рыцарь, занося над решеткой его забрала роковой кинжал, — подчинись моей воле, Морис де Браси, иначе тебя ждет бесславный конец!

— Честь не позволяет мне сдаться неизвестному противнику! Скажи свое имя, а потом добей меня, простолюдин!

Рыцарь шепнул несколько слов на ухо поверженному врагу.

— Я выбираю плен, — едва смог произнести потрясенный до глубины души де Браси.

— Тогда ступай в сторожевую башню и ожидай там моих распоряжений! — властно велел Черный Рыцарь.

— Повинуюсь тебе, — поднимаясь, покорно произнес де Браси. — Но прежде ты должен знать, что Уилфред Айвенго, который сейчас находится в горящей башне, задохнется в дыму, если к нему вовремя не подоспеет помощь. Его, раненного на турнире, захватили в плен на лесной дороге… Если хочешь, я покажу тебе, где он. Чтобы найти его покой, нужно подняться из главного зала вверх по винтовой лестнице, а затем…

— Я не доверяю тебе, сэр Морис де Браси! — Рыцарь с пренебрежением отвернулся, ища глазами

Седрика, который вместе с отшельником теснил во внутренний дворик перепуганную челядь барона Фрон де Бефа. Заметив сакса, Черный Рыцарь торопливо направился к нему, а де Браси, проводив растерянным и печальным взглядом своего победителя, пробормотал:

— Увы, все верно… Разве я заслуживаю его доверия?

Он собрал свое рыцарское оружие, расстегнул ремни шлема и побрел к стоящему у ворот Локсли, чтобы в знак полной покорности отдать стрелку свой меч.

Глава 25

Огонь на западной стороне замка тем временем разгорался все сильнее, и вскоре в покое, где Ребекка ухаживала за раненым рыцарем, появились первые признаки пожара. Едкий дым пробивался в щели двери, щипал глаза и затруднял дыхание. Девушка разбудила задремавшего было Айвенго сразу же, как только продолжился штурм, и вновь заняла свое место у окна, однако, заметив пламя над кровлей замка, она мгновенно поняла: им грозит новая опасность.

— Что же теперь делать? — Ребекка бросилась к рыцарю. — Пламя уже подбирается сюда.

— Покой не заперт, — сохраняя хладнокровие, проговорил Айвенго. — Беги, не теряя ни минуты… Ты еще успеешь спасти свою жизнь.

— Без тебя я отсюда не уйду, — решительно заявила Ребекка и вдруг, изменившись в лице, воскликнула: — Боже мой, ведь я даже не знаю, что сталось с моим отцом! Жив ли он, несчастный больной старик…

Неожиданно дверь покоя распахнулась и в нее ворвались клубы дыма. Из темного перехода по-

слышались отчаянные крики, звон оружия, топот ног, стоны и проклятия. Затем на пороге возник Бриан де Буагильбер и бросился к девушке. Плюмаж на его шлеме обгорел, латы были помяты и забрызганы кровью.

— Ребекка, наконец-то я отыскал тебя! — вскричал храмовник. — Мы проиграли все, но моя жизнь не стоит и завитка твоих драгоценных волос! Скорее! Идем!..

— Я не сделаю ни шагу отсюда без этого раненого юноши и своего отца, — попятившись, сказала Ребекка. — Если я тебе так дорога, рыцарь, прояви милосердие и к ним.

— Я не знаю, где старый Исаак, а этот рыцарь должен с достоинством принять то, что выпало на его долю… Довольно! Нам нужно спешить! — Буагильбер шагнул к девушке.

— Я скорее погибну в огне, чем дам тебе спасти меня…

Несмотря на ее отчаянное сопротивление, храмовник схватил Ребекку в охапку и бросился к распахнутой двери. Казалось, он не слышал ни угроз, ни проклятий, которые посылал ему вслед беспомощный Айвенго.

— Ты заплатишь за все, подлый пес! — прохрипел Уилфред, едва не плача от бессилия, но тут же

надсадно закашлялся от заполнившего комнату густого дыма. Юноша попытался приподняться, но снова рухнул на постель и в отчаянии закрыл глаза.

Внезапно чья-то рука в стальной рыцарской перчатке опустилась на плечо Айвенго и твердый голос насмешливо произнес:

— Если бы не твои истошные вопли, Уилфред, Черному Рыцарю ни за что бы тебя не отыскать…

— Будь ты истинным рыцарем, тебе не пришлось бы бегать по замку в поисках меня. — Айвенго, не поднимая век, упрямо отвернулся к стене. — Лучше догони храмовника, покрывшего позором свой орден и похитившего невинную девушку, и спаси благородную леди Ровену…

— Все по порядку, однако ты — первый. — Вошедший легко взял на руки исхудавшего рыцаря, вынес его в сизый от дыма проход и передал на попечение двум йоменам. А сам бросился на поиски тех, о ком говорил Айвенго.

Одна из замковых башен уже пылала костром, к остальным огонь только подбирался, но в еще не охваченной пожаром части замка ожесточенные баталии продолжались. Не выпуская бесчувственную Ребекку из рук, Бриан де Буа-

гильбер ворвался в одно из темных помещений сторожевой башни, где в полном одиночестве восседал на каменной скамье де Браси.

— Сэр Морис! — изумленно вскричал он, застыв на пороге. — Де Браси, ты ли это?

— Я, — отозвался мрачный голос, — но я сдался в плен.

— Чепуха! Следуй за мной! Лошади ждут внизу…

— Нет, — отвечал де Браси, — я рассчитываю на милость победителя — рыцаря в черных латах. Спасайся сам. И мой тебе совет — уходи из Англии за море. Ты должен знать: сокол уже прилетел.

— Что ж, оставайся… Я намерен скрыться среди своих собратьев по ордену, в замке Темплстоу…

Прячась за выступами башен и надворными постройками, Бриан де Буагильбер со своей легкой как перышко ношей начал пробираться к отдаленному дворику, где его ожидали лошади, оруженосцы и слуги-сарацины. Часть лесных разбойников, йоменов и лучников, взяв с собой раненого Айвенго и захваченную в замке добычу, отступила в лес и там поджидала возвращения остальных, прочие же вершили расправу над защитниками Торкилстона.

Там же, в самой гуще кипящей схватки, метался

Седрик Ротервудский в поисках леди Ровены. По пятам за ним следовал верный Гурт, то и дело отбивая удары противников и прикрывая тыл своего грозного владыки. Наконец саксу удалось добраться до запертых покоев, где томилась, ожидая каждую минуту жестокой гибели, его отчаявшаяся воспитанница. Свинопас ногой вышиб дверь, и Седрик со слезами радости бросился к юной саксонке. Затем, поручив девушку Гурту и приказав с величайшей осторожностью доставить ее в лес, владелец Ротервуда отправился на выручку благородного Ательстана и своего шута.

Но прежде чем Седрик добрался до древнего пиршественного зала, превращенного в помещение для стражи, пленники уже вырвались на волю сами и теперь, путаясь в лабиринте темных переходов, спешили к воротам замка. Одна из дверей привела их в прямоугольный внутренний дворик, где они первым делом наткнулись на свиту храмовника. Какой-то сарацин держал под уздцы великолепного арабского коня, на котором, горестно поникнув, сидела закутанная с ног до головы в шелковое покрывало юная девушка. Тут же послышался грозный голос самого Бриана де Буагильбера, отдающего распоряжение опустить подъемный мост.

Ательстан, заметив женскую фигуру на коне, принадлежащем храмовнику, тут же решил, что перед ним леди Ровена, которую Буагильбер спешит увезти из замка. От этой мысли благородный сакс пришел в неистовство.

— Клянусь, я убью этого негодяя голыми руками! — воскликнул он.

— Не делайте этого, благородный господин! — закричал шут. — На вас нет даже кольчуги… И не забывайте: торопливая рука хватает лягушку вместо рыбы. Могу поклясться своим дурацким колпаком, что перед нами не леди Ровена. Взгляните только на это пестрое покрывало и чужеземные браслеты на смуглом запястье…

Но Ательстан уже ничего не слышал. Подхватив с земли брошенную кем-то из защитников замка палицу, Ательстан ринулся к крестоносцу, который уже успел вскочить в седло. По пути он могучими ударами опрокинул двух-трех слуг, не переставая реветь:

— Храмовник, верни похищенное тобой, иначе я убью тебя, гнусный лицемер из разбойничьего ордена!

Не стерпев этого оскорбления, Бриан де Буагильбер вздернул коня на дыбы, приподнялся на стременах и наотмашь нанес Ательстану удар

мечом. Удар пришелся по темени, и сакс рухнул как подкошенный. С боевым кличем на устах храмовник устремился к уже опущенному мосту через ров, а за ним устремилась его свита, увозя с собой Ребекку…

Тем временем стычки в замке закончились. Там и сям разбойники и стрелки вязали и волокли к воротам пленных, а заодно грабили все, что попадалось под руку. Теперь Торкилстон представлял собой одно огромное пожарище. Перед главным входом в пылающий замок собрались и те, кто его осаждал, и те, кто пытался защитить твердыню Фрон де Бефа. Здесь же находились Черный Рыцарь, Локсли, Седрик Сакс и Морис де Браси.

Огонь распространился уже повсюду, когда Урфрида вдруг появилась на самом верху одной из башен и во весь голос затянула одну из тех песен, которые в древние времена распевали на полях сражений саксонские скальды. Длинные пряди ее седых волос развевались на ветру, а в глазах сверкало безумное торжество свершившейся мести.

«Дано вам вкушать хмель на пиру битвы… пока горяча ваша кровь… точите мечи — ворон уже кричит… стены в огне… скоро сама я погибну…» — Хриплый голос несчастной Урфриды и обрывки горделивых слов еще долго доносились из пламени, пока и эта башня не рухнула.

Над дымящимися руинами замка повисла тишина. Теперь надлежало поспешить в лес, на ту поляну, где под заветным вековым дубом уже пировали разбойники. Предстояло подсчитать потери, оказать помощь раненым и искалеченным, достойно похоронить убитых и разделить награбленную добычу.

— Радуйтесь, братья! — воскликнул среди общего безмолвия Локсли. — Мы освободили пленников барона Фрон де Бефа. Победа осталась за нами!

Глава 26

Лучи утреннего солнца пробивались сквозь кроны дубов, вязов и ясеней, на резной листве папоротника и стеблях травы алмазами сверкали капли жемчужной росы. Олениха бесстрашно вывела детеныша на край поляны, будто зная, что сейчас им обоим ничто не угрожает. Людям, собравшимся вокруг огромного старого дуба, не было до нее никакого дела.

Отдохнувшие разбойники, стрелки, йомены — все, кто участвовал в осаде замка де Бефа, — весело готовились к дележу добычи. Многие сокровища барона погибли в огне, но и то, что уцелело, представляло огромную ценность с точки зрения полунищих простолюдинов — серебряная посуда, дорогое оружие, пышная одежда, лошади и немало другого добра.

Однако никто не приступал к разделу добытого в бою — ждали предводителя лесной братии. Наконец Локсли появился в сопровождении Седрика и Черного Рыцаря, уселся на стоявший на возвышении «трон», сплетенный из лозы и устланный дерном, а рядом с ним сели сакс и

рыцарь.

— Простите за дерзость, благородные гости, но это мои владения, и здесь я хозяин, — начал он. — День у нас принято начинать с молитвы. Где наш послушник? Что-то я его не видел со вчерашнего вечера.

— Святой отец еще на рассвете отправился в замок, — пробасил Мельник, — сказал, что порыщет по подвалам и погребам, поразведает, где и какие у барона де Бефа водились гасконские вина.

— Что ж, — проговорил Локсли, — начнем без монаха и, помолясь, тотчас приступим к делу. Как только слухи о вчерашней нашей забаве достигнут Йорка, нас начнут разыскивать, поэтому следует как можно скорее убраться из этих мест… Сэр Седрик, — обратился он к саксу, указывая на груду добытого добра, — выбирай для себя и своих людей все, что тебе приглянулось.

— Сэр Локсли, мне ничего не нужно, я достаточно богат и слуг своих не держу в черном теле. Но сердце мое преисполнено скорби — нет больше на свете моего доброго и благородного Ательстана. Он погиб, как подобает герою. Мой долг — доставить тело потомка саксонских правителей в дом его несчастной матери, леди Эдит,

и воздать должные почести последнему из рода… Леди Ровена тоже стремится поскорее возвратиться в Ротервуд. И я здесь не ради добычи, я ждал минуты, чтобы поблагодарить тебя и твоих товарищей за спасение нашей жизни и чести. А теперь отпусти нас с миром… — Седрик поднялся, поклонился всем и пошел прочь от сборища, скрывая за напускной суровостью навернувшиеся на глаза слезы.

Через несколько шагов его догнали шут и свинопас.

— Что ж это творится? — выкрикнул Вамба. — Все уходят нагруженные, как мулы, дарами, а ты за мою верность платишь мне одной соленой водичкой. — Шут подпрыгнул, словно пес, и попытался лизнуть мокрую щеку хозяина.

— Вамба, бедняга, ты спас меня от жестокой гибели! — Седрик обнял своего шута и спросил: — Чем же мне наградить тебя?

— Отпусти, дядюшка, ну и крепкие у тебя объятия, чисто обруч на бочке с элем. Так и Богу душу отдать недолго… Если хочешь доставить мне радость и хоть чем-то отплатить, прости моего приятеля Гурта и не сердись больше на него.

— Простить? — воскликнул Седрик. — Да я не только его уже простил, но и хочу отблагодарить.

Гурт, подойди ко мне и преклони колено!

Свинопас с опаской приблизился к хозяину.

— Ты больше не раб! — торжественно произнес сакс, коснувшись Гурта жезлом. — Отныне ты вольный человек! Жалую тебе землю в моем Уолтругемском владении — тебе и твоим наследникам, отныне и навеки…

Гурт вскочил на ноги и, приплясывая, завопил:

— Прочь ошейник, дорогу свободному человеку! Благородный господин! Отныне я вдвойне буду стоять за вас!

Послышался топот конских копыт, и из зарослей появилась леди Ровена в сопровождении слуг. Она была в богатом и строгом одеянии, оттенявшем бледность ее величавого лица. Но эта бледность не была вызвана скорбью. Девушка знала, что ее Айвенго жив, и это придавало ей сил и дарило надежду, несмотря на перенесенные страдания. Кивнув Седрику, леди Ровена молча направила коня к возвышению, где восседал Локсли. Неожиданно ее остановил чей-то негромкий возглас. Под деревом стоял Морис де Браси; стыд и чувство вины искажали черты его осунувшегося лица, но рыцарь все же нашел в себе мужество обратиться к ней. Взяв ее лошадь под уздцы и низко склонив голову, он сказал:

— Удостоит ли леди Ровена хоть взглядом плененного и опозоренного воина? Я не молю о прощении…

— Простить вас — мой долг христианки, — холодно и нетерпеливо ответила девушка. — Остальное на вашей совести.

— Эй, рыцарь, отпусти-ка узду и не удерживай коня этой дамы! — крикнул Седрик, обернувшись. — Твое участие в столь гнусном предприятии заслуживает не прощения, а наказания! И тебе еще придется ответить за все, учиненное здесь.

Де Браси отступил в тень, пряча смятение и злость, а леди Ровена подъехала к разбойникам, чтобы ласково с ними попрощаться. Седрик шагнул к Черному Рыцарю.

— Приглашаю тебя в Ротервуд, когда тебе будет угодно посетить мой дом, — произнес он. — Я знаю, что для вас, странствующих рыцарей, счастье — на острие копья… Вам не нужны богатства. Но удача воина переменчива, поэтому ты должен помнить, что в моих владениях ты всегда будешь не гостем, а желанным братом и найдешь приют и отдых.

— Сэр Седрик уже одарил меня, научив ценить саксонскую добродетель, — с дружелюбной улыб-

кой произнес рыцарь. — Я прибуду в Ротервуд, когда настанет время, а сейчас неотложные дела мешают мне принять твое приглашение, благородный сакс. Но как знать, может, вскоре мне понадобится не только твое щедрое гостеприимство, но и твой меч… Прощай!

— Готов служить тебе, воин, всем своим добром и оружием! — воскликнул Седрик, хлопнув широкой ладонью по протянутой железной перчатке рыцаря. — Мы с леди Ровеной немедленно отправляемся в замок Конингсбург, чтобы принять участие в траурных церемониях по случаю безвременной гибели славного и благородного Ательстана. Двери замка будут открыты для всех, кто здесь собрался, и для тебя тоже, храбрый рыцарь!

С этими словами сакс покинул поляну.

Его небольшой отряд, который составляли леди Ровена, раненый Айвенго, десяток слуг и шут со своим счастливым приятелем Гуртом, уже был готов отправиться в путь. Не прошло и получаса, как кавалькада всадников выехала на лесную дорогу.

Спустя короткое время следом тронулся еще один печальный караван, состоявший из повозки с телом Ательстана, которую сопровождали

монахи из соседнего монастыря, распевающие скорбные псалмы. Разбойники и йомены вскочили, отдавая последние почести герою, но едва заунывное пение монашеской братии стало затихать в отдалении, лесные бродяги снова вернулись к своим неотложным делам.

Глава 27

— Доблестный воин! — обратился Локсли к Черному Рыцарю, почтительным жестом приглашая его присесть рядом. — Без вашего мужества, воинского умения и твердой руки не видать бы нам победы. Не угодно ли принять от нас дар на память?

— Благодарю, — последовал ответ. — Я ни в чем не нуждаюсь. Отдайте мне лишь сэра Мориса де Браси.

— Подлый рыцарь — ваш! — воскликнул стрелок. — Для него это большая удача, иначе болтаться бы ему на крепкой ветке этого дуба…

— Де Браси! Подойди ко мне! — приказал Черный Рыцарь. — Ты свободен. Ступай прочь и никогда больше не попадайся мне на глаза. И будь осторожен, чтобы тебя не постигла участь тех, кто сейчас вынашивает коварные планы. Возьми свое опозоренное оружие.

Морис де Браси, едва сдерживаясь, чтобы не ответить мечом на насмешки разбойников, схватил повод одного из оседланных коней барона де Бефа, вскочил на него и под улюлюканье и свист

скрылся в лесу.

Когда шум стих, Локсли снял с себя богатую перевязь, на которой висел громозвучный рог, и протянул его Черному Рыцарю:

— Благородный сэр рыцарь, не побрезгуйте принять в дар этот охотничий рог, немало послуживший честному человеку. Если вам понадобится помощь друзей в лесах между Трентом и Тисом, только протрубите в него — и тотчас явится подмога. Запомните этот сигнал!

Локсли трижды протрубил, а затем рыцарь повторил за ним условный разбойничий зов.

— Вот и славно! — воскликнул предводитель зеленых кафтанов. — Бьюсь об заклад, сэр, что вы на своем веку немало постреляли дичи… Братья! — обернулся он к своей ватаге. — Запомните эти звуки, и пусть всякий, кто их услышит, без промедления поспешит на призыв этого рыцаря.

Затем Локсли дал знак перейти к дележу добычи, и разбойники в один голос взревели «ура!». Сам он остался безучастным среди всеобщего оживления. Наклонившись к стрелку, рыцарь негромко спросил:

— А как вы разделите все это добро?

— По справедливости, — ответил Локсли. — У нас есть выборный казначей, который строго

следит за этим. Десятая часть отходит Церкви. Часть пойдет вдовам и сиротам павших при осаде, еще часть — неимущим. То, что останется, пополнит неприкосновенную казну братства и будет распределено между лесными братьями согласно их положению и заслугам. Все останутся довольны… — Охотник поднялся. — Что-то меня тревожит наш причетник. Прежде он никогда не пропускал такого важного дела, как дележ. Боюсь, с нашим весельчаком что-то случилось.

— Надеюсь, что это не так, — сказал рыцарь, присоединяясь к стрелку. — Я перед ним в долгу за веселую ночь, проведенную в келье. Отправимся к замку и поищем его там.

В эту минуту громкие крики разбойников возвестили, что тот, о ком тревожился Локсли, собственной персоной появился на опушке леса.

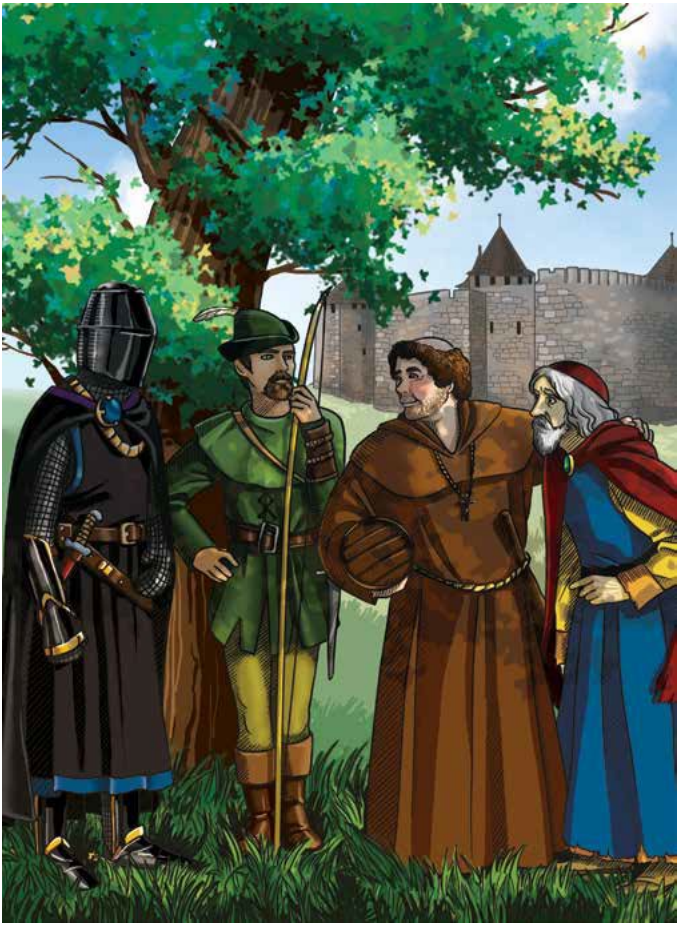
— Дорогу, дорогу, дети мои! Ваш духовный отец о вас не забыл! Он вернулся — и не с пустыми руками, а со знатной добычей! — Громовой голос монаха перекрыл хохот и свист ватаги.

Каждый уже получил свою долю добра, а прочее казначей перенес в укромное место. Мало-помалу разбойники начали разбредаться, поляна постепенно пустела. Отшельник же тем временем медленно и важно приближался к дубу;

одной рукой он придерживал оттопыренный карман своего зеленого кафтана, а в другой у него была зажата ременная подпруга, конец которой захлестывал шею несчастного Исаака из Йорка. Багровое лицо монаха заливал пот, а рот до ушей растягивался в ухмылке.

— Отче! — прищурившись, воскликнул Локсли. — Ты, как я погляжу, уже с утра исхитрился промочить горло? Кого это ты приволок сюда, скажи на милость?

— Огнем и мечом добыл я этого пленника, — провозгласил причетник из Компенхерста, — ну, а уж если по правде, то луком и алебардой. Я спас его от адской жаровни, а не то вышел бы из него запеченный тощий петух. — Грязной ладонью монах смахнул пот со лба, однако подпругу не выпустил. — И вот ведь беда — никто обо мне и паршивенькой баллады не сложит.



— Будет тебе дурака валять. Скажи лучше, что нам с ним делать? Старик едва дышит.

— Как это что? — вскричал монах. — А выкуп?! Я спустился чуть не в самую преисподнюю, рискуя жизнью. Дай, думаю, погляжу, не уцелела ли там бутылочка-другая подогретого винца. А вокруг такое творится, что хоть святых выноси! Дым, смрад, жарища несусветная… Ну, значит, вскинул я на плечо бочонок испанского и иду себе мирно. Вдруг вижу — крепкая дверь, а в ней снаружи ключ. Эка, думаю, должно быть, перепуганный служка сбежал и ключ в замке позабыл. Вхожу — ничего, кроме крыс да ржавых цепей. А тут этот старый сморчок как завопит, как замечется, ну чисто летучая мышь… Одним словом, сдался он мне в плен. Я велел ему погодить, а сам пропустил глоток-другой, и тут все вокруг заходило ходуном, стены затряслись, понесло чадом… Я бочонок под одну руку, нечестивца под другую и — бежать! Едва успели выскочить…

— Вижу, — проговорил Локсли, — что бочонок наполовину пуст, а еврей наполовину мертв… Скажи-ка, Исаак, что там случилось на самом деле?

— Пощади, милосердный господин! — возопил старик, простирая трясущиеся руки к Локсли. —

Я ни словечка не слышал из того, что говорил почтенный монах. Страшная ночь сделала меня глухим и слепым.

— Врешь, негодник, — насупившись, оборвал его послушник. — А кто клялся отдать все свое состояние нашему ордену, лишь бы я тебя вытащил из подземелья?

— Совсем с памятью у меня плохо! — встревожился пуще прежнего Исаак. — Не могу ничего припомнить. Мои уста были сухими, как источники в пустыне, через которую Моисей вел свой народ. Отпустите ради милосердия Божьего измученного нищего старика!

— Ну и плут! Нет, стоит тебя проучить за такое наглое вранье! — Причетник придвинулся к Исааку, взмахнул алебардой и уже собирался пустить ее в ход, но Черный Рыцарь перехватил его руку и сжал железной хваткой. Монах рассерженно воскликнул: — Не суйся не в свое дело, сэр рыцарь, а не то я отучу тебя от эдаких манер!

— Погоди, отче, — примирительно произнес Черный Рыцарь. — Остынь немного. Ведь ты знаешь, что я тебе друг… Пусть Локсли решит, как поступить с Исааком. Старика надо бы прежде накормить, он едва держится на ногах. А у нас с тобой осталось слишком мало времени, чтобы

ссориться.

— Ну так ведь, братец, надобно быть поосторожнее, обладая такою силою, — проворчал монах, потирая запястье. — Мне теперь и распятие не удержать. Ну да ладно. Мир вам всем! Покончим с ссорами.

— Вот и отлично! — воскликнул Локсли. — Сними-ка с еврея петлю, отшельник, и ступай с ним к братьям. А ты, старый хитрец, отдохни и все же поразмысли о выкупе. Мои люди даром жизнью не рискуют.

Когда монах увел Исаака с поляны, Черный Рыцарь вполголоса спросил у Локсли:

— Считал ли ты, скольких пленников нам удалось захватить у Реджинальда де Бефа? И кто эти люди? Мне ведомо только то, что рыцарю Бриану де Буагильберу со слугами удалось ускользнуть…

— Думаю, недолго осталось ему гулять на воле, сэр Черный Рыцарь. Я велел моим братьям пуститься по его следу, — отвечал Локсли. — А те, что сдались в замке, — трусливая челядь… Правда, есть тут одна случайная птичка не из простых. Судя по наряду и убранству коня, щеголь спешил к своей даме, да застрял у барона. Эй, парни, приведите-ка нам того важного господина!

Два стрелка мигом привели связанного и потре-

панного пленника, в котором лишь с большим трудом можно было признать настоятеля Эймера из аббатства Жерво.

Глава 28

Аббат старался держаться с достоинством, однако на лице его застыло смешанное выражение оскорбленной гордости, растерянности и страха.

— Что здесь происходит, господа? — первым делом воскликнул Эймер. — Что у вас тут за порядки? Сейчас же снимите с меня эти грязные путы! Это преступление — так обращаться с высокой духовной особой!

— А, вот ты кто! — усмехнулся Локсли. — Святой отец, мне воистину прискорбно видеть, что с вами обращались настолько грубо, что заслужили ваш отеческий упрек. Развяжите его!

— Благодарю. — Аббат торопливо поправил свой вконец испорченный наряд. Вежливое обращение предводителя разбойников ободрило его, и он, напустив на себя обиженный вид, обратился к Локсли: — Ваши люди, сэр, подчистую ограбили меня! Все мои вещи уничтожены, одежда изорвана, пропали перстни, золотая цепь…

— Славьте Бога, святой отец, что вас сразу не повесили, — перебил настоятеля Локсли. — Заплатите хороший выкуп — и будете свободны,

а иначе ваш монастырь лишится настоятеля. Я слышал, Жерво — аббатство из самых богатых.

— Да вы христиане или язычники, господа? — возмущенно возопил Эймер.

— Мы — люди верующие, при нас постоянно один из слуг Божьих, — успокоил аббата стрелок. — Эй, кликните-ка нашего монаха!

Еще не до конца протрезвевший причетник вскоре появился на поляне, на ходу натягивая сутану поверх зеленого кафтана. Слегка пошатываясь, он приблизился к аббату и невнятно пробормотал несколько латинских фраз, из которых аббат разобрал только одну: «Да ниспошлет Господь спасение вашей милости!»

— Что за безбожный маскарад! — отшатнулся Эймер.

— Добро пожаловать в наши леса! У нас сегодня праздничный день… — произнес причетник и низко поклонился.

— Друг мой, — аббат брезгливо поморщился, — если ты действительно духовное лицо, лучше скажи мне, как вырваться отсюда?

— Есть только один способ, ваше преподобие, — монах лукаво подмигнул пленнику, — нужно уплатить выкуп.

— Но сколько они потребуют?

— Понятия не имею. Я тут человек маленький да и в счете не силен. — Отшельник с ухмылкой взглянул на Локсли. — А не позвать ли нам еврея? Тот мигом все посчитает и назначит цену и за себя, и за аббата, чьи доходы ему куда лучше известны, чем нам…

— Неплохая мысль, — заметил предводитель, который явно торопился покончить с этим делом. — Давайте сюда старика.

Пока два стрелка ходили за Исааком, остальные разбойники вновь собрались на поляне. Рыцарь с любопытством ждал — вот-вот должна была начаться потеха.

— Ты знаешь этого господина? — спросили у старика.

Исаак молча кивнул.

— Сколько нам с него взять, чтобы он не пошел по миру с протянутой рукой?

— Я веду кое-какие дела с преподобными отцами, — уклончиво начал старик. — Люди они не бедные. Думаю, шестьсот золотых будет достаточно.

— Ах ты нечестивая собака! — взвизгнул Эймер. — Откуда мне взять такие деньги? Не слушайте его! Этот еврей так богат, что для него тысяча золотых — все равно что старый пенни

для торговки овощами.

— Вот и решено, — проговорил Локсли. — Настоятель даст шестьсот, а еврей — тысячу…

— Помилуй, благородный разбойник! — заметался Исаак. — Я едва не лишился жизни, потерял единственную дочь, а теперь у меня отнимают последний кусок черствого хлеба… О, Ребекка, мое сокровище, я бы отдал последний грош, чтобы только увидеть тебя живой!..

— Погоди, не кричи так! — Один из стрелков дернул Исаака за рукав. — Постой! У твоей дочери черные как ночь волосы и шелковое покрывало, расшитое серебряной нитью?

— Она! Это была она, позднее дитя моей возлюбленной Рахили! — еще горше запричитал старик.

— Я хотел было послать стрелу вслед храмовнику, но побоялся угодить в девушку. Их кони мчались рядом.

— Лучше бы ты так и сделал… — Исаак залился слезами. — Лучше бы ты пронзил Ребекке грудь и она бы умерла, чем оказаться во власти подлого рыцаря!

— Замолчите все! — остановил их Локсли, которого горе несчастного отца не оставило равнодушным. — Ты, старик, и в самом деле так

беден? Говори честно и не прячь глаза! — Он посмотрел на притихшего Исаака. — Ну да ладно, торговаться здесь неуместно. Без золотых монет тебе все равно не вырвать из когтей Буагильбера свою дочь. Сделаем так: ты дашь нам такой же выкуп, как и аббат. Ту сотню, что составила бы мою долю, я тебе прощаю. И не теряй времени — отправляйся к замку Темплстоу. Там находится одна из орденских резиденций — храмовники зовут их прецепториями. Мои люди донесли, что подлый рыцарь намерен укрыть твою дочь именно там.

Исаак собрался было ответить, но тут аббат Эймер с важностью перебил его:

— Я имею влияние на сэра Бриана де Буагильбера. Если мы с тобой, еврей, поладим, я замолвлю словечко за тебя и твою дочь. Она весьма привлекательная девушка, что само по себе великий соблазн для мужчины любого звания. Но если ты согласишься пожертвовать святой Церкви часть своих сбережений…

Старик снова застонал, но Локсли отвел его в сторону и тихо шепнул:

— Исаак, довольно тебе недостойно хитрить и лгать. Что тебе дороже: Ребекка или сундуки с золотом, которые тебе все равно не унести на

тот свет? Мне ли не знать, что камень в саду твоего дома в Йорке скрывает потайной ход в некий сводчатый подвал… Мы ведь с тобой старые знакомые. Ты помнишь йомена по имени Дик Самострел, которого твоя дочь выкупила из тюрьмы? Он был болен, и твоя дочь ухаживала за ним, а когда Дик поправился, ты дал ему серебряную монету на дорогу. Эта монетка сберегла тебе целых пятьсот золотых, старик… Не бойся меня. Но помочь тебе я не смогу — на этот раз мои стрелы не достигнут цели. Сейчас я договорюсь с аббатом, а ты действуй смело и рассудительно.

— Помоги мне, Дик! — Старик побледнел. — Я сделаю все, что угодно, только бы спасти Ребекку!

Локсли обернулся к настоятелю.

— Аббат Эймер, — строго произнес он. — Я слышал, что ты хоть и не чужд земным радостям, но осуждаешь жестокость и распутство. Исаак из Йорка готов отблагодарить тебя, если ты поможешь ему убедить своего приятеля-храмовника отпустить девушку на волю.

— А кто мне поручится за еврея? — встрепенувшись, спросил аббат.

— Когда дело будет сделано, я сам присмотрю, чтобы все было по чести.

— Исаак! — окликнул Эймер, и старик тут же бросился к настоятелю.

Аббат достал из глубокого кармана своей изорванной одежды коробочку с письменными принадлежностями и монастырской печатью и торопливо набросал на листке пергамента короткое послание. Приложив печать, он пояснил:

— Возьми это письмо, Исаак. Оно послужит тебе охранной грамотой в Темплстоу и поможет добиться освобождения дочери. Но смотри, не обмани меня! И помни: Буагильбер не из тех, кто что-либо делает даром.

— Дело сделано, — подвел итог Локсли. — А теперь — в путь! Старика проводят мои ребята, а вы, преподобный отче, можете отправляться на все четыре стороны… Осталась лишь одна мелочь. Не прячьте ваше перо и пергамент, настоятель… Клятвы клятвами, а ты бы, Исаак, написал мне вексельную бумагу на уплату выкупа за себя и настоятеля Эймера.

Старик возвел глаза к небу, но возражать не стал. Когда все было готово, он сказал:

— А теперь прощай, Дик! Не могу назвать тебя добрым человеком, но и злым тебя не считаю.

С этими словами Исаак из Йорка покинул поляну в сопровождении лесных стрелков и уже не

слышал, как аббат отчаянно торгуется с разбойниками, чтобы ему вернули мула, сундуки и хотя бы часть драгоценных украшений…

Черный Рыцарь терпеливо ждал подходящего момента, чтобы, в свою очередь, проститься с разбойниками. Наконец к нему приблизился Локсли.

— Вижу, сэр, вам было любопытно увидеть, — сказал он, — как иной раз даже плохие деревья дают добрые плоды. А теперь настала пора и нам разойтись в разные стороны… Не знаю, что вы думаете обо мне; я тоже имею на ваш счет некоторые догадки, но, возможно, мы оба ошибаемся. Поэтому сохраним наши тайны…

— Думаю, мы еще встретимся, — рыцарь протянул охотнику руку, — и тогда нам больше не придется ничего скрывать друг от друга. Прощай, храбрый лесной житель!

Оба расстались добрыми приятелями. Черный Рыцарь, сев на своего могучего боевого коня, направил его на тропу, вьющуюся среди зарослей.

Глава 29

В тот же вечер принц Джон собрал в Йоркском замке верных ему норманнов, с помощью которых надеялся окончательно завладеть короной брата. Накануне Вальдемар Фиц-Урс, пустив в ход всю свою изворотливость, провел тайные переговоры с гостями, постаравшись убедить их открыто выступить против короля. Однако в отсутствие некоторых опытных рыцарей многие продолжали колебаться. Исаак из Йорка пропал, и денег, чтобы начать боевые действия, у принца не было, от де Браси и барона де Бефа не поступало никаких известий.

Наутро после падения замка Торкилстон по окрестностям Йорка поползли слухи. Фиц-Урсу пришлось-таки поведать принцу о планах де Браси напасть на караван Седрика Сакса, и Джон пришел в бешенство.

— Предатели! — гневно возмущался принц. — Покинуть меня в такой час, чтобы заняться разбоем на большой дороге!.. Что же теперь делать? Говорят, они все угодили в плен или даже перебиты чернью…

— Необходимые распоряжения мною уже отданы, ваша светлость, — отвечал советник. — Я велел трубить сбор всем отрядам, развернуть знамена и выступить к замку барона. И хоть у нас на счету каждый воин, я…

Фиц-Урс пораженно умолк — в покои принца, едва держась на ногах, ввалился Морис де Браси. Доспехи рыцаря были забрызганы кровью, измяты и грязны, а слова, которые он, едва сняв шлем, произнес, прозвучали как гром среди ясного неба:

— Барон де Беф погиб в развалинах своего замка, храмовник бежал в Темплстоу, но это не самое худшее из того, что могло случиться…

— Неужели саксы подняли бунт? — Принц торопливо шагнул к рыцарю.

— Ваш брат Ричард в Англии. Я говорил с ним…

Джон отпрянул, его лицо залила мертвенная бледность. Круто повернувшись, он покинул своих приближенных и направился к окну в дальнем конце зала, где и остановился в раздумье.

Фиц-Урс воскликнул:

— Вы бредите, сэр Морис!

— Едва ли. — Де Браси устало усмехнулся. — Я был пленником короля и видел его так же близко,

как сейчас вас.

— Если Ричард Львиное Сердце пленил тебя, сэр Морис, — спросил Фиц-Урс, — значит, он явился сюда во главе войска?

— Нет. Помните турнир в Ашби? Под забралом неизвестного Черного Рыцаря скрывался не кто иной, как Ричард, о чем никто и помыслить не мог… Затем король Англии присоединился к толпе разбойников и вместе с ними взял приступом замок Фрон де Бефа.

— В этом весь Ричард, — проговорил Фиц-Урс. — Странствующий рыцарь, всегда готовый к приключениям. Как ты намерен поступить, сэр Морис?

— Вернусь со своим отрядом во Фландрию. Может, найду жену и осяду в родовом замке, но, скорее всего, останусь воином. А ты, Вальдемар?

— Я еще не решил… Что-то не нравится мне выражение лица нашего господина.

Однако принц Джон уже вполне овладел собой. Отдав распоряжение слугам накрывать стол в трапезной зале замка, он окинул подозрительным взглядом вновь приблизившихся к нему де Браси и Фиц-Урса и потребовал в мельчайших подробностях описать события в Торкилстоне.

— Нам остается одно средство, — мрачно про-

изнес он, выслушав де Браси. — Мы должны настигнуть моего брата в пути. Рано или поздно Ричард покинет разбойников, а он, как известно, предпочитает странствовать в одиночку.

— Я на это не пойду, — твердо сказал де Браси. — Он взял меня в плен и даровал прощение. Я не могу и не хочу вредить законному королю Англии.

— Тебе никто и не велит! — Кривая улыбка исказила лицо принца. — С чего ты взял, что я собираюсь убить Ричарда? Заточение — вот лучший выход.

— Темница или могила — все равно. Я умываю руки. Он унизил меня, но сохранил мне жизнь. Это освобождает меня от присяги верности, однако я не подниму против него меча!

— Ты упрям, де Браси, — задумчиво произнес принц. — Это неплохо. Но ты со своей дружиной все еще у меня на службе, и поэтому я тебя не отпущу от себя. Сейчас можешь идти. Увидимся за трапезой… Вальдемар, — Джон повернулся к Фиц-Урсу, — придется тебе, мой преданный друг, взять на себя эту непростую задачу. Короля необходимо захватить живым, причем так, чтобы на его теле не осталось ни единой царапины. Хорошо ли ты меня понял?

Фиц-Урс пристально взглянул принцу в глаза и ответил с притворным вздохом:

— Ваше королевское высочество поручает мне сложное и опасное дело. Но из преданности вам я готов за него взяться. Могу ли я посвятить в детали Хью Бартона?

Принц кивнул, выражая согласие.

— Тогда позвольте мне немедленно покинуть вас, государь, и пожелайте мне удачи! — с поклоном молвил Фиц-Урс.

Едва за ним закрылась дверь, принц Джон кликнул слугу:

— Передай Хью Бартону, чтобы он сразу же после того, как встретится с сэром Фиц-Урсом, явился ко мне.

Некоторое время Джон нервно прохаживался в ожидании начальника своей тайной службы и старшего над лазутчиками — единственного человека, которому во всем доверял. Как только Бартон вошел в покой, принц торопливо спросил:

— Что понадобилось от тебя моему советнику?

— Подыскать ему парочку смелых парней, знающих северные леса и толковых следопытов.

— Есть у тебя такие?

— Будьте уверены, государь.

— Фиц-Урс отправляется с ними?

— Да, — подтвердил Бартон.

— Он упоминал о том, кого еще намерен взять с собой? — поинтересовался принц.

Прозвучали имена троицы известных головорезов — все родом из Северной Англии.

— Благодарю тебя, Бартон, — сказал принц Джон, знаком отпуская начальника тайной службы. — Нет, постой!.. Поручаю тебе установить строгий надзор за рыцарем Морисом де Браси. О каждом его шаге будешь докладывать мне лично. Глаз с него не спускай…

Глава 30

Исаак, вскарабкавшись на мула, подаренного ему Локсли, в сопровождении двух стрелков держал путь в Темплстоу — прецепторию ордена Храма. Эта обитель находилась на расстоянии дневного перехода от разрушенного замка Торкилстон, и старик надеялся добраться туда еще засветло.

Как только лесной край остался позади, старик, отпустив провожатых, принялся что было мочи погонять мула, однако в четырех милях от Темплстоу понял, что если не сделает передышку, то не сможет держаться в седле. Он едва дотащился до небольшого городка, где обитал его родич, раввин Натан, провел там ночь, а ранним утром продолжил путь.

Обитель храмовников стояла среди цветущих лугов и тучных пастбищ, которыми орден завладел благодаря усилиям прежнего настоятеля. Прецептория была надежно укреплена, о чем рыцари-монахи заботились в первую очередь. Двое вооруженных до зубов ратников в черных одеяниях охраняли подъемный мост. Другие, в такой

же одежде, мрачно стояли на страже у ворот. С недавних пор молчание стало одним из главных правил поведения братьев-храмовников. Новый магистр ордена Храма Лука Бомануар был противником прежних вольностей и твердой рукой насаждал строгость нравов и суровый аскетизм.

Лука Бомануар был человеком преклонных лет, с суровыми чертами сухого лица и темными глазами, еще не утратившими воинственного огня. В молодости он славился непримиримостью в борьбе с неверными и ратными подвигами. В то утро магистр находился в саду, разбитом во внутреннем дворе прецептории, где беседовал с одним из приближенных, прибывших вместе с ним с континента, — Конрадом Монт-Фитчетом. Им обоим было нелегко привыкнуть к Англии и ее обычаям; но более всего главу ордена возмущало то, как изменились нравы братьев. Храмовники то и дело нарушали устав, а многие из них стали больше походить на светских щеголей, чем на воинов Христовых. Охота, чревоугодие, пиры, где рекой льются вина, общение с дамами, вольные песни трубадуров и менестрелей, показная роскошь. По слухам, среди братьев многие были увлечены еретическими учениями…

Магистр умолк, заметив, что к ним спешит

один из стражников — молодой оруженосец, недавно вступивший в орден. Приблизившись с почтительным поклоном, юноша растерянно пролепетал:

— Благородный и преподобный отец! У ворот прецептории стоит старый еврей и просит встречи с братом Брианом де Буагильбером.

— Ты хорошо поступил, что прежде доложил об этом мне. Веди посетителя сюда… Нам следует знать обо всем, что происходит в Темплстоу, — добавил Бомануар, обратившись к своему собеседнику, едва оруженосец скрылся. — А в особенности о делах и намерениях брата Буагильбера…

— Говорят, это один из храбрейших и достойнейших рыцарей.

— А я слышал кое-что иное. Несмотря на то что поначалу де Буагильбер был бесстрашным и преданным борцом с неверными, сейчас он возглавляет ту немногочисленную часть ордена, которая тайно стремится изменить старые уставы, — нахмурившись, сказал магистр.

Вскоре в сопровождении оруженосца явился Исаак из Йорка. У старика подкашивались ноги — от раввина Натана он узнал, как строг и беспощаден новый глава ордена Храма. Бомануар

тростью указал расстояние, на котором должен был остановиться Исаак. Вместо этого старик рухнул на колени и поцеловал землю.

— Дамиан, — приказал магистр стражнику, — присмотри, чтобы никто из братьев не появлялся в саду, пока я не покину его… А ты, еврей, встань, но не смей приближаться! Говори коротко и только правду. Зачем тебе понадобился брат Буагильбер?

— У меня к нему письмо… — Исаак едва дышал от испуга и терялся в сомнениях, не зная, как поступить. Если сказать о дочери, захваченной в плен рыцарем Буагильбером, это могут объявить клеветой на орден. Но если промолчать, кто же тогда поможет Ребекке?

— Смею пояснить, ваше преподобие, — пролепетал старик, — это письмо получено мною от настоятеля Эймера из Жерво.

— Вот! — возмущенно воскликнул магистр, обращаясь к своему недавнему собеседнику. — Каковы нравы! Аббат не смог найти более достойного посланца к рыцарю Креста, чем нечестивый еврей! Подай сюда письмо, старик.

Взяв послание аббата, Лука Бомануар без колебаний сорвал печать, пробежал глазами по пергаменту и брезгливо передал его Конраду

Монт-Фитчету со словами:

— Читай вслух. Пусть еврей слышит. А затем следует учинить ему допрос.

«Эймер, настоятель цистерцианского монастыря Святой Марии в Жерво — сэру Бриану де Буагильберу, рыцарю храма Христа, с пожеланиями доброго здоровья и обильных даров Бахуса и Венеры. Мы узнали о несчастии, постигшем барона де Бефа, и о твоем бегстве с прекрасной жемчужиной, которая затмила твои очи, рыцарь. Рады твоему спасению от плена. Теперь у тебя в руках иудейская девушка, от чьих прелестей и умения врачевать я бы и сам не отказался. Однако просим тебя, будь осторожен, ибо мы узнали, что ваш новый магистр слишком суров и ничего не смыслит ни в черных очах, ни в высоком искусстве любви. Отец Ребекки, Исаак из Йорка, умоляет меня посодействовать в освобождении девицы. Вручаю ему сие послание и советую тебе, сэр Бриан, взять за еврейку достойный выкуп — старик отвалит за дочь столько монет, что на них можно будет купить полсотни иных прелестниц. Писано сие в час молитвы в вертепе разбойников, куда я попал случайно и пребываю в ожидании, пока Исаак заплатит за меня в благодарность за посредничество. Аббат Эймер».

— И что ты скажешь об этом, Конрад? — Магистр едва не задохнулся от возмущения. — Вертеп разбойников — самое подходящее место для такого аббата… Отвечай, Исаак из Йорка, твоя дочь действительно пленница Бриана де Буагильбера?

— Истинная правда! Ваша доблесть, лишь назовите сумму выкупа, и я готов сию минуту…

— Молчать! — Лука Бомануар грозно нахмурился. — Твоя дочь, как я понял, занимается врачеванием?

— Многие были благодарны Ребекке за исцеление недугов.

— Благодарны?! Сатанинские козни… Твоя дочь — колдунья.

— Нет, мой господин! — Исаак снова рухнул на колени. — Она лечит чудодейственным восточным бальзамом…

— Прекрати лгать, старик. Откуда еврейке знать тайны медицины?

— Премудрая знахарка Мириам обучила ее еще в детстве… — запинаясь, пробормотал Исаак.

— Вот оно! — с пылающим взором воскликнул магистр и осенил себя крестным знамением. — Истина открылась. Брат Конрад, помнишь ли ты злокозненную ведьму Мириам, сожженную у позорного столба? А ее ученица — здесь, в обители

рыцарей Храма… Ну что ж, я отучу ее колдовать. Отныне она больше не станет своим бесовским искусством очаровывать моих воинов! Гоните старика прочь и, если он вздумает вернуться, убейте, как собаку!

Дюжие стражники в черном вышвырнули бедного Исаака из прецептории, невзирая на все его мольбы и щедрые посулы. Старику ничего не оставалось, как, обливаясь слезами, вернуться в дом раввина. Прежде он опасался за честь дочери, теперь же страшная угроза нависла над ее жизнью…

Тем временем глава ордена велел призвать к себе прецептора-настоятеля обители Темплстоу.

Общину рыцарей-монахов на протяжении многих лет возглавлял родной брат барона Филиппа Мальвуазена — Альберт, который, как и его брат, слыл близким приятелем Бриана де Буагильбера. Лицемерный, развратный и бессовестный Альберт умело скрывал свои пороки под маской благочестия, и Лука Бомануар до сего дня был им доволен. Однако присутствие девушки, хоть и спрятанной в одном из дальних помещений орденского замка, тревожило его. Когда же прецептора спешно вызвали к магистру, последний мгновенно понял, что его самые худшие опасе-

ния подтвердились. Что ж, теперь Буагильберу несдобровать!

— Сэр прецептор, как вы могли допустить такое попрание орденского устава! — гневно вскричал Лука Бомануар. — В вашей обители скрывается женщина иудейского исповедания!..

Настоятель не отвечал, пряча глаза.

— Что вы молчите? — Магистр был вне себя. — К тому же она еще и колдунья!

Альберт Мальвуазен вздрогнул, однако с напускным недоумением переспросил:

— Колдунья? Да помилует нас всемогущий Бог!

— Именно так! — немного остыв, проговорил магистр. — Посмеете ли вы, сэр прецептор, отрицать, что дочь ростовщика Исаака из Йорка не ученица гнусной Мириам, изобличенной в ведьмовстве, и что она не осквернила нашу обитель?

— Пелена спала с моих очей благодаря вашей прозорливой мудрости, — быстро и горячо заговорил настоятель. — Теперь я уразумел, почему такой доблестный и богобоязненный рыцарь, как Бриан де Буагильбер, так увлекся ею… Я давно почуял неладное, но согласился впустить еврейку в обитель только ради того, чтобы помешать этой женщине творить колдовские чары и уберечь нашего брата от соблазна.

— Стало быть, брат Бриан не нарушал обетов?

— Клянусь святым крестом Господним!

— Эту ведьму необходимо без промедления предать суду и казни, как того требует высшая справедливость.

— Но английские законы… — Прецептор осекся, чтобы перевести дух. Магистр в своем рвении зашел слишком далеко и явно превысил данные ему полномочия.

— Я знаю здешние законы, — поморщился Бомануар. — Тем не менее, сэр прецептор, всякий здешний барон имеет право, обнаружив ведьму в своих владениях, учинить над ней суд. Мы поступим так же. Приготовьте большой зал и немедленно разыщите свидетелей колдовского врачевания этой Ребекки!

Первым, к кому поспешил прецептор, был Бриан де Буагильбер, который в бешенстве метался по своей келье, потому что Ребекка вновь отказалась слушать его речи.

— Должно быть, дьявол вселился в вас обоих! — воскликнул Альберт Мальвуазен. — Я только что едва спас тебя от магистра Луки. Эта еврейка и в самом деле тебя околдовала! — И прецептор поведал рыцарю о своем разговоре с Бомануаром.

— Клянусь Богом, — отчаянно вскричал хра-

мовник, — я этого не допущу!

— Теперь уже ничего нельзя сделать, — возразил настоятель. — Старый сумасброд вбил себе в голову, что лишь казнь девушки может послужить очистительной жертвой за грехи и пороки всех членов нашего ордена… Судилище начнется в полночь.

— Я немедленно отправлюсь к этому ханже и признаюсь в своей любви к Ребекке.

— Воля твоя! Откройся, сэр Бриан. И это послужит лишним подтверждением того, что Ребекка колдунья. А на твою голову падет несмываемый позор. Рыцарство отвернется от тебя, ты утратишь свое положение… А как же твои честолюбивые планы? Все это стоит дороже даже дюжины красоток.

— Может быть, ты и прав… — пробормотал Буагильбер. — Оставь меня, Альберт, у меня тяжело на сердце, я хочу побыть один. Дорого же обошлась мне эта женщина, и если она снова меня отвергнет…

Измученным, невидящим взглядом храмовник проводил удаляющуюся фигуру настоятеля.

Глава 31

Ровно в полночь тяжелые удары колокола разбудили спящую Ребекку. Она услышала шаги на потайной лестнице и едва успела одеться и прикрыть лицо покрывалом. Однако это был не Буагильбер, чьих посещений девушка страшилась больше всего. В сопровождении одетых в черное стражников в ее келью вошли настоятель прецептории Альберт Мальвуазен и брат Конрад Монт-Фитчет.

— Следуй за нами, — приказал настоятель.

— Куда вы меня ведете? — спросила Ребекка.

— Женщина, — усмехнулся брат Конрад, — твое дело — молчать и повиноваться. Впрочем, ты должна знать, что тебя ведут на судилище, учиненное великим магистром святого ордена Храма, где тебе придется по справедливости ответить за все свои преступления.

— Охотно последую за вами! — воскликнула Ребекка. — Титул справедливого судьи дает мне надежду…

Спустившись по лестнице, процессия миновала длинную галерею и через широкие двери

вступила в огромный зал, полный оруженосцев и простого люда. Пробираясь через толпу, девушка почувствовала мимолетное прикосновение к своей руке — и тут же зажала в кулачке крохотный кусочек пергамента. То, что здесь у нее есть тайный союзник, придало Ребекке мужества.

На возвышении, за длинным столом, расположился трибунал. Магистр ордена храмовников, облаченный в белую мантию, восседал в резном кресле с высокой спинкой и сжимал в руках посох, увенчанный крестом. Позади магистра разместились рядовые члены ордена, а у стены Ребекка увидела бритые макушки писцов, готовых вести протоколы. Зал был оцеплен стражей, и едва Лука Бомануар подал неприметный знак, двери захлопнулись, наступила зловещая тишина.

Заседание открылось пением псалма. Когда сотни мужских голосов умолкли, магистр внушительно произнес:

— Братья! И вы, дети мои, друзья ордена и простые миряне! Извещаю, что не по недостатку личной власти я собрал вас на это судилище, а для соблюдения закона. Вам вменяется в обязанность выслушать мнение братьев, однако с обвиняемой мы поступим по своему разумению. Ибо, когда

волк забирается в хлев и уносит овцу, добрый пастырь созывает помощников, чтобы они помогли уничтожить злодея. Посему начинаем суд над девицей по имени Ребекка, дочерью Исаака из Йорка, обвиняемой в злостном колдовстве. Своими богопротивными чарами сия девица помутила разум не простого земледельца, а нашего собрата по ордену — благородного рыцаря Бриана де Буагильбера… — Гул голосов прокатился по залу. Магистр, горделиво вскинув голову, продолжал: — Этот храбрый рыцарь, известный своими подвигами в Святой земле, внезапно изменил уставу нашего ордена и, вопреки принесенным обетам, связался с девицей иудейского происхождения, известной как ведьма-врачевательница… Дошло до того, что он, скрывая иудейку от посторонних глаз, доставил ее в святую обитель. Чем можно объяснить подобный поступок нашего брата, как не бесовским наваждением? Если бы рыцарь против своей воли не оказался во власти сатаны, то был бы наказан со всей строгостью. Но наша цель — не слепо карать, а спасти нашего брата от вечной погибели! Посему призываю свидетельствовать в пользу моего обвинения. Итак, я обвиняю девицу Ребекку в том, что она, воспользовавшись гнусным колдовством, умыш-

ленно ввергла сэра Бриана де Буагильбера в пучину греха.

К столу был вызван прецептор Альберт Мальвуазен, который для начала объявил о своем раскаянии, — ведь это он допустил злокозненную девицу в обитель. Однако, добавил настоятель, поведение брата Бриана показалось ему настолько подозрительным и неестественным, что он, опасаясь худшего, не стал перечить ему. Мальвуазена внимательно выслушали и отпустили, наложив на него послушание в течение шести недель — строгий пост и усердную молитву.

Затем выслушали свидетелей, нанятых Мальвуазеном за плату. Однако они путались, сбивались и несли такую чепуху о ведьмовстве Ребекки, что даже магистр поморщился и постарался как можно быстрее их отпустить. Гораздо внимательнее он отнесся к сообщениям слуг рыцаря о штурме и защите замка барона де Бефа, обильно приправленным их собственными фантазиями. С их слов выходило, что Бриан де Буагильбер совершил, спасая Ребекку из горящей крепости, немыслимые подвиги и не раз подвергал свою жизнь смертельной опасности. Якобы собственными глазами они видели, как девушка, вскочив на парапет башни, обернулась сначала белой, затем

черной птицей, а позже вновь приняла человеческий облик, чтобы и впредь мучить рыцаря, чей нрав после этого изменился до неузнаваемости.

Все глаза обратились к Буагильберу. Он не занял положенного ему по рангу места, а стал у стены, чтобы видеть лицо Ребекки. Брат Конрад Монт-Фитчет предложил выслушать рыцаря. Пусть орденский брат сам выскажет свое мнение о столь серьезных обвинениях и о своей злосчастной страсти к колдунье.

— Сэр Бриан, — строго произнес магистр, — отвечайте на вопрос. Суд требует!

Храмовник повернул к Луке Бомануару изможденное темное лицо, но продолжал безмолвствовать.

— Им овладел демон немоты… Отыди, сатана! — вскричал магистр.

Рыцарь с огромным усилием разлепил губы и, едва сдерживая ярость, проговорил:

— Рыцарь Бриан де Буагильбер не будет отвечать на нелепые и лживые обвинения. Но если здесь будет затронута его честь, он защитит ее своим мечом, который немало послужил славе ордена Храма!

— Мы прощаем тебя, брат, — поспешно проговорил магистр. — Мы видим, что слова твои

идут не от тебя самого, а лишь от колдовского наущения… Пусть те, кому еще что-либо известно о кознях этой преступной женщины, выступят со свидетельствами.

Из толпы вытолкнули нищего крестьянина-сакса, который еле-еле стоял, опираясь на костыли. Запинаясь и путаясь в словах, он поведал, что работал столяром у иудея Исаака, а затем внезапно тяжко захворал и едва не умер. При этом калека дрожащей рукой протянул судьям баночку со снадобьем, которым, словно по волшебству, был исцелен Ребеккой. Магистр осенил себя крестным знамением и призвал свидетельствовать лекарей.

Двое врачевателей, монах и цирюльник, выступили вперед и, внимательно изучив бальзам, заявили, что состав этой мази им совершенно неизвестен и они не могут утверждать, что врачевание таким снадобьем приносит пользу.

Магистр торжествующим взором окинул зал.

— Открой лицо, ведьма! — приказал он Ребекке, которую усадили на грубо сколоченную скамью.

— Не сниму покрывала, если будешь звать меня колдуньей, — тихо, но внятно произнесла девушка.

Бомануар махнул страже, но в то мгновение,

когда черные фигуры обступили Ребекку, чтобы сорвать с ее лица шелковую ткань, девушка вскочила, сделала шаг вперед, и покрывало скользнуло к ее ногам. Она горделиво выпрямилась и обвела блестящими, темными как ночь глазами собравшихся в зале. Таинственно сверкнули перстни на смуглых подвижных пальцах, на лице застыла улыбка, когда Ребекка что-то пробормотала на своем языке. Перед судьями и зрителями стояла настоящая колдунья, чья красота могла свести с ума не одного храмовника. Магистр, смутившись, откашлялся и в полной тишине произнес обвинительное слово, напоследок спросив Ребекку, что она может сказать в свою защиту перед тем, как будет вынесен приговор.

— Мне не в чем оправдываться. — Девушка побледнела, однако быстро справилась с собой. — Врачевание не противоречит ни вашей, ни нашей вере, а умение лечить — Божий дар. Я испытывала радость, когда больной возвращался к жизни, и не считаю помощь ближнему преступлением. — Ребекка повернула голову и в упор взглянула на Буагильбера. — Разве все ваши слова о колдовстве не ложь? Я не виню тебя, Бриан де Буагильбер, хотя ты причинил мне и моему отцу немало горя. Но рассудите сами — нужно

ли внушать человеку безумие, если он сам не желает подчинить своей воле дурные страсти? Скажи, рыцарь, если ты мужчина, правду ли ты слышал в этом зале?!

— Пусть ответит, — раздались возгласы среди братьев-храмовников. Толпа загудела и заволновалась.

— Отвечай немедленно, брат Бриан! — Магистр вперил в Буагильбера горящий взгляд.

Лицо рыцаря исказилось судорогой. Некоторое время он молчал, пока наконец не пробормотал, обращаясь к Ребекке:

— В руке у тебя… Боже, спаси нас… Письмена… Письмена…

— Вот вам неоспоримое свидетельство того, что сей брат околдован! — Магистр поднял жезл и указал им на храмовника. — Он не способен даже свидетельствовать в пользу обвиняемой.

Однако Ребекка все поняла. Опустив голову, она пробежала взглядом записку, скомкала ее и сунула в перчатку. На пергаменте арабскими буквами было начертано: «Проси защитника».

— Преступная девица! — воскликнул Лука Бомануар и вновь повернулся к Ребекке: — Ты сама убедилась, что свидетельствовать в твою пользу больше некому. Признай свою вину!

— Все, что говорилось здесь, — ложь. Я объявляю себя невиновной и оклеветанной… — Голос Ребекки креп с каждым словом. — Я хорошо знаю законы этой страны и обращаюсь к Божьему суду. Пусть мой защитник подтвердит мою правоту!

— Кто же согласится предоставить защиту иудейке, да еще и колдунье?

— Бог пошлет мне защитника! — С этими словами Ребекка сняла вышитую шелковую перчатку с правой руки и швырнула ее к ногам магистра. — Я требую назначения судебного поединка. Вот мой вызов!

Глава 32

В зале поднялся невероятный шум. Бомануар изумленно взглянул на узкую перчатку у своих ног, а затем перевел взгляд на Ребекку. К нему приблизился Конрад Монт-Фитчет и, наклонившись, что-то шепнул на ухо.

— Подайте мне ее перчатку! — проговорил Бомануар. — Мне сказали, что здесь ты, Ребекка, имеешь право на защиту. — Магистр смял в руке тонкую узорчатую ткань. — Как непрочна и мала твоя перчатка по сравнению с железной рукавицей… Что ж, пусть Господь укажет нам истину! Согласно правилам суда Божьего Ребекка, дочь Исаака из Йорка, бросила вызов нашему могущественному ордену. Кому, братья, мы поручим защищать его честь?

— Бриану де Буагильберу! — раздались голоса храмовников.

— Решено! — Магистр поднялся и трижды ударил посохом в пол. — Назначаем представителем нашей стороны в предстоящем поединке брата Буагильбера, а девице Ребекке даем два дня, чтобы она нашла себе защитника. Осталось

назначить место, подходящее для битвы…

Альберт Мальвуазен, до этой минуты стоявший рядом с Буагильбером и что-то доказывавший рыцарю вполголоса, тут же направился к магистру.

— В чем дело? Наш храбрый рыцарь отказывается? — с усмешкой спросил Лука Бомануар.

— Нет, — ответил прецептор, — брат Бриан готов защищать честь ордена Храма. По нашему мнению, местом для поединка следует назначить ристалище святого Георгия.

— Хорошо, — произнес магистр. — Ребекка, твой защитник обязан прибыть на ристалище не позднее утра третьего дня начиная с этой минуты. Если это условие не будет выполнено или твой защитник потерпит поражение в судебном поединке, тебя сожгут как колдунью в полном согласии с приговором суда. Аминь! Писцы, огласите вердикт трибунала во всеуслышание!

Ребекка в полном спокойствии выслушала приговор и лишь после этого напомнила магистру, что для поисков защитника у нее есть право связаться с близкими людьми. Ей ответили, что, прежде чем она отправится в тюремную келью, пусть изберет среди присутствующих в зале посыльного, который получит к ней свободный доступ и выполнит поручение. Девушка обвела

глазами толпу, однако ни один человек не изъявил желания. Несколько минут она с тревогой ждала отклика на свою просьбу, пока наконец не подал голос сакс на костылях.

— Хоть я и калека, — сказал он, — но еще жив благодаря твоей доброте и милосердию!

Ребекке подали пергамент и перо, и она торопливо написала несколько строк на еврейском языке.

— Это письмо моему отцу, — сказала она, подавая саксу записку и несколько золотых монет. — Найми лошадь и быстроногого посыльного, и пусть он мчится во весь опор к Исааку из Йорка…

Случай рассудил иначе. Едва калека выбрался из прецептории, размышляя о том, как исполнить поручение девушки, в четверти мили от гнезда храмовников он поравнялся с двумя всадниками, которые при виде его остановили своих мулов.

— Что там происходит? — с тревогой спросил один из них.

Сакс тотчас узнал отца девушки и раввина из соседнего городка и тут же протянул Исааку письмо Ребекки. Тот прочитал записку, покачнулся и без чувств рухнул со своего мула на землю. Раввин бросился поднимать несчастного род-

ственника. Однако старик и сам спустя короткое время пришел в себя, сорвал шапку и, посыпая голову дорожной пылью, возопил:

— Мое бедное дитя! Смерть уже покрыла тебя своей черной тенью…

— Не говори так! — воскликнул раввин. — Если ты держишь в руках ее письмо, значит, Ребекка жива! Дай сюда. — Он вырвал из трясущихся пальцев Исаака записку и прочитал: «Отец мой, я приговорена к сожжению на костре за колдовство. Найди, если сможешь, сильного воина, который сразился бы за меня мечом и копьем по обычаю рыцарей на ристалище святого Георгия близ Темплстоу. Бой состоится не позднее утра третьего дня. Испробуй все возможное, но прежде обратись к сыну Седрика Ротервудского, Уилфреду, рыцарю Айвенго. И хоть он еще наверняка не окреп после полученных ран, быть может, Айвенго согласится защитить меня в судебном поединке. Скажи ему, что Ребекка оклеветана и неповинна в тех грехах, в которых ее обвиняют. Да пребудут с тобой мир и благословение Божье, возлюбленный отец мой!»

Во время чтения письма на лице старика блуждало задумчивое выражение. Наконец, взглянув на раввина, Исаак произнес:

— Ступай-ка ты, ребе Натан, в Йорк и от моего имени и кошелька поищи охотников сразиться за мою дочь. А я отправлюсь дальше, чтобы поговорить с Уилфредом Айвенго. Он, может, еще и не оправился, но во всяком случае выслушает меня… Прощай! Давай обнимемся!

Родичи со слезами обнялись, а калека-сакс еще долго стоял на дороге, глядя вслед разъехавшимся в разные стороны всадникам…

Под вечер в келье Ребекки раздался тихий стук.

— Войди, — спокойно произнесла девушка, — если ты друг. А врагу не в моей власти это запретить.

Когда на пороге появился Бриан де Буагильбер, она вздрогнула и взглянула на храмовника с упреком.

— Друг я тебе или недруг, зависит от того, чем кончится наша встреча, — сказал Буагильбер. — Тебе нечего бояться, Ребекка.

— Ты так считаешь, рыцарь? Теперь я не боюсь даже смерти…

— Я это видел, — усмехнулся храмовник. — Сядем. Мне нужно с тобой поговорить.

— О чем мне говорить с тобой? — возмутилась Ребекка, но все же присела, потому что ноги ее

предательски не слушались. — О твоих безудержных страстях, которые стали причиной всех моих бедствий? О твоих честолюбивых мечтах или о том, что ты смолчал на судилище? Или о награде для тебя, ценой которой станет мой позор?

— Я вижу, Ребекка, ты продолжаешь считать меня виновником тех страданий, от которых я хотел тебя избавить.

— Великий Боже! — воскликнула девушка. — Мы говорим на разных языках. Ты ведь знал, что я невиновна, но ни единым жестом не вступился за меня…

— В твоих словах горькая правда. — Буагильбер вскочил и начал кружить по крохотной келье. — Но ты ведь помнишь ту записку, которую тебе тайком сунули в руку, когда ты шла на судилище? — Храмовник остановился. — Это я, я ее написал…

— Короткая передышка перед костром, не более того, — возразила Ребекка. — Какая польза от клочка пергамента?

— Но ты ведь последовала моему совету! — Бриан де Буагильбер опустился на колени перед замершей девушкой и, взяв ее руки в свои, зашептал, словно в бреду: — Но это еще не все! Если бы не мои собратья, избравшие меня от-

стаивать честь ордена, я бы сражался за тебя, милая Ребекка! Я бы представлял на суде Божьем твою сторону… Вот почему я написал: требуй защитника!

— Это, сэр рыцарь, пустое тщеславие. — Ребекка вырвала свои ладони из рук Буагильбера и взглядом велела ему подняться с колен. — Вы уже приняли мою перчатку…

— Если я не явлюсь на бой, то потеряю честь… Но не родился еще тот воин, которому дано победить меня! — уже не сдерживаясь, вскричал Буагильбер. — И ты сгоришь на костре, Ребекка… Но все равно помни: до последней минуты я надеялся, что именно мне доведется защитить тебя и что ты отплатишь мне за это своей любовью. Черт бы побрал эту прецепторию и ее настоятеля, едва удержавшего меня, когда я сгорал от желания сокрушить там все и всех…

— Вот теперь я узнаю тебя, храмовник! Без прикрас и лицемерных слов. — Ребекка поднялась и бесстрашно взглянула в его надменное лицо. — Тебе не нужно ничем жертвовать: ни твоим положением в ордене, ни жизнью, ни честью. Я никогда не полюблю тебя и не приму этой жертвы! Ты не знаешь женского сердца, Буагильбер. Оно гораздо тверже и мужественнее

твоего… Прощай! У меня, должно быть, осталось мало времени, и я хочу прожить его без тебя. Уходи отсюда!

— Итак, мы расстаемся навсегда, — проговорил де Буагильбер после краткого молчания. — И сейчас я спрашиваю Господа: зачем он позволил нам встретиться? Магистр оказался прав — ты и в самом деле колдунья… И теперь я прошу только об одном: прости меня, если сможешь, дорогая Ребекка.

Не услышав ни единого звука в ответ, храмовник покинул келью.

Прецептор Альберт Мальвуазен с нетерпением поджидал его в соседнем покое.

— Почему так долго? — с возмущением спросил он рыцаря. — Я просто извелся. Если бы магистр или Конрад, его шпион, явились сюда, дорого бы нам пришлось заплатить за твою слабость!.. Но что это с тобой, Бриан? Ты едва держишься на ногах, бледен как полотно… Не болен ли ты?!

— Я здоров, но эта женщина превратила меня в жалкую тряпку. Я готов упасть в ноги магистру, сбежать отсюда, убить себя, отказаться от поединка — все, что угодно, только бы не потерять ее окончательно.

— Не сходи с ума, сэр рыцарь! — Настоятель

схватил Буагильбера за плечи и встряхнул. — Такими поступками ты не спасешь девушку, а себя погубишь. Магистр отошлет тебя в такую глушь, что ни одна живая душа о тебе и не вспомнит. Кроме того, даже из прецептории тебе не выйти — охрана усилена вдесятеро, и у нее приказ никого не выпускать. Тебе придется участвовать в поединке, иначе ты навеки опозоришь свое имя.

— А если никто не явится защищать Ребекку?

— Тем лучше, — примирительно сказал Мальвуазен. — Не ты будешь повинен в ее смерти, а магистр, затеявший проклятое судилище…

— Что ж, будь что будет. Она меня отвергла и унизила, и я не стану жертвовать ради этого честью. Я выйду на ристалище…

Настоятель проводил Бриана де Буагильбера пристальным взглядом и, как только за рыцарем захлопнулась дверь, тяжело вздохнул. Ему было жаль старого товарища, однако ситуация обязывала прецептора не только присматривать за храмовником, но и заботиться о собственном благополучии.

Глава 33

Оставив позади заветный дуб и стоянку разбойников, Черный Рыцарь направился через лес к бедному монастырю, находившемуся по соседству. Маленькое аббатство это носило имя Святого Ботольфа. Именно туда под надзором Гурта и неунывающего шута из пылающего замка барона де Бефа перенесли раненого Уилфреда Айвенго.

После продолжительной беседы между гостем и настоятелем в разные концы Англии из аббатства помчались гонцы, а на следующее утро Черный Рыцарь уже готовился продолжить путь. В проводники он решил взять Вамбу.

— Мы с тобой вскоре увидимся в Конингсбурге, — сказал он, входя в комнату Айвенго в сопровождении шута, — в замке, где твой отец Седрик будет присутствовать на похоронах благородного Ательстана. Туда явится вся ваша саксонская родня, сэр Уилфред, и я познакомлюсь с нею поближе. Я обязываю тебя явиться туда, так как намерен примирить вас с отцом раз и навсегда…

Айвенго вызвался было сопровождать рыцаря, однако получил категорический отказ.

— Оставайся пока в монастыре и набирайся сил. У меня отличный спутник. Вамба, в зависимости от обстоятельств, может не только развлечь меня, но и принять исповедь. Он ведь у нас одновременно и шут, и монах. — Черный Рыцарь усмехнулся.

— Я с превеликой охотой отправляюсь с вами, господин, — тут же отозвался Вамба. — На поминках всегда весело и на одного выпивоху выходит меньше, чем обычно. Я имею в виду покойника…

— Что-то рано ты начал веселиться, — остановил шута рыцарь. — А не то я верну тебя твоему господину.

— Ни в коем случае, сэр! Вашей храбрости будет недоставать моего остроумия, а моей глупости — вашей силы и мужества.

— Ну-ка, растолкуй нам, умник, эту загадку!

— Видите ли, благородные рыцари, — хитро прищурившись, молвил Вамба, — шутка иной раз лучше всякого оружия. Наблюдательный и ловкий плут сразу подмечает, каким глазом его сосед хуже видит. И всегда знает, какой стороны держаться, когда закипят страсти. Храбрость

же — дюжий малый, что гребет веслом к берегу в бурном море, спасая себя и своего спутника. Поэтому, когда ясная погода, я с радостью следую за своим добрым хозяином Седриком. В ненастье же надеюсь, что вы, доблестный сэр рыцарь, спрячете меня за своим щитом.

— Боюсь, что проводник ваш, сэр, уж слишком болтлив, — проговорил Айвенго. — Но он знает каждую тропинку и просеку в этих лесах так же хорошо, как бывалый охотник, а за его верность я ручаюсь.

— Пусть веселится, — сказал Черный Рыцарь. — У меня нет причин на него жаловаться… А теперь прощай, Уилфред. И еще раз прошу тебя не пускаться в дорогу раньше завтрашнего дня…

Черный Рыцарь простился с настоятелем, сел на коня и покинул монастырь в сопровождении Вамбы. Айвенго, стоя у окна, задумчиво смотрел им вслед до тех пор, пока всадники не скрылись в чаще…

Вскоре после ранней мессы Уилфред нетерпеливо попросил одного из послушников позвать к себе настоятеля. Старик аббат в испуге тут же поспешил к юноше, опасаясь, что раненому рыцарю неможется.

— Мне гораздо лучше, — проговорил Айвен-

го, — мои раны заживают быстрее, чем я ожидал, и, пожалуй, пора мне облачаться в доспехи… Отче, я не могу больше пребывать в бездействии!

— Удержи вас Господь от такого шага! — воскликнул аббат. — Я никогда не прощу себя, если сын Седрика Сакса покинет мою обитель до полного исцеления!

— Благодарю вас, святой отец, за гостеприимство, однако я почти здоров, — молвил Айвенго. — К тому же я чувствую, что должен покинуть обитель.

— Чем же вызван такой внезапный отъезд?

— Не случалось ли вам, — спросил рыцарь, — испытывать необъяснимую тревогу — такую, что просто не находишь места от предчувствия беды? — Айвенго вопросительно взглянул на старика аббата. — Может быть, это ангелы-хранители посылают нам знак, предупреждая об опасности?

— Не стану отрицать, — ответил настоятель, осенив себя крестным знамением, — что подобное случается. Однако чудится мне, что, даже если правда, сэр Уилфред, на вашей стороне, вы настолько еще слабы, что вряд ли сможете предотвратить беду.

— Ошибаетесь, святой отец, — возразил Ай-

венго, — для битвы мне хватит сил… Но если и не придется обнажить меч, разве я не могу быть полезен в ином? Я должен поспешить к отцу. Саксы не любят норманнов; они опечалены гибелью Ательстана, а головы, затуманенные вином, толкают на необдуманные поступки. Появись на похоронах Ательстана кто-либо из их заклятых врагов — стычки не миновать. В Седрике я уверен, отец умеет владеть собой, чего не скажешь о прочих наших сородичах… Все, что мне нужно, — это послушная лошадь, у которой шаг был бы ровнее, чем у моего боевого коня.

Аббат, поразмыслив, согласился с доводами юноши.

— Я дам вам Малкина, это мой собственный конь. Он послушен, как цирковая кобыла, танцующая среди разложенных на арене яиц. — Старый монах улыбнулся. — Мне даже случалось сочинять проповеди, не сходя с седла.

— Прошу вас, святой отец, немедленно прикажите оседлать вашего коня, — воодушевился рыцарь. — И пошлите Гурта за моим оружием и доспехами!

— Сэр Айвенго, я должен вас предупредить, что Малкин так же непривычен к рыцарскому облачению, как и его хозяин. Не знаю, как он

себя поведет, ощутив на себе тяжесть стальных доспехов…

Тем временем в покой ввалился Гурт и, не обращая внимания на аббата, взялся крепить позолоченные шпоры к сапогам Уилфреда. Заметив это, старик настоятель встревожился:

— Мой Малкин не терпит шпор! Может быть, вам, сэр рыцарь, лучше дождаться, пока перекуют вашего боевого коня? Я сейчас же отправлю отца эконома к кузнецу…

— Благодарю, святой отец, однако время не ждет, а кузнец что-то замешкался, — нетерпеливо проговорил Айвенго. — К тому же ваш конь уже у ворот. Прощайте же и примите мою глубокую благодарность!

Юноша поспешно бросился к лестнице, миновал монастырский дворик и вскочил на коня так, словно хотел поскорее избавиться от докучливого настоятеля, неотступно семенившего за ним, несмотря на преклонный возраст и тучность. Вдогонку юноше понеслись жалобные мольбы аббата поберечь его любимую лошадь, но Уилфред уже не слышал их. Велев своему оруженосцу — Гурту успели присвоить это почетное звание — держаться рядом, он пришпорил Малкина и пустился вслед за Черным Рыцарем…

Растерянный настоятель постоял у распахнутых ворот обители, но вскоре совершенно успокоился. «Пресвятая Дева, — бормотал он, спеша в трапезную, где, нетерпеливо поглядывая на вяленую треску и пиво, ожидали монахи, — как горяча молодость! Пусть же и мой Малкин послужит правому делу…»

Вздохнув, он уселся за стол и с важным видом прочитал молитву перед трапезой. Затем, увлекшись, настоятель начал было туманно рассуждать о том, что теперь для монастыря наступают другие времена и что он вправе ожидать богатых даров и подношений, но треска была сухой и соленой, а пиво достаточно крепким, и вскоре монахи перестали внимать его речам.

Глава 34

Между тем Черный Рыцарь и его проводник пробирались по узким лесным тропам. Рыцарь пребывал в отличном расположении духа — он то и дело напевал вполголоса любовные песенки трубадуров или перебрасывался шутками со своим спутником, который никогда не лез за словом в карман.

Рыцарь привычно и умело правил конем. Он ловко сидел в седле, несмотря на мощный торс и могучие плечи. Забрало на шлеме рыцаря сейчас было поднято, чтобы легче дышалось, и под ним виднелись загорелые скулы и сверкающие голубые глаза, полные беспечной веселости и одновременно настороженные, какие бывают у человека, всегда готового к неожиданностям.

Вамба трусил рядом на мохноногой лошадке в своем обычном пестром наряде, но события последних дней заставили его сменить шутовской деревянный меч на острый охотничий нож и небольшой продолговатый щит, который сейчас был приторочен к его седлу. При штурме замка барона де Бефа выяснилось, что Вамба

отлично владеет любым оружием — от секиры до рыцарского меча. Правда, его привычное занятие — потешать хозяина — наложило свой отпечаток на манеру шута сражаться. В бою он был раздражителен, нетерпелив, а главное, невероятно криклив. Вот и теперь, сидя в седле, шут беспрерывно ерзал, без конца меняя положение своего тощего, словно изломанного тела, — то свешивал обе ноги на одну сторону, то устраивался лицом к хвосту. Вскоре это так надоело его лошаденке, что она взбрыкнула и Вамба во весь рост растянулся на траве, чем немало позабавил рыцаря. Шут некоторое время притворно стонал, но вскоре позабыл о происшествии и затянул бравую саксонскую песню.

— Хотел бы я, чтобы Локсли тоже послушал твою песенку, — заметил Черный Рыцарь, когда Вамба умолк.

— А я бы не прочь познакомиться с тем инструментом, что болтается у вас на перевязи, сэр. — Шут кивнул на охотничий рог.

— Это всего лишь знак дружеского расположения, — усмехнувшись, пояснил рыцарь. — Надеюсь, он нам не понадобится в пути. Локсли заверил меня, что стоит только протрубить условный сигнал — и тут же к нам на выручку

поспешат его лесные стрелки́.

— Не приведи Господь в него трубить, сказал бы я, если бы не знал, что благодаря этому подарку нам с вами везде открыта дорога. — Вамба искоса взглянул на своего спутника.

— О чем ты толкуешь? Думаешь, если бы при нас не было подарка Локсли, на нас бы напали?

— Давайте-ка, сэр, помолчим на этот счет. — Вамба огляделся по сторонам, а затем с лукавой усмешкой прищурился. — Не только у стен есть уши — у деревьев они тоже имеются… А вот можешь ли ты растолковать мне, благородный рыцарь, когда лучше иметь пустую кружку, а не полную и кошелек тощим, а не туго набитым?

— Да никогда, я полагаю, — улыбнулся рыцарь.

— Э, сэр, неважный ответ! Тогда я скажу: лучше опустошить кружку перед тем, как по кругу передать ее саксу, и лучше оставить деньги дома, когда отправляешься в лес.

— Значит, ты считаешь наших лесных приятелей обычными грабителями? — спросил рыцарь.

— Вы не поняли меня, милостивый господин, — важно ответил Вамба. — Быть может, отбирая кошелек, они освобождают путника от того, что составляет причину всех зол, поэтому я и не стану называть бранным словом тех, кто оказывает

подобные услуги. И все-таки было бы лучше, чтобы моя сума и кошелек лежали где-нибудь под замком, ведь я избавил бы добрых людей от лишних хлопот…

— Что ни говори, Вамба, — заметил рыцарь, — а лесные стрелки в Торкилстоне сослужили Седрику Саксу хорошую службу.

— Было дело, — согласился шут. — Однако таковы условия их договора с Господом.

— Ну-ка, растолкуй мне, плут, что это означает?

— Проще простого! — Вамба снова огляделся и понизил голос: — Двойной счет!

— Что ты имеешь в виду, умник? — Всадник в черных доспехах придержал коня и поравнялся с Вамбой.

— Экий вы, право, недогадливый, сэр рыцарь! Горазды только мечом махать. — Шут досадливо поморщился. — Эти лесные молодцы, чтобы ублажить того, кто сидит там, наверху, на каждое непохвальное дело совершают одно доброе. Вот и выходит двойной счет.

— А при чем тут, — удивился рыцарь, — договор с Господом?

— Подадут разбойники, к примеру, нищему монаху серебряную монету, а у жирного аббата

отнимут сотню золотых. Помогут бедной вдове, а там, глядишь, в лесу приголубят пригожую девицу…

— А как различить, где добро, а где зло?

— Вот и вы поумнели, ваше храбрейшество! Славную шутку отмочили! — воскликнул Вамба. — Наши лесные приятели иной раз йомену дом построят, а соседский сожгут, выручат вора из тюрьмы, а честного судью на дубе вздернут… На одного живого сакса приходится один зарезанный норманн. Вот вам и весь счет… Что уж тут толковать, разбойники — добрые люди, но выгоднее с ними встречаться, когда на душе у них поднакопилось грехов!

— Это еще почему?

— Да потому, что в такую пору у них совесть просыпается. А вот когда лесная братия с небесами в ладу — держись от них подальше. После Торкилстона несладко придется тому путнику, что попадет им под руку. — Шут неожиданно наклонился к рыцарю и вполголоса проговорил: — А все-таки водятся тут и такие звери, что много опаснее наших разбойников.

— Что-то я в здешних лесах ни вепрей, ни медведей не встречал…

— Зато здесь шляется целая свора вооруженных

приспешников принца Джона, — сказал Вамба. — В наше время полдюжины этаких молодцов сто́ит целой стаи лютых волков. Им, видно, не терпится поквитаться за барона де Бефа, вот они и рыщут по лесам… А что бы вы сделали, сэр рыцарь, попадись вам на дороге пара-тройка таких удальцов?

— Пригвоздил бы копьем к ясеню!

— Ну а если четверо?

— И четверых угостил бы тем же, — усмехнулся рыцарь.

— А шестеро? Неужто у вас и мысли нет об охотничьем роге?

— Вамба! Честь рыцаря не позволяет звать подмогу и при виде дюжины врагов… Да ведь этот сброд можно разогнать в два счета, как осенний ветер гонит сухую листву!

— Вот оно как, господин рыцарь… — пробормотал шут. — А не дадите ли вы мне взглянуть поближе на ваш волшебный рожок?

— Бери. — Рыцарь, пожав плечами, передал Вамбе рог. — Позабавься, коль заскучал…

Шут тут же нацепил на шею подарок Локсли.

— Ах ты плут! — Рыцарь протянул было руку, но Вамба тут же схватился за поводья и отвернул коня в сторону. — Ну-ка, верни мне рог!

— Сэр! У меня он целее будет. Говорю же: когда храбрость выбирает себе в спутники глупость, та от врожденной трусости громче трубит…

— Много же ты себе позволяешь, Вамба! Берегись, мошенник, как бы тебе не пришлось отведать моей железной рукавицы.

— А, так вы мне грозите? — Шут снова беспокойно завертелся в седле, озираясь по сторонам. — Ну, тогда вашей доблести придется самой искать себе дорогу в лесу.

— Ты таки попал, куда метил, — поостыв, заметил рыцарь. — Ладно, оставь себе рог, если угодно, и едем побыстрее.

— А вы меня не станете обижать? — Вамба пришпорил коня и осторожно приблизился к своему спутнику. — Поклянитесь!

— Слово чести, дурень ты этакий!

— Вот и славно! Итак, храбрость и глупость снова в добром согласии… А теперь, когда глупый шут завладел рожком, пусть храбрый рыцарь расправит плечи и незаметно осмотрится. Если я не ошибаюсь, в кустарнике, что слева от нас, засада…

— С чего ты взял? Опять эти твои шуточки? — Тем не менее рыцарь бросил быстрый взгляд в ту сторону, куда кивком указал его проводник.

— Я приметил солнечные блики на шлемах среди листвы. Будь это честные путники, они держались бы дороги, а не слонялись бы по кустам. Здешний лесок — самое подходящее местечко для таких забав.

— Клянусь, Вамба, на сей раз ты прав! — Рыцарь еще раз пристально всмотрелся в заросли и опустил забрало.

В ту же секунду три стрелы, пущенные твердой рукой из чащи, ударились о доспехи Черного Рыцаря.

Глава 35

Одна из них непременно сразила бы славного воина, но опущенное стальное забрало остановило ее полет. Две другие ударились о нагрудник и щит.

— Спасибо итальянскому оружейнику, броня у него отменная! — воскликнул Черный Рыцарь. — Вамба, вперед!

Он направил коня к зарослям, откуда тут же вынеслась группа всадников с копьями наперевес; и снова рыцарь остался невредим — несколько копий, ударившись о его доспехи, разлетелись в щепки, не причинив ему ни малейшего вреда, остальные не попали в цель.

Черный Рыцарь привстал на стременах и громогласно воскликнул:

— Кто вы такие и чего хотите?

В ответ неизвестные выхватили мечи и с воплями «Смерть тирану!» окружили Черного Рыцаря со всех сторон.

— Святой Георгий! Так вот оно что! У нас тут завелись изменники! — воскликнул рыцарь и бросился в атаку, поражая всадников одного за

другим и с легкостью вышибая их из седел.

Вскоре нападавшие начали отступать в заросли, чтобы уберечься от могучей руки с разящим мечом. Казалось, Черный Рыцарь, как буря, в ярости готов был смести все на своем пути. Неожиданно к отряду, стоявшему в засаде, подоспела помощь — из-за деревьев показался неизвестный рыцарь в синих доспехах. Приблизившись на расстояние двадцати шагов, он метнул свое тяжелое копье — но не во всадника, а в его коня, и смертельно ранил животное.

— Удар подлеца! — вскричал Черный Рыцарь. Благородный конь осел на задние ноги, покачнулся, а затем рухнул на траву, увлекая всадника за собой.

Все произошло так быстро, что Вамба остолбенел. Но уже в следующую секунду шут очнулся и трижды что было силы протрубил в рог. Громкие звуки отвлекли нападающих, а Вамба, не раздумывая ни секунды, бросился на выручку рыцарю, чтобы помочь ему подняться на ноги.

— Подлые трусы! — вскричал воин в синих доспехах. — Стыдитесь! Добьем этих двоих! Вы что, испугались шутовского рожка?

Снова завязался бой, однако Черному Рыцарю теперь приходилось туго — его оттеснили от

тропы и прижали к толстому стволу дуба. Он вынужден был отбиваться сразу от нескольких мечей и секир, нанося страшные удары направо и налево. Тем временем предводитель в синих доспехах, сменив копье, направил коня к дубу. Еще мгновение — и его оружие с длинным шестигранным наконечником пробило бы доспехи обороняющегося, тем самым решив исход схватки. Вамба охнул и, воспользовавшись тем, что о нем все забыли, опрометью кинулся к скачущему всаднику, на мгновение присел и молниеносным движением ножа полоснул по сухожилиям его коня. В следующее мгновение всадник вместе с конем с грохотом рухнули на землю.

Однако положение Черного Рыцаря от этого не улучшилось — он постепенно терял силы и у него не было никакой возможности для маневра. Численный перевес был на стороне нападавших. Возможно, они бы и одолели рыцаря, но внезапно в воздухе просвистела тяжелая стрела и вонзилась в горло одного из противников. За ней последовала другая, третья — и вскоре у подножия дуба в беспорядке валялись несколько тел. А из зарослей показались лесные стрелки во главе с Локсли, которого сопровождал рычащий от ярости отшельник.

Еще несколько минут — и все было кончено. Последний противник пал от руки Черного Рыцаря. Он утомленно выпрямился, опустил окровавленный меч и прислонился к стволу дуба. Вокруг валялись мертвые злодеи и стонали раненые. Рыцарь гордо вскинул голову и проговорил, обращаясь к лесным братьям:

— Благодарю вас, друзья! Но еще до того, как я смогу достойно выразить вам свою признательность за своевременную помощь, хотелось бы взглянуть поближе и узнать, кто он, этот коварный враг, напавший исподтишка, как наемный убийца, и убоявшийся честного поединка. Ну-ка, Вамба, подними забрало у этого воина в синих латах!

Шут вприпрыжку помчался к придавленному конем предводителю, восклицая на ходу:

— Послужу-ка я тебе, храбрец, оруженосцем, как уже послужил конюхом. Я ссадил тебя с коня, а теперь освобожу твою башку от железной шапки…

С этими словами Вамба стащил шлем с головы рыцаря и отшвырнул его в сторону, словно дырявое ведро. Открылись седые взлохмаченные кудри и лицо, при виде которого Черный Рыцарь на время лишился дара речи.

— Вальдемар Фиц-Урс! — наконец изумленно проговорил он. — Что же могло побудить порядочного человека, близкого к королевскому двору и прославленного в молодости ратными подвигами, взяться за столь гнусное дело?

— Ричард! Ты слепец! И ничего не смыслишь в людях… Среди тех, кто тебя окружал и окружает, всегда было немало таких, которыми движут честолюбие и жажда мести… — послышался угрюмый ответ.

— Но я никогда не обижал тебя, почему же ты говоришь о мести?

— Разве для высокородного норманна не оскорбление, когда король отвергает его дочь? — Вальдемар Фиц-Урс отвел глаза в сторону.

— Твоя дочь? Вот так предлог для кровавой расправы!.. Оставьте нас! — велел Черный Рыцарь, обернувшись к стрелкам. — Мне нужно побеседовать с этим дворянином с глазу на глаз… Скажи мне правду, Вальдемар, что здесь происходит на самом деле? Кто толкнул тебя на низкое вероломство?

— Твой брат… Тебе досталась корона, но ты пошел против воли своего отца и отправился искать рыцарской славы… Он считает, что ты оказался непокорным сыном, и решил покарать

тебя, — устало проговорил Фиц-Урс.

Ричард вспыхнул от негодования, однако сдержался и пристально посмотрел на вельможу. Гордые черты лица Фиц-Урса исказились от стыда.

— Ты даже не просишь пощады, Вальдемар? — спросил король.

— Кто угодил в когти льва, — ответил Фиц-Урс, — тот знает, что просить о помиловании бесполезно.

— Бери же его и ни о чем не проси, — усмехнувшись, сказал Ричард. — Лев не питается падалью. Сохрани свою ничтожную жизнь, но с одним условием: через три дня ты должен покинуть Англию. Спрячь свое бесчестие в норманнском замке. Если же ты будешь замечен на английской земле по истечении назначенного мною срока, то будешь казнен. А если произнесешь хоть одно слово, оскорбляющее честь королевского дома, клянусь святым Георгием, тебе не найти убежища даже в храме! Я повешу тебя на башне твоего собственного замка как последнюю падаль на поживу воронам… Сэр Локсли! — крикнул Черный Рыцарь. — Я вижу, твои парни уже успели собрать разбежавшихся лошадей? Дай одного коня поплоше этому дворянину, и пусть он воз-

вращается туда, откуда пришел…

— Если бы я не знал, — сказал стрелок, приближаясь и делая знак монаху, чтобы тот помог Фиц-Урсу подняться с земли, — что слышу голос того, кому надлежит безусловно покоряться, — клянусь, я пустил бы в гнусного злодея добрую стрелу, чтобы избавить его от трудностей дальнейшего пути.

— У тебя душа истинного англичанина, Локсли, — проговорил рыцарь. — И глаз у тебя верный. — Он расстегнул ремни, снял свой шлем и, не глядя, передал онемевшему от изумления Вамбе. — Перед тобой король Ричард Английский!

При этих словах, произнесенных просто, но с подобающим величием, стрелки́ и йомены как один преклонили колени и тут же, принеся клятву верности, стали просить у короля прощения за былые прегрешения.

— Встаньте, друзья мои! — воскликнул Ричард. К нему уже вернулось обычное доброе и ровное расположение духа, а следы недавней жестокой схватки изгладились из памяти. — Все дурное, совершенное вами в лесах, полях, городах и селениях, искуплено раз и навсегда вашей храбростью под стенами замка Торкилстон. Вы освободили моих подданных, а сегодня спасли

жизнь своему королю. Будьте отныне честными людьми и впредь верно служите родине. А ты, бесстрашный Локсли…

— Не называйте больше меня этой кличкой, государь! Мое подлинное имя — Робин Гуд из Шервудского леса, — с достоинством произнес стрелок.

— Кто же не знает короля вольных разбойников и предводителя лесных братьев? Слухи о нем дошли даже до далекой Палестины! — усмехнулся Ричард. — Каковы времена, таковы и деяния. А времена в мое отсутствие здесь наступили смутные, и часть вины за это лежит на мне.

— Кот из дому — мыши в пляс, — вставил успевший прийти в себя Вамба.

— Ты еще здесь? — Ричард рассмеялся. — А я-то решил, что моего проводника давно и след простыл!

— Шутите, государь! Где ж это видано, чтобы глупость добровольно рассталась с доблестью? Вон он лежит, превосходный серый мерин, ненароком напоровшийся на мой нож. Я бы, конечно, предпочел, чтобы конь стоял в конюшне, а на его месте валялся его прежний хозяин… Нет, должен признаться, что поначалу я малость сплоховал, но ведь признайте, ваше величество, трубач из

меня хоть куда…

— Очень кстати тебе пришло в голову поупражняться с рогом, — одобрительно проговорил король. — Этого я тебе не забуду.

— Исповедуюсь… Тьфу ты, пропасть… Виноват, мой государь! — донесся из-за спины Ричарда сокрушенный голос. — Вся латынь вылетела из грешной башки… Каюсь в преступлениях и молю простить меня прежде, чем отправлюсь на казнь…

Обернувшись, король увидел своего ночного собутыльника-монаха. Стоя на коленях, тот неуклюже перебирал пальцами потертые бусины четок, а рядом на траве лежала его дубина, изрядно поработавшая в схватке. Щекастое багровое лицо причетника из Компенхерста выражало глубокое смирение, столь же притворное, как и его покаянная речь. Он закатил глаза к небу, сложил на груди здоровенные ручищи и скроил скорбную мину.

— Что это ты приуныл, дружище? — Ричард, не удержавшись от смеха, толкнул монаха в бок. — Боишься, что твой епископ узнает, как ты усердно молишься Матери Божьей? Не робей, причетник, король никому не выдаст тех секретов, что узнал от тебя за чашей вина.

— Не в том дело, добрый государь. — Монах покосился на Ричарда, а затем снова возвел очи к небесам. — Я страшусь не посоха, а скипетра! Увы! Преступная моя рука едва не вытолкала взашей из кельи помазанника Божия! А мои грешные уста…

— А, вот ты о чем! — перебил причетника король. — Теперь понятно, откуда ветер дует! Да я уже все позабыл… а если считаешь, что я у тебя в долгу, то готов сейчас же расплатиться.

— Ни в коем случае! — поспешно вскричал монах. — Или не быть мне монахом по имени брат Тук!

— Не лучше ли тебе, брат Тук, послужить на благо английской короны, а не монашеского ордена? — Ричард шагнул к причетнику и поднял его с колен. — Я добуду для тебя разрешение сложить духовный сан и возьму такого отменного ратника и стрелка в свою гвардию. Хочешь в мою охрану? Признайся, ведь и для тебя, и для Церкви это будет истинным благом!

— Государь! — проговорил монах. — Если ваше величество пожелает оказать мне, нищему служителю святого Дунстана в Компенхерсте, какое-либо благодеяние, то всякий дар я приму с величайшим счастьем. — Брат Тук притворно

вздохнул. — Но смиренно прошу вас о милостивом прощении… Если б вы только знали, до какой степени грех лености одолевает меня! Святой Дунстан терпелив, хоть иной раз я и забываю помолиться ему, гоняясь за резвым оленем. Порой проведешь ночь вне кельи, творишь Бог знает какие бесчинства, а мой небесный покровитель никогда не жалуется… Быть при особе моего государя, конечно, великая честь, однако, если я отлучусь, допустим… утешить несчастную вдову или пострелять дичи в леске, тут же пойдут толки. «Где этот монах-расстрига?» — спросит один. «Кто видел этого бездельника Тука?» — закричит другой. А лесные сторожа так и вовсе побегут к вам с клеветническими жалобами… С благодарностью вынужден отказаться, ваше королевское величество…

— Как тебе будет угодно, — сказал Ричард. — Тогда дарую тебе, благочестивому служителю Церкви, право охоты в моих Уорнклиффских лесах. Но гляди — я дозволяю тебе, брат Тук, убивать не больше трех взрослых оленей в каждое время года. Хотя и догадываюсь, что соблюсти это условие тебе не удастся…

— Уж это как водится, государь, — хихикнул Вамба.

— …А поскольку даже лучшая пища вредна всухомятку, — продолжал король, — нашему эконому будет дан приказ доставлять в твою келью ежегодно бочку испанского вина, бочонок мальвазии и три бочки эля лучшего сорта. Если же и этим ты не погасишь свою жажду, отшельник из Компенхерста, приходи ко двору и сведи знакомство с моим ключником.

— А что же получит Святой Дунстан? — спросил монах и потупился.

— Камилавку, стихарь и покров для алтаря. — Ричард осенил себя крестным знамением. — Однако не будем превращать в шутку то, что творится во имя Господа.

Физиономия брата Тука расплылась в ухмылке, но он тут же согнал ее с лица, опустился на колено и поцеловал протянутую руку короля со словами:

— Дай Бог вашему величеству платить все свои долги так же аккуратно!

— Если бы можно было отделаться такими мелочами, — вздохнул король, — кредиторы не опустошали бы мою казну. Встань, мой ночной друг и собутыльник, простимся…

Монах поднялся, еще раз с глубоким почтением поклонился Ричарду и, безмерно довольный,

скрылся в кустарнике.

В ту же минуту в тишине раздался топот конских копыт.

Глава 36

На тропе показались Уилфред Айвенго на лошади аббата и Гурт, сопровождавший его на боевом коне рыцаря, — монастырский кузнец успел-таки управиться с подковами к их отъезду.

Изумлению Айвенго не было предела, когда среди чащи перед ним внезапно предстал рыцарь в черных доспехах, забрызганных кровью, — он мгновенно узнал в нем своего государя. Вокруг валялись мертвые тела и трупы лошадей — следы недавнего ожесточенного боя.

Не меньше удивило его и то, что Ричард Львиное Сердце был окружен множеством йоменов и лучников, внешность которых свидетельствовала об их принадлежности к лесному братству, иначе говоря, к разбойникам. Эта пестрая компания вовсе не походила на свиту могущественного короля. Уилфред растерялся: должен ли он при этих людях говорить с Ричардом как со странствующим Черным Рыцарем или обратиться к нему как к государю?

Король заметил его замешательство.

— Ничего не опасайся, Уилфред! — крикнул

он. — Можешь называть Ричарда Плантагенета его собственным именем. Мое окружение — истинно английские сердца, даже если некоторые из этих отважных людей по своей горячности и сбились с прямого пути.

— Сэр Уилфред Айвенго, — проговорил Робин Гуд, выступая вперед, — мне нечего добавить к словам его величества. Но все-таки замечу, что среди тех, кто немало пострадал в эти дни от притеснений баронов и вельмож, у короля Англии нет слуг более верных и преданных, чем мы!

Юноша спрыгнул с лошади и передал поводья Гурту.

— Я в этом и не сомневаюсь, раз ты здесь, храбрый стрелок, — произнес Уилфред. Он повернулся к королю, преклонил колено, поднялся и удивленно спросил: — Но что все это означает? Почему окровавлены латы государя и что за трупы валяются у ног вашего величества?

— Вражеская засада, — пояснил Ричард. — На меня и моего проводника предательски напали изменники. И лишь благодаря этим отважным людям они получили то, что заслужили… А впрочем, — прибавил король с улыбкой, — пора бы и тебя, Уилфред, зачислить в изменники, ведь ты повел себя самым непокорным образом и не

исполнил мое повеление. Не я ли запретил тебе покидать монастырь до полного исцеления?!

— Раны затянулись, — отвечал Айвенго, — силы вернулись ко мне. Но ответьте мне, государь, зачем вам понадобилось подвергать опасности свою жизнь на турнире, во время осады замка барона де Бефа, в пламени пожара и на уединенных тропах? Разве она равноценна жизни простого странствующего рыцаря, для которого дороже всего на свете честь и слава, добытые мечом и копьем?

— А Ричард Плантагенет, — сказал король, — никогда и не искал другой славы. И ему всего дороже та, о которой ты говоришь, Уилфред. Я больше горжусь победой, одержанной своим мечом, чем достигнутой во главе стотысячного войска.

— Но подумайте о вашей державе, государь! — воскликнул юноша. — Англии грозят разорение и междоусобная война, а вашим подданным — тысячи бедствий, если они лишатся своего монарха в одной из тех стычек, в которые вам угодно вмешиваться…

— Ты вовремя вспомнил о моем троне и подданных! — слегка понизив голос, произнес Ричард. Он явно начал сердиться. — Скажу тебе на это,

сэр рыцарь, что если я и делаю глупости, то некоторые поступают куда более безрассудно. Взять, к примеру, моего слугу Уилфреда Айвенго — он не только не исполняет королевских повелений, но еще и берет на себя смелость читать проповеди своему государю. У кого из нас больше прав упрекнуть другого?.. Однако это всего лишь шутка, прости меня, мой верный Уилфред… Я недаром скрывал свое пребывание в Англии и прятал лицо под шлемом Черного Рыцаря. Еще некоторое время мне следует оставаться неузнанным. Это необходимо для моих близких друзей и верного дворянства, которые должны собрать свои дружины. Когда же распространится весть о моем возвращении, я буду готов встать во главе столь многочисленного войска, чтобы мятеж погас сам собой, без кровопролития. Еще всего лишь сутки — и Эстотвил и Бохун будут иметь достаточно сил, чтобы двинуться на Йорк. Также я должен получить вести с юга и севера — от Солсбери, Малтона и Перси… Лорд-канцлер обеспечит нам поддержку Лондона. А до той поры ни охотничий рог Вамбы, ни дубина брата Тука, ни меткие стрелы отважного предводителя разбойников не спасут меня от врагов… Кстати, куда это запропастился наш стрелок? Позови-ка его,

сэр Уилфред!

Айвенго молча поклонился. Он слишком хорошо знал характер Ричарда Плантагенета, чтобы перечить ему. Да и сам король в глубине души сознавал правоту юноши.

Дождавшись, когда на дороге снова показался Робин Гуд, Ричард добродушно проговорил:

— А скажи-ка, лесной король, не найдется ли чего перекусить твоему царственному собрату? Эти изменники заставили меня изрядно потрудиться, и я проголодался… Сам знаешь, поминальный пир по Ательстану начнется еще не скоро.

— По правде сказать… — стрелок смущенно запнулся, — лучшее из того, что найдется в наших закромах, едва ли подойдет для такой особы, как вы…

— Брось темнить, друг Робин, — усмехнулся Ричард. — Верно, жареная дичь? Что ж может быть лучше! Я не стану отказываться! Если королю не сидится дома, он не должен жаловаться, что оленью лопатку подают ему не на серебряном блюде.

— В таком случае пусть ваше величество вновь окажет честь моей дружине, посетив одно тайное местечко, — сказал Робин Гуд. — Там найдется и добрый кусок оленины, и кружка эля к нему, и

кубок вполне приличного вина…

Вожак разбойников двинулся вперед, указывая дорогу, а за ним вся лесная братия, которая теперь составляла свиту короля Англии. Ричард вскочил в седло боевого коня Айвенго, которого взял под уздцы Гурт; где-то позади распевал шутливые песенки Вамба. Рядом с королем на неспешно трусившем монастырском Малкине ехал Уилфред.

«Нет сомнения, — думал юноша, — что наш король куда больше рад случайной трапезе с разбойниками, чем блестящему пиру в обществе рыцарей и придворных. Он ничего так не любит, как заводить новые знакомства и пускаться в опасные приключения… Что ж, Ричард Львиное Сердце — образец бесстрашного и благородного рыцаря, герой, о котором когда-нибудь станут сочинять баллады и рыцарские романы… Но к чему все эти блестящие и часто бесполезные подвиги, эта жизнь, полная опасностей и тревог? Слава, добытая в бою, для короля дороже славы мудрого правителя. Кто из потомков скажет: “Это был великий государственный муж”? Нет, царствование Ричарда скорее будет подобно яркому метеориту, мелькнувшему на темном небе и исчезнувшему в глубине времен. И все же… Вот он едет по лесу, полный благожелательности и

приветливый ко всем, несмотря на чины и звания, достойный и добрый человек, мой государь, которого я люблю и уважаю, — и ему весело. Он чувствует себя прекрасно!»

Глава 37

На просторной, но скрытой от посторонних глаз поляне наскоро приготовили угощение для короля Англии. Слух об этом распространился по лесной почте так стремительно, что вскоре поляна была заполнена людьми, находившимися вне закона, однако на эту минуту служившими Ричарду не только свитой, но и стражей.

Когда достали бутыль с вином и дело дошло до круговой чаши, суровые обитатели лесов утратили всякую робость. Зазвучали разудалые песни, шутки, рассказы о разбойничьих подвигах — поляна огласилась смехом и криками. Никто уже и не помнил, что среди пирующих находится венценосный властелин островной державы. Король пил и хохотал наравне со всеми.

Казалось, один Робин Гуд сохранял среди общего веселья ясную голову. Он то и дело беспокойно осматривался, словно ему хотелось побыстрее завершить шумную пирушку; наконец его взгляд остановился на сумрачном лице Айвенго. Стрелок подсел к рыцарю и вполголоса заметил:

— Конечно, лестно принимать у себя короля,

однако я полагаю, сэр Уилфред, что его драгоценное время нужнее Англии… Тем более при тех обстоятельствах, которые сейчас складываются.

— Я согласен с тобой, сэр Робин, — так же тихо ответил рыцарь. — И хочу напомнить, что шутить с королями небезопасно, даже если они тянутся к вам с полным кубком…

— Этого я как раз и опасаюсь, — пробормотал стрелок. — Мои парни — народ суровый и грубый, этикету не обучены, а наш государь хотя и благодушен, но крайне вспыльчив. Не приведи бог, если мои молодцы чем-нибудь не потрафят ему и вызовут королевский гнев. Нужно остановить этот разгул…

— Так придумай что-нибудь, ведь мои слова вызовут у короля лишь упрямое желание продолжать шумную трапезу.

Робин Гуд подозвал к себе одного из разбойников, что-то шепнул ему на ухо, и тот беззвучно скрылся в ближайших кустах.

— Я велел ему по моему знаку протрубить норманнский сигнал, — наклонившись к Айвенго, сказал стрелок. — Возможно, это дорого обойдется мне, но иного выхода нет. Надеюсь, сэр рыцарь, ты защитишь меня от гнева Ричарда, если обман откроется.

Не прошло и минуты, как пиршество было прервано звуками рога.

— Это сигнал барона Мальвуазена, я узнаю его! — вскричал Мельник, вскакивая на ноги и хватаясь за лук.

Отшельник отставил бутыль с вином и вооружился остроконечным посохом. Вамба замер, поперхнувшись неоконченной шуткой, и бросился искать свой нож. Прочие также были готовы ринуться в битву.

Подобный поворот событий только подлил масла в огонь. Ричард сразу же потребовал свои доспехи и шлем, и пока Гурт помогал королю облачиться в доспехи, тот пытался убедить Айвенго не принимать участия в предстоящей потасовке и держаться в стороне.

Тем временем от пиршественного стола не осталось и следа, поляна опустела, разбойники мигом разбежались и засели в зарослях в ожидании мнимого врага. Но тут к вооруженному с головы до пят и рвавшемуся в бой королю подошел Робин Гуд и, преклонив колено, вновь попросил у государя прощения.

— В чем дело, стрелок? — с нетерпеливым раздражением проговорил Ричард. — Сегодня я уже один раз простил тебя… Неужели для тебя мое

слово что птичье перо, которое ветер носит по курятнику?

— Смиренно прошу выслушать, — пряча усмешку, произнес предводитель разбойников. — Ваше величество, вас ввели в заблуждение по моему приказу. Это не рог барона Мальвуазена. Пиршество наше следовало давно прекратить по причине того, что вас ждут куда более важные дела… — Робин Гуд выпрямился, готовый принять царственный гнев.

Ричард вспыхнул, однако сдержался, поняв причину, побудившую стрелка пойти на обман. Айвенго с облегчением перевел дух.

— Шервудский король пожалел дичи и вина для короля Англии… Что ж, сэр Робин Гуд, когда будешь у меня в гостях, я скупиться не стану… Но ты прав! — Ричард Львиное Сердце повернулся к Айвенго: — Пора в путь, Уилфред! Солнце еще высоко. Отправимся с легким сердцем в Конингсбург, а о прошлом забудем.

Прощаясь с королем, Робин Гуд сказал, что послал вперед небольшой отряд разведчиков, который тотчас предупредит всадников об опасности, а ежели и случится на тропе засада, то он и его стрелки без промедления придут на помощь своему государю. Обменявшись дружескими ру-

копожатиями, король-рыцарь и прославленный предводитель разбойников расстались, чтобы больше никогда не встретиться…

В Англии найдется не так уж много мест прекраснее окрестностей Конингсбурга. Среди холмов и возделанных полей вьется тихая и светлая река Дон, окруженная лесами. На холме, над самой рекой, возвышается древняя саксонская крепость. И спустя недолгое время четверо всадников — король Ричард и Уилфред Айвенго, а также сопровождающие их Гурт и шут Вамба — оказались вблизи ее обветшалых стен.

Черный флаг, развевавшийся на ветру на вершине главной башни замка, возвещал о том, что траурные обряды далеко еще не окончены, а тело Ательстана пока не предано земле. На этом мрачном знамени не было никаких эмблем; но другой флаг, вывешенный над воротами Конингсбурга, ясно указывал на знатное происхождение покойного хозяина замка. Там была изображена белая лошадь — символ принадлежности умершего воина к роду саксонских королей.

Вокруг крепости царило необычайное оживление. Сюда съехалось великое множество саксов — по старому обычаю в поминальном пиршестве могли принять участие не только

родственники и приглашенные на похороны, но и всякий прохожий. Знатность и богатство владельца Конингсбурга требовали соблюдать это правило особенно строго.

Толпы простого народа продолжали прибывать, располагаясь у крепостных стен. Миновав их, Ричард со своими спутниками въехал в распахнутые и никем не охраняемые ворота. Двор замка представлял собой странное зрелище — здесь ничто не говорило о великой скорби и печали. В одном углу повара жарили на вертелах быков и жирных баранов, в другом слуги откупоривали бочки пива, тут же передавая их в распоряжение гостей. Там и тут разношерстный люд поглощал обильное угощение — и даже нищий саксонский раб мог хоть раз в жизни насытиться до отвала. Во дворе можно было увидеть и зажиточных горожан, и ремесленников, и даже малоимущих норманнских дворян с бритыми, в отличие от бородатых саксов, подбородками. Они держались особняком, не расставались с оружием, но ни один из высокомерных норманнов не отказался перекусить перед главным поминальным пиршеством. Нищие, бродячие ратники, монахи, саксонские менестрели и уэльские барды, шуты, фокусники — всем нашлось место в

этом необъятном дворе, и каждый утолял свой голод и жажду без стеснения.

Время от времени гости как бы спохватывались и вспоминали повод, по которому собрались. Мужчины, сокрушенно вздыхая, умолкали, а женщины принимались причитать во весь голос. Монахи начинали бормотать молитвы, а музыканты извлекали из своих инструментов печальные мелодии…

Появление на саксонских траурных торжествах двух благородных рыцарей, считавшееся особой честью, вызвало некоторый переполох. Наконец важный дворецкий в траурном одеянии и с белым жезлом в руке выступил вперед и расчистил для Ричарда и Айвенго дорогу к главному зданию среди разношерстной толпы.

Гурт и Вамба остались во дворе, приметив среди гостей знакомые лица. Ни тот, ни другой не осмелились войти в замок и дожидались, пока их позовут.

Глава 38

Внутри замок Конингсбург выглядел еще древнее, чем снаружи. Череда крутых ступеней вела к тесному проходу в южной стене главной башни. Только миновав этот проход и поднявшись по еще одной каменной лестнице, можно было попасть в третий, жилой ярус. Оба нижних этажа служили кладовыми и погребами, туда почти не проникал свет, а попасть в них можно было только с помощью деревянной приставной лестницы.

Именно таким сложным и запутанным путем короля Ричарда и Уилфреда Айвенго ввели в круглый зал, занимавший почти весь третий этаж. Пока они поднимались, юноша наглухо закутался в длинный плащ, чтобы скрывать свое лицо от отца до той минуты, когда король подаст ему знак.

Вокруг массивного дубового стола собралось около дюжины именитых саксов, приглашенных из окрестных графств. Все они принадлежали к знатнейшим родам, но были людьми пожилыми. Саксонская молодежь чаще всего следовала при-

меру Айвенго и нарушала многие традиционные преграды, разделявшие побежденных саксов и победителей-норманнов — как в одежде, так и в поведении. Эти же охваченные унынием и скорбью седовласые бородачи, все как один в долгополых черных плащах, скорее походили на древних воронов, слетевшихся оплакивать былое величие и славу предков.

Седрик с молчаливого согласия прочих был назначен распорядителем, хотя внешне ничем не выделялся. Как только Черный Рыцарь вступил в зал, сакс поднялся и церемонно приветствовал его. Ричарду подали серебряный кубок с вином, и король, хорошо знавший саксонские обычаи, приподнял его над головой и со словами «Пью за здоровье!» осушил до дна. Лишь после этого он поклонился присутствующим. Такая же честь была оказана и Айвенго, однако юноша лишь молча пригубил вино и низко склонил голову, опасаясь, что его выдаст голос.

Когда этот ритуал был исполнен, Седрик провел важных гостей в небольшую часовенку, устроенную в глубокой нише внешней стены главной башни. Свет проникал сюда только через узкую щель бойницы, в полумраке пылали два факела, бросая багровые дымные отсветы на своды

часовни, на сложенный из камня алтарь и грубо сработанное из известняка распятие.

Перед алтарем был установлен дубовый гроб, по обе стороны которого коленопреклоненные монахи с благочестивым видом перебирали свои четки и вполголоса бормотали молитвы. За эту беспрерывную заупокойную службу матушка покойного Ательстана внесла щедрое пожертвование в монастырь Святого Эдмунда, и вся братия, за исключением хромого звонаря, прибыла в Конингсбург. Шестеро монахов постоянно находились при усопшем, прочие бродили по замку, следя за тем, чтобы какой-нибудь не очень трезвый мирянин не нарушил покой Ательстана.

Ричард и Уилфред вошли в часовню следом за своим провожатым. Здесь Седрик Сакс остановился и с торжественным видом указал на гроб. Все трое набожно перекрестились. Затем Седрик подал знак следовать за ним, поднялся на несколько ступеней и беззвучно приоткрыл дверь в крохотную молельню, смежную с часовней.

Здесь было куда светлее — сквозь окно, обращенное на запад, лился поток солнечных лучей, озаряя почтенную пожилую даму, чьи лицо и фигура все еще хранили следы былой красоты. Траурное платье и черная накидка оттеняли

белизну высокого лба и пышность светло-русых распущенных волос. Заплаканные фиалковые глаза были полны глубокой печали и христианского смирения. На каменном пюпитре перед дамой лежали распятие из слоновой кости и старинный молитвенник.

— Благородная Эдит, — обратился к хозяйке замка Седрик Сакс, постояв с минуту в почтительном молчании, — позволь представить тебе гостей, прибывших разделить твое горе. Об этом доблестном рыцаре я тебе уже говорил — он мужественно сражался, чтобы выручить из плена всех нас и того, о ком мы сегодня так горько скорбим…

— Благодарю рыцаря за храбрость, — тихо произнесла леди Эдит, — хоть Господь и не сохранил жизнь моего сына… Также благодарю рыцаря и его спутника за то, что в горькие часы скорби они не оставили вдову Аделинга и мать Ательстана. И надеюсь, что мой добрый родственник Седрик сделает все, чтобы вы оба остались довольны нашим гостеприимством…

Винтовая лестница привела всех троих в зал не меньших размеров, чем тот, в котором Черный Рыцарь и Айвенго ранее обнаружили Седрика. Это помещение занимало весь четвертый этаж

замка, и едва двери его приоткрылись, как оттуда донеслось негромкое многоголосое пение. Здесь собралась женская часть знатнейших саксонских семейств.

Пока одни распевали древние погребальные гимны, другие были заняты вышиванием шелкового покрова для гроба Ательстана и плетением венков — для этого сюда принесли корзины с различными живыми цветами. При появлении незнакомцев молоденькие девушки начали перешептываться и оправлять траурные наряды, однако пожилые дамы их сразу же одернули.

Леди Ровена, которая находилась здесь же, поначалу не обратила ни малейшего внимания на новых гостей. Увидев возлюбленную, Айвенго лишь огромным усилием воли заставил себя не упасть перед ней на колени. Ровена была бледна и печальна. Когда же Черный Рыцарь, его спутник и Седрик приблизились, она сдержанно кивнула. Сакс тут же шепнул им, что скорбь его воспитанницы особенно велика, ведь Ательстан считался ее женихом.

Познакомив гостей с замком, Седрик проводил обоих в отведенные им покои. Он уже собрался было покинуть их, однако Черный Рыцарь удержал его, сказав:

— Позвольте напомнить вам, благородный Седрик, что, когда мы расставались в лесу, вы дали мне обещание в благодарность за ваше освобождение оказать любую услугу.

— Я никогда не отказываюсь от своих слов, сэр рыцарь, — Седрик нахмурился, — но в такую печальную минуту…

— Это правда, — остановил сакса король, — но время не терпит… Мне кажется, что, предавая земле прах благородного Ательстана, мы должны похоронить вместе с ним некоторые предрассудки и совершенные ранее несправедливости…

— Сэр рыцарь! — догадываясь, о чем может пойти речь, воскликнул Седрик. — Надеюсь, что услуга, о которой вы просите, относится лишь к вашей особе. В делах, затрагивающих честь моего дома, вмешательство постороннего кажется мне не совсем приличествующим.

— Я и не собираюсь вмешиваться в ваши семейные дела, — со спокойным достоинством ответил король и добавил: — До тех пор, пока вы сами не согласитесь, что я имею на это некоторое право. До сего дня вы знали меня как Черного Рыцаря, теперь же я открою вам мое подлинное лицо!

Рыцарь откинул капюшон плаща, который до этой минуты оставлял его лицо в тени.

— Ричард Львиное Сердце!.. — пробормотал Седрик, отступая в величайшем изумлении.

— Да, благородный Седрик, я английский король. И самая заветная моя мысль, самое сильное желание — видеть сынов Англии, к какому бы народу они ни принадлежали, живущими в мире… Но я вижу, ты, сакс, и не думаешь преклонить колено пред твоим государем?

— Перед норманнской кровью мои колени никогда не преклонялись, — упрямо ответил Седрик. — Я всегда отдавал должное твоей храбрости и многим другим достоинствам. Но я знаю также и то, что твои права на английскую корону сомнительны…

— Я пришел сюда не затем, чтобы спорить о моих правах, сакс, — спокойно произнес Ричард. — Оглянись вокруг, сэр Седрик, и назови имя того, кто готов был бы поспорить со мной за корону нашей державы!

— И ты, государь, явился сюда только для того, чтобы задать мне этот вопрос?!

— Ошибаешься, — возразил Ричард. — Клянусь святым крестом, ничего подобного у меня и в мыслях не было. Я пришел в полной уверенности, что один благородный человек может положиться в бою на другого, не опасаясь предательства…

А теперь вернемся к моей просьбе. Я выскажу ее так же прямо, как ты только что отказался признать во мне законного короля. Прошу тебя простить рыцаря Уилфреда Айвенго. Верни ему свою родительскую любовь и отчий дом. Скажу по чести, в вашем примирении я и сам заинтересован, ибо Айвенго — мой преданный друг и приближенный. Твой шаг немало поспособствует прекращению распрей между моими подданными.

— Это… это Уилфред? — спросил сакс, оборачиваясь к спутнику короля.

— Отец! — вскричал Айвенго и бросился Седрику в ноги. — Прости меня!

— Прощаю, единственный сын мой! — Голос Седрика предательски дрогнул, однако через секунду вновь окреп, и в нем появились суровые нотки: — Встань с колен, Уилфред, и открой лицо… Выслушай меня. Я дал слово рыцарю-норманну и выполнил обещание… Однако скажу тебе прямо: если хочешь быть сыном Седрика Сакса, больше не носи в моем доме пестрых норманнских нарядов да шапок с перьями. Потомок славного саксонского рода не должен рядиться, как заморский павлин… Молчи! Я догадываюсь, о чем ты хочешь просить меня… И думать забудь об этом! По крайней мере до тех пор, пока в течение двух лет леди Ровена будет носить траур по своему жениху. Таков обычай, и все наши саксонские пращуры перевернулись бы в своих гробах, если бы мы, вопреки древнему закону, объявили о новом союзе, еще не предав земле прах того, кто был поистине достоин ее руки. Дух благородного Ательстана не смог бы обрести покоя…

Седрик не успел завершить свою речь.

Дверь распахнулась, и в следующее мгновение на пороге возник не кто иной, как покойный хозяин Конингсбурга — бледный, осунувшийся, с помутившимся взором. Длинный саван, волочащийся по каменным плитам пола, делал его

похожим на привидение, только что выбравшееся из могилы.

Глава 39

Невероятное появление Ательстана потрясло всех присутствующих.

Седрик, пошатнувшись, прислонился к стене и беззвучно зашевелил губами, творя молитву. Айвенго осенил себя крестным знамением, а король Ричард лихорадочно размышлял — схватиться за меч или броситься вперед, чтобы поддержать призрака, готового вот-вот рухнуть ничком. Однако привидение самостоятельно преодолело порог покоя, сделало два-три шага и с тяжким вздохом опустилось на скамью.

Между тем на нижних этажах главной башни поднялся невероятный шум, раздавались громкие крики: «Хватайте подлых монахов! В темницу их! Запирайте ворота!»

— Во имя Господа! — набравшись духу, наконец произнес Седрик, обращаясь к тому, кого он принял за призрака Ательстана. — Если ты жив, благородный друг, скажи нам что-нибудь, но если ты бесплотный дух, откройся, в чем причина твоего появления и что старый Седрик может сделать для успокоения твоей души!

— Погоди, Седрик, дай немного отдышаться, — проговорил призрак, сдерживая глухой стон. — Ты спрашиваешь, жив ли я? Ровно настолько, насколько может быть живым человек, у которого маковой росинки во рту не было в течение трех дней! Эти дни показались мне тремя нескончаемыми веками…

— Достойный сэр Ательстан, — воскликнул король Ричард, — как же так? Я своими глазами видел, как вы замертво пали от руки храмовника Бриана де Буагильбера в Торкилстоне. И Вамба был свидетелем того, что ваш череп разрублен мечом чуть ли не до бровей!

— Вамба и соврет — не дорого возьмет, а вы просто ошиблись, сэр рыцарь, — ворчливо проговорил Ательстан. — Череп мой более-менее цел. У проклятого храмовника дрогнула рука, и удар пришелся плашмя, а поскольку голова моя не была защищена, я свалился оглушенный. Некоторое время я еще слышал грохот битвы и треск пожарища, а затем надолго лишился сознания. — Хозяин замка покосился на дверь, из-за которой продолжали доноситься вопли и топот множества ног, и усмехнулся. — Вот так-то… Очнулся я уже в гробу. По счастью, в открытом. Гроб стоял перед алтарем в церкви

монастыря Святого Эдмунда. «Ну и дела», — подумал я и попытался было выбраться из гроба, но тут откуда-то набежали перепуганные монахи и принялись заталкивать меня обратно. Не скажу, чтобы они очень уж обрадовались моему воскрешению, — кому охота лишиться щедрых даров и наследства, — а я им в своей духовной отписал немало…

— А что же настоятель? — с возмущением спросил Айвенго.

— Аббат явился следом и велел читать надо мной молитвы, решив, что все это происки сатаны. Сил у меня не было даже пошевелиться, я погибал от жажды и едва упросил их дать мне глоток вина. А после этого вина я заснул крепче прежнего… благо у братии рука не поднялась меня окончательно отравить. Ох и натерпелся же я!..

— Погодите, благородный Ательстан! — воскликнул Ричард. — Говорите по порядку, ваша история занимательнее романа!

— Какой уж тут роман… Вас бы на мое место, сэр рыцарь, — угрюмо пробормотал призрак. — В вино святые отцы, надо думать, подсыпали какой-то дряни. Я спал как убитый, а когда снова открыл глаза, то почувствовал, что ноги мои спеленаты,

руки связаны, а сам я нахожусь в полной тьме — судя по всему, это был монастырский склеп. Вдруг слышу, монахи опять засуетились, стали лить мне в рот какое-то гнусное пойло, а некий голос — я в нем сразу же узнал голос настоятеля с его одышкой — принялся мне втолковывать, что я умер и угодил в чистилище. Однако меня на мякине не проведешь!.. Правда, потом я снова куда-то провалился и впал в забытье…

— Во имя Пресвятой Девы, скажи нам, как же ты избежал неминуемой смерти, мой бедный друг? — Седрик бросился к Ательстану и схватил его за руку. — Что смягчило их жестокие сердца?

— Скорее камни растаяли бы от солнечных лучей, чем сердца этих негодяев! — презрительно произнес Ательстан. — Так бы я и отдал концы в проклятом монастырском подземелье от голода и жажды, кабы не наступило время моих похорон… Ну а уж окончательно я очнулся только в замке, в родном гнезде, так сказать, и разбудило меня не что иное, как запах жареной свинины и свежего хлеба. Я был по-прежнему слаб, но мне хватило ума не подавать виду, что я очнулся, и следить за монахами сквозь полуопущенные веки. А как пришло время одной шестерке черных сутан смениться на другую, чтобы и дальше гнусавить

надо мной свои литании, я собрал все силы, сел в гробу и разорвал путы на руках и ногах. Сшиб кулаком одного, а остальные с воплями разбежались. Я выбрался из своей смертной постели — кости ломит, голова кругом — и побрел куда глаза глядят…

В покой с криком отчаянной радости вбежала леди Эдит и припала к груди сына.

— Боже мой, Боже мой, — шептала она, — благодарю тебя за чудо! Я молилась о тебе, мой Ательстан, день и ночь, оплакивая твою безвременную кончину. Единственное, чего не прощу себе вовек, что в тот миг, когда ты воскрес, меня не было рядом. — Леди Эдит вытерла слезы и с нежностью посмотрела на сына. — Я как раз вышла, чтобы отдать распоряжение начинать церемонию погребения…

— И правильно сделали, любезная матушка! — воскликнул, оживляясь, Ательстан. — Такое зрелище не для женских очей. А теперь, раз хоронить больше некого, не пора ли нам как следует выпить, изрядно закусить и малость повеселиться?!

Не прошло и получаса, как просторный зал главной башни замка Конингсбург наполнился гостями. Под его стенами ликовал народ, привет-

ствуя чудесное воскресение Ательстана, а в зале не было конца счастливым женским восклицаниям и расспросам. Сам хозяин замка, вымытый, причесанный, нарядно одетый и лишь слегка утоливший первый голод бараньей лопаткой и парой чаш испанского вина, восседал во главе пиршественного стола между Седриком и своей матерью и обводил умиротворенным взглядом шумное застолье.

— Мой достойный друг. — Седрик легонько толкнул Ательстана в бок. — Не кажется ли тебе, что сейчас самое время приступить к осуществлению наших великих замыслов?

— О чем это ты толкуешь? — Хозяин замка слегка наклонился к уху Седрика. — Как по мне, так сейчас самое время пустить кубок по кругу в честь моего чудесного избавления от могильной ямы!

— Говорю тебе, на протяжении полувека ни один час не был столь благоприятным для дела освобождения саксонского народа от проклятых…

— Сэр Седрик! — вполголоса воскликнул Ательстан, перебивая родственника на полуслове. — Благодари Господа, что хоть я освободился от проклятых монахов! Опять ты за свое,

неугомонный упрямец! Для меня сейчас первое дело — проучить подлого аббата. Вот возьму и повешу его вниз головой на воротах аббатства!..

— Но, сын мой, — заметила леди Эдит, услышав слова Ательстана, — не забывайте о том, что это духовное лицо!

— А вы, любезная матушка, — огрызнулся Ательстан, — вспомните о моем трехдневном посте! — Он снова повернулся к Седрику: — Казню всех монахов, да и дело с концом.

— Стыдись, благородный сэр Ательстан, — продолжал увещевать Седрик, — стоит ли думать об этих ничтожных людишках, когда перед тобой открывается поприще истинной славы... — Сакс понизил голос до шепота и кивнул на пирующего с гостями Черного Рыцаря: — Встань и скажи напрямик вон тому норманну, Ричарду Плантагенету, что хоть у него и львиное сердце, но за этим столом сидит живой законный наследник английского престола, у которого куда больше прав на трон.

— Как! — вскричал Ательстан. — Это и есть благородный король Ричард, наш государь?

— Тише! — Седрик поморщился. — Да, это он. Однако Ричард — наш гость, следовательно, мы не можем допустить ни оскорбления, ни плена.

Тебе ли не знать обязанностей хозяина по отношению к гостям.

— Еще бы! — Ательстан не отрывал взгляда от короля. — И вместе с тем, сэр Седрик, я знаю свой долг верноподданного и готов от всего сердца свидетельствовать государю свою верность и готовность служить мечом и всем имуществом.

— Сын мой, — снова вмешалась в беседу леди Эдит, — но подумай о своих правах!

— И о свободе Англии! — добавил Седрик.

— Господи милостивый! — Ательстан вздохнул. — Оставьте вы оба меня в покое. Голод и тюрьма замечательным образом укрощают самое разгоряченное честолюбие. — Молодой сакс улыбнулся. — Я встал из гроба куда более рассудительным человеком, чем лег в него. С тех пор как начались все эти разговоры о мятежах, все эти тайные планы и переговоры, я не знал ни минуты покоя. Одни спешные поездки, переписка, сборища бородатых танов под покровом ночи… ни поспать, ни поесть как полагается! И теперь я вдвойне уверен, что все это закончилось бы гибелью ни в чем не повинных людей… Я желаю быть правителем только в собственных владениях и хозяином в своем замке!

— А как насчет хозяйки? — осторожно поин-

тересовался Седрик. — Ты не передумал взять в жены леди Ровену? Надеюсь, после всего, что случилось, твои намерения не изменились?

— Любезный Седрик, — вздохнув, произнес Ательстан и сделал знак слуге наполнить кубок, — будь же и ты, наконец, благоразумен. Для леди Ровены даже мизинец на перчатке моего родственника Уилфреда Айвенго дороже, чем я сам и все мои богатства в придачу… Взгляни, как блестят ее глаза и горят щеки, когда она обращается к Уилфреду, и ты поймешь, кого она любит и почитает на самом деле…

Как раз в это время к ним приблизилась леди Ровена и с учтивым поклоном присела рядом со своим опекуном. На ее лице играла улыбка, которую она не могла спрятать, сколько ни пыталась.

— Не надо мной ли вы смеетесь, леди? — поинтересовался Ательстан, сам едва удерживаясь от смеха. — Право, мое изможденное лицо и могильный саван не заслуживают столь жестокой насмешки. Лучше дайте мне вашу руку… Вот так! — Внезапно лицо молодого сакса стало серьезным. — Объявляю вам, леди Ровена, и вам, сэр Уилфред Айвенго, что я отказываюсь от своих прежних намерений и признаю нашу помолв-

ку недействительной. Все ли меня слышат?.. Эй, а куда же подевался Уилфред? Я только что собственными глазами видел его за пиршественным столом! Или это у меня от слабости рябит в глазах?..

Бросились искать Айвенго, однако рыцаря нигде не было. Наконец кто-то из слуг сообщил, что Уилфреда вызвали во двор замка, где свидания с ним нижайше просил некий Исаак из Йорка. Разговор с этим по-восточному одетым стариком был коротким, после чего рыцарь кликнул Гурта, потребовал подать доспехи и оружие и спешно покинул Конингсбург.

В ту же минуту леди Ровена поднялась из-за стола и выскользнула из пиршественного зала, должно быть решив, что ее положение слишком затруднительно и двусмысленно.

— Ну вот, — огорченно проговорил Ательстан, — теперь я доподлинно знаю, что из всех живущих на земле меньше всего можно полагаться на священника и женщину. Я ждал от кузины благодарности и даже братского поцелуя, а в результате остался ни с чем. Видать, проклятый могильный саван так и будет теперь тащиться за мной всю жизнь, как шлейф придворной щеголихи. Все меня покинули… — Он поискал глазами

Черного Рыцаря. — Зато королю Ричарду я могу без опаски сказать пару слов!

В следующее мгновение глаза уже слегка захмелевшего Ательстана едва не вылезли из орбит. На этот раз исчез и сам король!

Лишь спустя несколько минут в ответ на его настойчивые расспросы ключник и конюший доложили, что рыцарь в черных доспехах, так же как и Уилфред, беседовал с явившимся в замок стариком, а затем велел, чтобы ему без промедления подали коня. После этого он прыгнул в седло, усадил Исаака на лучшего мула, какой нашелся в замке, и оба умчались вдогонку за Айвенго.

— Боже мой! — воскликнул Ательстан, услышав такие новости. — Неужто за время моего отсутствия злые духи овладели этим домом! Сначала я оказываюсь в гробу, затем воскресаю и брожу по замку, словно призрак одного из собственных предков, среди всей этой толпы, которая ест и пьет за мой счет и вдобавок собирается меня похоронить… И с кем бы я ни заговорил — все исчезают без следа…

Молодой сакс вздохнул, лицо его на миг омрачилось, но потом он усмехнулся и, бесшабашно взмахнув рукой, заявил:

— Довольно на сегодня о печальном! Жизнь

продолжается! Будем пировать и веселиться, сэр Седрик, как и положено на поминках саксонского дворянина королевской крови! И нужно поторопиться, иначе, кто знает, а вдруг дьявол унесет с наших глаз и этот восхитительный ужин?

Глава 40

А в это время у стен обители Темплстоу, так же как и в Конингсбурге, собралась многолюдная толпа. Незадолго до того часа, когда должен был решиться вопрос о жизни и смерти Ребекки, из всех близлежащих селений сюда сошлись толпы местных жителей. Но если в Конингсбурге шумно веселились, словно на сельской ярмарке или приходском празднике, здесь царили уныние и страх.

Взгляды множества простолюдинов были прикованы к воротам прецептории, но еще больше народу окружало ристалище, принадлежавшее рыцарям-храмовникам.

Это была просторная и хорошо утоптанная поляна, прилегавшая к стенам обители. В обычное время ристалище предназначалось для военных и рыцарских упражнений членов ордена. Оно находилось на плоской вершине живописной возвышенности и было обнесено прочной оградой. Храмовники часто приглашали в прецепторию знатных ценителей суровых рыцарских забав, поэтому вокруг арены были устроены галереи и

скамьи для зрителей.

На восточной стороне арены находилось место, предназначенное для магистра ордена Храма Луки Бомануара — тяжелое резное кресло, похожее на трон, окруженное скамьями для влиятельных членов ордена. Здесь же развевалось на флагштоке священное белое знамя с красным крестом, а на спинке кресла магистра был начертан по-латыни девиз ордена: «Господи, не нам, но имени Твоему ниспошли славу!»

На противоположном краю ристалища возвышался врытый в землю столб, обвитый тяжелыми цепями, вокруг него было сложено топливо для костра; между грудами бревен и хвороста оставался лишь узкий проход — там и должна была пройти Ребекка. Место будущей казни охраняли четверо палачей-эфиопов, чьи мрачные, черные как уголь физиономии приводили в замешательство публику, видевшую в них посланцев ада.

В толпе, глазевшей на эфиопов, вполголоса перешептывались, обмениваясь новостями о проделках сатаны, который сверх всякой меры разгулялся в нынешнее смутное время.

— Слыхали, дядюшка, — вполголоса сообщал молодой поселянин пожилому мастеровому, — что дьявол унес вместе с душой и тело знатного

сакса Ательстана?

— Как же, как же. Однако по заступничеству Святого Дунстана вернул обратно и то, и другое…

— Неужто вернул? — восклицал бойкий паренек в зеленом кафтане, стоявший поблизости. — А вот мне говорили совсем другое…

Позади этих двоих топтался рослый молодец с арфой за плечами — деревенский менестрель. На нем была пестро расшитая рубаха, а на шее болталась массивная цепь с ключом для настройки инструмента. Менестрель был родом из Шервуда, о чем свидетельствовала гравировка на серебряной бляхе, прикрепленной к его правому рукаву.

— О чем это вы толкуете? — полюбопытствовал менестрель. — Я пришел сюда сложить одну песню, но, сдается мне, напал на целых две…

— Ательстан умер, — продолжал поселянин, — или был похищен… Я своими ушами слышал, как из обители Святого Эдмунда доносятся заупокойные молитвы. В Конингсбурге готовились к богатым поминкам…

— Упокой, Господи, его душу, — скорбно произнес мастеровой и покачал головой. — Жалко. Не так уж много осталось древней саксонской крови…

— Говори дальше, парень! — нетерпеливо пе-

ребил менестрель старика, отодвигая локтем юношу в зеленом кафтане. — Да поживее — скоро начнут…

— Рассказывай, — вмешался в разговор дюжий монах с посохом. — А ежели что не так, я поправлю. Да только не ври, Господь этого не любит.

— Зачем мне брать грех на душу, отче? — обиделся поселянин. — За что купил, за то и продаю… Одним словом, похоронили Ательстана в монастыре…

— Первая ложь! — прогудел монах. — Не далее как сегодня я своими глазами видел его во дворе конингсбургского замка. Живого и невредимого, хотя и малость не в себе… И главное в том, — монах победоносно оглядел публику, — что благородный Ательстан как умер при мне, так и при мне возродился к жизни!

— Да ведь и я о том же! — чуть не плача, вскричал молодой поселянин. — Вот, значит, лежит он в гробу в обители, а монахи ужинают прямо в склепе. Вдруг слышат протяжный стон, звон цепей и загробный голос: «У-у-у, злокозненные пастыри!»

Мастеровой перекрестился, шепча: «Господи помилуй, страх-то какой!»

— Вздор! — взревел монах. — Ательстан ни

единого слова в ту минуту не сказал…

Неизвестно, чем бы закончился этот спор, не оттащи менестрель монаха в сторону за сутану.

— Ты опять нарываешься, брат Тук! Мало тебе приключений? Чего ты тут крутишься — в келье тебе не сидится?

— А ты, Аллен? Вырядился, как веселая бабенка…

— Меня сюда сам предводитель послал!

— Скажу тебе по секрету, я видел Ательстана вот как тебя сейчас. И без всякого савана… Ладно, смейся, коли весело, — мрачнея, проговорил монах. — А тут у меня есть небольшое дельце…

Гулкие удары большого церковного колокола оборвали разговор двух знакомцев. Удары следовали один за другим, оповещая о начале церемонии. Толпа замерла, и в абсолютной тишине, прерываемой лишь колокольным звоном, все головы повернулись к стенам обители в ожидании выхода магистра и обличенной в колдовстве Ребекки.

Наконец подъемный мост прецептории опустился и высокие ворота распахнулись. Из них первыми выехали шестеро трубачей, за ними следовал рыцарь со знаменем ордена, затем прецепторы, по двое в ряд, и, наконец, магистр на

великолепном коне в простой сбруе. Последним показался рыцарь Бриан де Буагильбер в сверкающих боевых доспехах, но без меча, копья и щита. Все оружие несли за ним двое оруженосцев.

Узкое смуглое лицо Буагильбера, видневшееся сквозь поднятое забрало и отчасти закрытое концами длинного плюмажа, было бледным, словно он провел несколько бессонных ночей, страстным, гордым и одновременно нерешительным. Однако рыцарь правил норовистым конем твердой рукой искусного наездника и лучшего воина ордена храмовников.

По обе стороны от Буагильбера гарцевали Конрад Монт-Фитчет и Альберт де Мальвуазен, взявшие на себя обязанности поручителей рыцаря. Они были безоружны и в белых одеждах — в тех, какие храмовники носят в мирное время. За ними плотным строем следовали прочие рыцари ордена и вереница оруженосцев и пажей, одетых в черное. В основном это были молодые послушники, добивавшиеся чести быть посвященными в рыцари ордена Храма.

Далее в окружении пеших стражников, похожих на тощих воронов, медленно, но твердо шла осужденная. Девушка была смертельно бледна, однако казалась спокойной. С нее сняли все

украшения и яркую восточную одежду; голова Ребекки оставалась непокрытой, и лишь две черные косы змеились по ее стройной спине, обтянутой грубой тканью белого балахона. Маленькие ступни девушки были босы.

По толпе прошла волна шепота, и если появление надменного де Буагильбера вызвало в людях скрытую неприязнь, то Ребекка с ее трогательно-покорным выражением лица и ослепительной красотой внушала глубокое сострадание. Многие отказывались верить, что девушка по собственной воле стала орудием дьявола…

Процессия в полном безмолвии поднялась к ристалищу, прошла через ворота в ограде, обошла арену по кругу и остановилась. Магистр и его конная свита, кроме Буагильбера и его поручителей, спешились, и состоящие при рыцарях конюхи и оруженосцы немедленно увели коней за ограду.

Тем временем Ребекку подвели к черной скамье, установленной рядом с костром. Взглянув на это страшное место, где все уже было приготовлено для казни, девушка вздрогнула, закрыла глаза и начала беззвучно молиться, едва заметно шевеля губами. Спустя минуту она овладела собой, пристально взглянула на столб с цепями, как бы смиряясь со своей участью, и безразлично

отвернулась.

Между тем Лука Боманyар занял место на возвышении, и, как только все рыцари в соответствии с рангом и орденскими чинами разместились вокруг и позади него, хриплые протяжные звуки труб возвестили о начале Божьего суда. Альберт де Мальвуазен выступил вперед и положил к ногам магистра перчатку Ребекки, служившую залогом предстоящего поединка.

— Доблестный лорд и преподобный отец! — торжественно произнес Мальвуазен, — доблестный рыцарь Бриан де Буагильбер, приняв сей залог, обязался исполнить долг чести в нынешнем состязании. Тем самым он подтвердит, что девица Ребекка, дочь Исаака из Йорка, поистине справедливо заслуживает обвинения в колдовстве и смертной казни на костре по приговору святейшего ордена Храма. Рыцарь готов благородно и честно сразиться с защитником осужденной, если на то последует ваше мудрое согласие.

— Принес ли рыцарь клятву, что будет биться за честное и правое дело? — спросил магистр. — Подайте сюда распятие…

— Высокопреподобный отец, — поспешно ответил Мальвуазен, — брат наш Бриан де Буагильбер уже принес клятву в присутствии рыцаря Ко-

нрада Монт-Фитчета. Дважды присягать ему нет надобности, так как противница его не христианка и он не имеет права скрестить с ней оружие.

К радости Мальвуазена, магистр вполне удовлетворился таким объяснением. Зная нежелание Буагильбера приносить публично подобную присягу, настоятель пустился на хитрость, и она удалась.

Лука Бомануар дал знак герольду начинать. Трубы загремели, и герольд, выйдя на арену, звонко воскликнул:

— Слушайте, слушайте, слушайте! Храбрый рыцарь сэр Бриан де Буагильбер готов сразиться со всяким свободнорожденным рыцарем, который согласится выступить в защиту еврейки по имени Ребекка в качестве ее представителя в судебном поединке. Защитнику осужденной предоставляются равные права с рыцарем ордена Храма…

Снова зазвучали трубы, а затем наступила продолжительная тишина.

— Кто желает выступить защитником? — громко спросил магистр Бомануар и удовлетворенно заключил: — Итак, мы видим, что никто не явился… Обратитесь к подсудимой с вопросом, ожидает ли она кого-либо, кто выразил согласие

участвовать в поединке!

Герольд направился к Ребекке, и в ту же минуту, нарушая ход церемонии, Бриан де Буагильбер тронул свою лошадь и поскакал в сторону костра, так что приблизился к девушке одновременно с посланцем магистра.

— Что он делает? — вполголоса спросил Мальвуазен, обеспокоенно наклонившись к Луке Боманyару. — Допускается ли это правилами?

— Мы не можем препятствовать противникам общаться друг с другом, ибо это способствует обнаружению истины. Ведь так мы взываем к суду Божьему… Что она сказала? — обратился магистр к герольду, когда тот, возвратившись, предстал перед ним.

— Осужденная не признает себя виновной, снова настаивает на поединке и просит законной отсрочки. По истечении назначенного вами срока, если ее защитник так и не явится, она смиренно примет волю Господа.

— Чтобы никто не смог упрекнуть нас в несправедливости и несоблюдении закона, — важно проговорил магистр, — пока солнце не склонится к закату, мы будем ждать… Как только это время истечет, злосчастная преступница должна приготовиться к смерти.

Ребекка, задумчиво опустив голову, с покорностью выслушала решение магистра. Внезапно до нее донесся негромкий голос Бриана де Буагильбера, который заставил ее вздрогнуть и вызвал гораздо большую тревогу, чем слова герольда.

— Слышишь ли ты меня, дорогая Ребекка?

— Ступай прочь, жестокий рыцарь, я не желаю иметь с тобой ничего общего! И больше не смей обращаться ко мне!

— Я не понимаю, что здесь происходит… — словно в исступлении зашептал храмовник. — Это ристалище, этот костер, эти вязанки дров и черные призраки палачей… Я знаю, для чего они тут, но это кажется мне чудовищным сном…

— В отличие от тебя, — не удержалась от презрительной усмешки девушка, — я воспринимаю все происходящее как самую настоящую явь.

— Послушай, Ребекка, — пробормотал Буагильбер, — у тебя еще есть возможность спасти свою жизнь. Садись в седло позади меня… мой конь быстр, как ни у кого, и через час никакая погоня нам не будет страшна… Пусть я буду проклят, пусть имя Бриана де Буагильбера будет навечно покрыто позором и предано забвению, но ты мне дороже всего! Для нас откроется целый мир…

— Уходи, — с мукой проговорила девушка. — Ты

мне не нужен. Лучше умереть, чем стать твоей. Я ненавижу тебя, рыцарь…

Ребекка умолкла и отвернулась, потому что к ним приближался настоятель, встревоженный продолжительным отсутствием Буагильбера.

— Ну что, может, ведьма хотя бы тебе призналась в своих преступлениях? — с усмешкой спросил Альберт Мальвуазен.

— Упряма, как тысяча бесов, — с раздражением ответил храмовник.

— В таком случае, благородный брат, ты должен вернуться на свое место и терпеливо ждать окончания срока. Тень уже начала удлиняться… Идем, храбрый Буагильбер, украшение нашего святого ордена! — С этими словами прецептор протянул руку, чтобы взять под уздцы коня рыцаря.

— Лицемер! Не трогай мои поводья! — с гневом вскричал Бриан де Буагильбер, отталкивая руку Мальвуазена, и бешеным галопом помчался на противоположный конец ристалища…

Два следующих часа прошли в напрасном ожидании рыцаря-защитника. Толпа приуныла, некоторые зрители, утомившись бездельем, начали расходиться.

— Причина налицо, — заметил монах в толпе, обращаясь к менестрелю. — Хоть она и редкост-

ная красавица, однако чужих кровей. Эх, если бы не мой сан… Клянусь, этот посох изрядно бы поплясал на спинах надутых храмовников. А теперь, похоже, уже никто не вступится за девушку…

Среди членов ордена тоже все чаще звучали предположения, что колдунью сожгут еще до темноты. Приближалась пора объявить залог Ребекки недействительным. Наконец магистр дал знак герольду приблизиться, но в ту же минуту в распахнутых воротах ристалища показался всадник.

Сотни голосов в толпе взревели: «Защитник! Защитник!», однако по мере приближения рыцаря к центру арены восторг сменился возгласами разочарования. Лошадь рыцаря, видимо, промчалась десятки миль без остановки, едва передвигала ноги и мелко дрожала от усталости, а сам всадник, покрытый с головы до ног пылью и дорожной грязью, с трудом держался в седле.

Однако на требование герольда объявить свое имя и цель своего появления здесь вновь прибывший твердо и с достоинством ответил:

— Я, честный рыцарь дворянского рода, явился сюда, чтобы копьем и мечом оправдать девицу Ребекку, дочь Исаака из Йорка, ради торжества

закона и справедливости и отмены вынесенного девице смертного приговора как лишенного оснований и ложного. А также для поединка с сэром Брианом де Буагильбером, которого я объявляю предателем, убийцей и презренным лжецом. Со мною Господь Бог, Пресвятая Дева и мой покровитель святой Георгий.

— Незнакомец, — надменно произнес прецептор Мальвуазен, — ты обязан привести доказательства, что являешься настоящим рыцарем благородного происхождения. Орден Храма не дозволяет своим братьям сражаться против тех, кто прячет лицо…

— Мое имя, — произнес рыцарь, открывая забрало, — много древнее и известнее твоего, Альберт Мальвуазен. Я — Уилфред Айвенго!

Слова Уилфреда перебил внезапно охрипший голос де Буагильбера:

— Я не стану с тобой сражаться. Сперва залечи свои раны, добудь лучшего коня вместо этой дохлой клячи, и тогда, быть может, я и смогу без унижения для себя вышибить из тебя дух.

— А! Высокомерный рыцарь Храма! — воскликнул Айвенго. — Ты, должно быть, забыл, что дважды побывал на земле, пораженный моим копьем! Вспомни-ка ристалище в Акре и турнир

в Ашби. Неужто забыл, как ты на каждом шагу похвалялся, что одолеешь рыцаря Айвенго и восстановишь свою честь? И если ты немедленно не вступишь бой, при всех дворах Европы и в каждой прецептории твоего ордена тебя станут звать не иначе, как трусом!

Храмовник бросил взгляд на Ребекку и, заметив, что девушка не сводит горящих глаз с Уилфреда, в бешенстве взревел:

— Саксонская дворняга! Держи крепче свое копье и готовься к смерти!..

— Разрешает ли мне Великий магистр вступить в единоборство? — спокойно осведомился Айвенго, оборачиваясь к Бомануару.

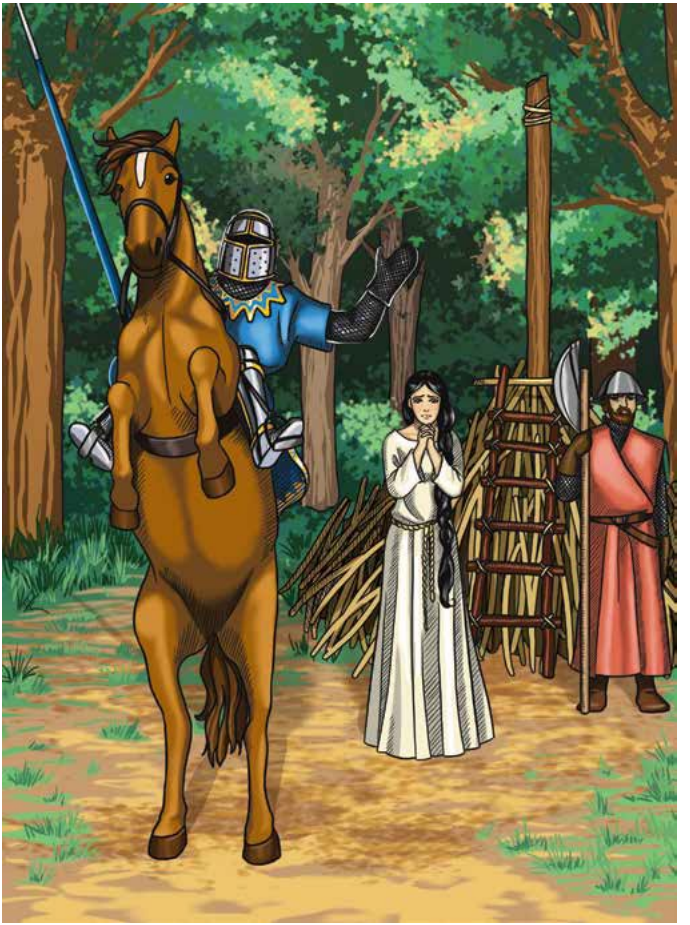
— Не имею права отказывать тебе в этом. Однако необходимо, чтобы обвиняемая подтвердила твое право выступить ее защитником… Хотя, если по справедливости, ты, рыцарь, проделал долгий путь и еще не готов к битве. Я бы хотел, чтобы условия для участников поединка были равными.

— Пусть будет как будет. Здесь не турнирная забава, а Божий суд… Ребекка! — Айвенго приблизился к месту казни. — Признаешь ли ты меня своим защитником?

— Да! Признаю! — воскликнула девушка в ве-

личайшем волнении. — О нет! Ты не должен. Эти раны… Ты погибнешь из-за меня…

Но Уилфред Айвенго уже не слышал ее — опустив забрало, он в нетерпении мчался к центру ристалища с копьем наперевес.



То же самое не замедлил сделать и Бриан де Буагильбер. Однако оруженосец, застегивая пряжку на шлеме храмовника, успел заметить, как изменилось бледное до этого лицо рыцаря — по нему пошли багровые пятна.

Герольд, видя, что оба противника готовы к схватке, трижды громко провозгласил:

— Исполняйте свой долг, доблестные рыцари!

Затем он отступил в сторону, а магистр Лука Бомануар бросил на арену залог поединка, перчатку Ребекки, и произнес роковые слова:

— Начинайте!

Грянули трубы, толпа зрителей замерла, и рыцари понеслись навстречу друг другу.

И тут произошло то, чего все ожидали и боялись: измученная долгой дорогой лошадь Айвенго и ее еще не окрепший всадник от первого же удара меткого копья храмовника рухнули на арену. Горячий конь пронес Буагильбера мимо и остановился.

Случилось нечто непредвиденное. В момент столкновения копье Уилфреда лишь слегка задело щит противника, однако, к общему удивлению, Бриан де Буагильбер покачнулся в седле, потерял стремена и, в свою очередь, выскользнул из седла и пал на землю.

Айвенго мгновенно высвободился из-под своего неподвижно лежащего коня, вскочил, выхватил меч и бросился к храмовнику. Однако его противник не пошевелился и даже не сделал попытки подняться на ноги, чтобы продолжить бой. Наступив рыцарю ногой на грудной панцирь, Уилфред приставил конец меча к его горлу и потребовал сдаться, угрожая немедленной смертью.

Но Бриан де Буагильбер продолжал лежать молча и неподвижно.

— Не убивай его, сэр рыцарь! — воскликнул Великий магистр. — Не губи душу нашего брата без исповеди и отпущения грехов! Мы признаем твою победу!

Лука Бомануар спустился на арену и приказал снять шлем с побежденного. Глаза Буагильбера были закрыты, на сине-багровом лице застыла последняя судорожная улыбка.

Вскоре и эта страшная ухмылка смерти стала таять, щеки покрыла бледность, черты лица заострились. Даже не задетый копьем своего противника, храмовник пал жертвой собственных необузданных страстей.

— Воистину свершился суд Божий! — с трепетом проговорил магистр ордена Храма. — Да будет во всем его воля.

Глава 41

Над ристалищем повисла напряженная тишина.

Лишь Уилфред Айвенго нарушил ее, задав единственный вопрос:

— Признает ли магистр мои действия соответствующими правилам судебного поединка?

— Вполне! — произнес Лука Бомануар. — Объявляю девицу Ребекку свободной и невиновной. Оружие, доспехи, конь и прах умершего рыцаря остаются в распоряжении победителя.

— Я не желаю пользоваться имуществом рыцаря, — ответил Айвенго, — и не предам на позор его мертвое тело. Буагильбер сражался честно. Рука Божья, а не человеческая поразила его. Пусть его похоронят без лишней пышности, как и подобает умершему за неправое дело. Что же касается девушки…

Слова Айвенго были прерваны топотом множества лошадей. Земля задрожала — очевидно, приближалась целая лавина всадников. Наконец в воротах ристалища показался Черный Рыцарь, а за ним — отряд конных воинов и рыцарская

свита в полном вооружении.

Всадники спешились у возвышения, где собрались храмовники.

— Мы таки опоздали! — недовольно воскликнул Ричард. — Я, собственно, хотел было оставить этого Буагильбера себе, но… Стоило ли тебе, Айвенго, браться за подобные дела, когда ты едва стоишь на ногах?

— Не я, а само Провидение, государь, — ответил Айвенго, — покарало этого гордеца. Бриан де Буагильбер не заслуживал почетной смерти, которую вы для него избрали.

— Мир его праху, если только это возможно, — проговорил Ричард Львиное Сердце, взглянув на неподвижно лежащее тело храмовника. — Он был храбрым рыцарем и умер в доспехах как истинный воин… Но нечего понапрасну терять время. Сэр Бохун, исполняй свои обязанности!

Один из рыцарей свиты короля спрыгнул с седла, выступил вперед и, опустив тяжелую руку на плечо настоятеля, сурово произнес:

— Я беру тебя, Альберт Мальвуазен, под стражу как государственного преступника!

Лука Боманyар, до этого пораженно молчавший, спросил:

— Кто смеет арестовывать рыцаря Храма Си-

онского в стенах его прецептории, да еще и в присутствии Великого магистра ордена? Кто должен ответить за это дерзкое оскорбление?

— Мое имя Генри Бохун, граф Эссекс, я — главнокомандующий всеми войсками Англии.

— К тому же граф берет под стражу Мальвуазена, — прибавил король, открывая забрало шлема, — по приказанию Ричарда Плантагенета, которого ты, магистр, видишь сейчас перед собой… Конрад Монт-Фитчет, твое счастье, что ты родился не моим подданным! Что до Мальвуазена и его брата Филиппа, то оба будут казнены еще до окончания этой недели…

— Я обжалую твой приговор! — выкрикнул магистр в лицо королю.

— Взгляни на башню этой обители, храмовник, — усмехнулся Ричард, — там развевается английский королевский флаг, а не орденское знамя. И отныне всегда будет так. Смирись, Лука Бомануар, и будь благоразумен, если ничего поделать не можешь!

— Я подам жалобу Святейшему Престолу. Ты нарушил права и привилегии ордена Храма, данные самим Папой!

— Поступай как знаешь, — сказал король. — Однако лучше бы тебе не толковать о нарушении

прав после того, как вы свили тут гнездо заговорщиков… Поезжай со своей верной свитой в другую прецепторию, авось тебя где-нибудь примут. А можешь и остаться, если хочешь быть свидетелем истинного правосудия…

— Что? Мне оставаться гостем в доме, где я должен быть повелителем? — воскликнул Лука Бомануар. — Ни за что! Рыцари, оруженосцы и служители, следуйте за знаменем святого ордена Храма!

Магистр величественно приосанился под взглядом короля. Растерянные храмовники столпились вокруг него, словно овцы вокруг сторожевой собаки, услышавшие близкий вой голодного волка. Однако страха в них не чувствовалось — на смену первоначальному удивлению пришла враждебность. Они сомкнулись в ряд, выставив копья, а позади рыцарей черной стеной замерли стражи прецептории и оруженосцы. Толпа зрителей, в которой еще недавно звучали насмешки и выкрики возмущения, глухо загудела при виде грозного строя испытанных воинов.

Граф Эссекс, видя, что храмовники приняли боевой порядок, дал команду своим ратникам быть готовыми к схватке. И только король Ричард, будто радуясь опасности, промчался вдоль строя

рыцарей, со смехом подзадоривая их:

— Что же это вы, почтенные господа, насупились? Неужели не найдется ни одного достойного рыцаря, который преломил бы копье с самим королем Англии?

— Слуги святого Храма! Остановитесь!.. — воскликнул магистр. — Коня мне… — Лука Бомануар взобрался в седло и направился к королю. — Я не позволю ни одному из членов ордена сразиться с тобой, английский государь. Наш орден не служит мирской тщете и гордыне… За мной, братья!

Он подал знак к выступлению, и трубачи тотчас заиграли восточный марш, обычно служивший рыцарям Храма сигналом к походу. Храмовники тут же перестроились в колонну и медленно двинулись к воротам, как бы желая показать, что уходят с поля боя единственно по воле своего Великого магистра, а не из страха перед противником. Толпа возбужденно зашумела, увидев спины последних всадников. Один монах Тук был разочарован и, не удержавшись, погрозил им вслед своим пудовым посохом…

В это время Ребекка, обессилевшая и потрясенная переменой своей судьбы, лежала на руках старого отца, который уселся прямо на землю у позорного столба с цепями. Девушка находилась

в полузабытьи и совершенно не сознавала того, что происходило вокруг.

— Пойдем, моя дорогая дочь, бесценное мое сокровище, упадем к ногам этого доброго юноши, — наконец прошептал Исаак, и Ребекка опомнилась.

— Нет, отец! — встрепенулась она. — Я не могу… я не решусь сейчас говорить с ним, мне так много нужно ему сказать… Ты прав, но не теперь. Бежим скорее из этого страшного места!..

— Но как же так, Ребекка? Разве можно не произнести ни слова в благодарность тому, кто рисковал жизнью ради тебя! Тому, кто вызвался стать защитником моей единственной дочери, едва я только назвал ее имя! — огорчился старик. — Нас по праву назовут неблагодарными собаками…

— Отец! — Ребекка с трудом поднялась на ноги и взглянула на арену, но того, кого она искала глазами, не было видно среди множества рыцарей и воинов. — Сейчас не время, тем более что я вижу там самого короля Ричарда…

— Что ты сказала? — Исаак мигом вскочил на ноги и схватил дочь за руку. — И в самом деле… Идем же скорее отсюда, золотая моя, ты верно рассудила… — Старик потащил Ребекку прочь с

ристалища к носилкам, которые дожидались у ворот. При этом он не переставал бормотать себе под нос: — Вот уж кому мне не следовало бы попадаться под горячую руку… Ричард не простит мне тех денежных делишек, которые я вел с его братцем…

Так Ребекка, чья судьба на протяжении всего этого дня волновала всю округу, исчезла незамеченной, и теперь внимание зрителей было приковано к Черному Рыцарю. Снова и снова над ристалищем разносились восторженные крики: «Да здравствует Ричард Львиное Сердце! Долой храмовников!»

Однако вскоре король покинул арену, ристалище опустело и народ стал расходиться. Кто-то радовался благополучному исходу судебного поединка, но были и такие — правда, их можно было перечесть по пальцам, — которые досадовали, что не довелось поглазеть на пылающий костер и корчащуюся в пламени ведьму.

Айвенго не спеша ехал рядом с графом Эссексом; оба всадника замыкали почетный эскорт короля Англии.

— Хорошо еще, что король не примчался в одиночку и предусмотрительно захватил тебя и твой отряд… — заметил Уилфред. — При его

неукротимой удали и безрассудстве можно было ожидать чего угодно.

— Как бы не так, сэр Айвенго, — засмеялся граф. — Нашему королю не свойственна мудрая предусмотрительность. Как раз в это время я вел отряд к Йорку, где собрались сторонники принца Джона, и в пути случайно встретился с государем… Как и подобает странствующему рыцарю и борцу за справедливость, Ричард в сопровождении полуживого еврея-финансиста мчался спасать его дочь. Мне едва удалось убедить короля дать приказ моему отряду поворачивать коней…

Глава 42

Мятеж принца Джона потерпел полную неудачу.

Как только в Йорке разнеслась весть о том, что к городу приближается многочисленное воинство во главе с королем Англии Ричардом, заговорщики скрылись и принц окончательно лишился своих сторонников.

Он сам явился к венценосному брату с повинной. Ричард встретил принца довольный, словно после удачной охоты, однако заявил, указывая в окно на расположившиеся у стен Йоркской крепости отряды графа Эссекса: «Джон, видишь, тут со мной очень серьезные и сердитые молодцы. Поезжай-ка ты лучше к нашей матушке в Аквитанию, передай ей мое почтение и сыновнюю любовь… Погости у нее, отдохни. И оставайся при ней, пока в Англии не наступят более мирные времена…»

Последовавшие после этих событий судебные процессы были подробно описаны составителями исторических хроник и летописей.

Морис де Браси бежал за море и нашел прибе-

жище при дворе французского короля, поступив к нему на службу. Филипп де Мальвуазен и его брат Альберт, настоятель обители Темплстоу, были казнены. Никто не пожалел об их участи — кару они понесли вполне заслуженную, ибо многие пострадали от их деспотизма и крайней жестокости. Вальдемар Фиц-Урс, душа заговора и его вдохновитель, отделался изгнанием из Англии, а о принце Джоне все скоро позабыли…

Король Ричард остался в Йорке для восстановления в близлежащих графствах порядка и спокойствия, нарушенных алчностью и властолюбием его брата. А спустя недолгое время Седрик Сакс был призван к королевскому двору.

Получив это приглашение, Седрик выразил крайнее недовольство, однако не мог не повиноваться. Возвращение Ричарда уничтожило последнюю надежду на восстановление саксонской династии на английском троне. Кроме того, он должен был, хоть и с большой неохотой, признать, что нынешний король любим народом, который в случае междоусобной войны наверняка встанет на сторону Ричарда.

Тщательно подготавливаемый Седриком брак леди Ровены с благородным Ательстаном также дал глубокую трещину. После своего чудесного

восстания из мертвых Ательстан затеял нескончаемую распрю с местным духовенством. Седрик прибыл к нему, чтобы снова — причем только из чистого упрямства, ни на что уже не надеясь, — потолковать все о том же: о союзе с его воспитанницей, объединении саксов и спасении страны. Потомка саксонских королей владелец Ротервуда застал лениво возлежащим на кушетке с кубком вина в руке.

К этому времени дух мщения, овладевший Ательстаном, поутих, и вместо тех ужасов, которые он сулил настоятелю монастыря Святого Эдмунда, благородный сакс ограничился справедливым, но суровым наказанием. То ли по врожденному благодушию, то ли уступая просьбам леди Эдит, то ли вспомнив евангельское «око за око и зуб за зуб», Ательстан заточил аббата вместе с его братией в подземелье Конингсбурга ровно на три дня — но без пищи и воды. Однако аббат, едва выйдя на свободу и натерпевшись от голода, холода и крыс в темнице, пригрозил хозяину замка отлучением от Церкви, и затихшая было война вспыхнула снова…

— Друг мой Седрик, — простонал Ательстан при виде гостя, — они меня со свету сживают! Я смертельно устал…

— Да о ком ты, благородный рыцарь?

— О проклятых церковниках…

Седрик досадливо отмахнулся и завел старую песнь. Но едва он произнес имя леди Ровены, Ательстан встрепенулся, поднял кубок и попросил у Седрика позволения выпить за здоровье прекрасной леди и за ее союз с Уилфредом Айвенго. Поскольку говорить больше было не о чем, Седрик потребовал у слуги тоже подать ему кубок…

Влюбленные получили согласие и благословение Седрика Сакса, и вскоре был назначен день свадьбы. Венчание леди Ровены и сэра Уилфреда состоялось в величественном кафедральном соборе города Йорка и было совершено со всей торжественностью, присущей таинствам Римской церкви. Сам король Ричард присутствовал среди гостей, и его любезное внимание к многочисленной саксонской родне жениха и невесты, прежде унижаемой норманнами, дало саксам надежду на мирное восстановление отнятых у них прав. Это бракосочетание стало залогом скорых перемен и будущего согласия между двумя народами.

Забегая далеко вперед, скажем, что Седрику удалось дожить до тех времен, когда норманны

оставили свое высокомерие, а саксы смягчились к завоевателям и даже начали учить своих детей норманнским премудростям и этикету.

Кроме близких, на пышном свадебном пиру присутствовало великое множество простого люда, восторженно приветствовавшего прекрасную молодую чету.

Преданный Гурт, щедро награжденный, окончательно утвердился в должности оруженосца Айвенго, а самоотверженный Вамба получил в подарок новый колпак, великолепно украшенный серебряными колокольчиками. Оба они, делившие опасности с Уилфредом, имели полное право остаться рядом с рыцарем, теперь в куда более счастливых обстоятельствах…

Глава 43

Спустя два дня после венчания Эльгита, горничная леди Ровены, явилась с докладом, что какая-то девушка просит принять ее для беседы с глазу на глаз. Леди Ровена удивилась, однако, немного поколебавшись, все-таки велела привести посетительницу и дала указание слугам удалиться. Сама же присела, набросив на лицо тонкое белоснежное покрывало.

Незнакомка оказалась очень молодой женщиной благородной наружности; она была с макушки до пят закутана в светлую ткань, расшитую золотой нитью. Покрывало скорее подчеркивало, чем скрывало гибкие линии ее изящной фигуры и горделивую осанку. Вела себя посетительница почтительно, но без всякого страха или желания снискать расположение к себе.

Леди Ровена предложила загадочной гостье присесть, однако та, оглянувшись на Эльгиту, вновь выразила желание говорить без свидетелей. Едва служанка покинула комнату, как, к величайшему удивлению леди Ровены, девушка опустилась на колено, прижала руки ко лбу и,

склонившись до пола, поцеловала край одежды хозяйки дома.

— Что это означает? — смутилась леди Ровена. — Почему вы оказываете мне столь необычные почести?

— Благородная госпожа, — проговорила гостья, — простите меня за дерзость, но это всего лишь знаки почтения, принятые у моего народа. И это лишь малая дань благодарности и уважения по отношению к вашему супругу Уилфреду Айвенго… Я — та несчастная Ребекка, из-за которой он рисковал своей жизнью в поединке с храмовником Буагильбером в Темплстоу…

— Уилфред Айвенго, — воскликнула леди Ровена, — в тот день постарался хотя бы малой мерой отплатить вам за ваш неусыпный уход за беспомощным раненым! Располагайтесь же, милая Ребекка! Не можем ли мы с сэром Уилфредом чем-нибудь служить вам?

— Мне ничего не нужно, — произнесла Ребекка, — но я прошу вас, леди, передать сэру Айвенго мою глубокую благодарность и прощальный поклон.

— Разве вы покидаете Англию?

— Мы с отцом уезжаем, миледи, еще до конца этого месяца. У моего отца есть родной брат, который в большой милости у халифа Гранады Мохаммеда Боабдила. Туда мы и отправляемся искать покоя, тишины и более счастливой жизни. Мы поселимся в Гранаде, уплатив дань, требуемую мусульманским законом…

— Разве в Англии у вас не найдется покровителей? — не удержавшись, перебила девушку леди Ровена. — Мой муж близок к королю Ричарду, который справедлив и великодушен.

— Я в этом не сомневаюсь, однако — и вы это, добрая леди, знаете — англичане постоянно находятся в состоянии войны с соседями, друг с другом, с иноверцами… И всегда готовы обнажить мечи… Здесь не будет мира моему племени. — Ребекка грустно покачала головой. — Мы ведь вечные изгнанники.

— Но вам нечего бояться! Девушке, которая спасла жизнь Уилфреда Айвенго, верного слуги короля, — убежденно проговорила леди Ровена, — не стоит опасаться преследования в Англии. Все — и норманны, и саксы — будут наперебой воздавать вам почести…

— Мои заслуги и добрые намерения не разру-

шат преград, лежащих между нашими народами, добрая леди, — сказала Ребекка. — Различия в вере, в воспитании и многое другое не позволит вам и нам стать ближе… Прощайте же! Я прошу лишь исполнить мою единственную просьбу, прежде чем я покину ваш дом навсегда. Ваше лицо сейчас закрыто, как было закрыто и тогда, когда мы впервые встретились в лесу… Дайте же взглянуть на него, леди Ровена, ведь говорят, что вы — прекрасны!

— Молва всегда преувеличивает, — улыбнулась леди Ровена. — Я сделаю это при одном условии. Вы должны сделать то же самое.

Ребекка молча кивнула.

Ровена отбросила накидку, и от застенчивости нежная кожа ее лица залилась румянцем, однако она не опустила глаз и с восхищением смотрела на открывшиеся перед ней необычные черты гостьи. Ребекка тоже вспыхнула, затем ее лицо омрачилось, будто тень облака нависла над ней. Девушка слегка покачнулась и на секунду поникла. Однако на тревожный вопрос леди Ровены, здорова ли она, Ребекка ответила:

— Все хорошо, миледи… Ваше кроткое лицо и его благородные черты будут вечно жить в моей памяти. Я благодарю Бога за то, что оставляю дом

моего случайного защитника, зная, что рядом с ним вы, леди Ровена… — Казалось, Ребекку покидают последние силы, однако она справилась с собой и уже со спокойной улыбкой добавила: — Воспоминания о пережитом все еще мучают меня… Прощайте! Мне осталось только вручить вам самую незначительную часть моего долга. Примите от меня в дар этот ларец…

Леди Ровена открыла оправленный в серебро ящичек черного дерева, который передала ей гостья. На синем бархате сверкнули драгоценности — алмазные серьги и ожерелье.

— Нет! — воскликнула она, протягивая ларец Ребекке. — Я не могу принять такой дорогой подарок.

— Оставьте это у себя, леди, — возразила Ребекка. — Не унижайте меня. Вы имеете власть, знатность, влияние. Мы же обладаем только богатством. Оно источник нашей силы и слабости. Однако все мое богатство не стоит и малой доли того, что вы можете получить всего одним своим словом или взглядом… например, любовь, сердечную дружбу, преданность. Примите этот дар, леди Ровена, в память обо мне. Для меня драгоценности не имеют цены — я никогда больше не буду носить украшений… Передайте слова

благодарности вашему супругу, сэру Уилфреду Айвенго, если он еще помнит о той, которую спас от ужасной смерти…

Тут голос Ребекки предательски дрогнул; глубокая печаль и нежность, зазвучавшие в нем, подсказали леди Ровене то, чего девушка не хотела и не могла произнести. Необычная гостья поспешно простилась с хозяйкой дома и почти выбежала из покоев.

* * *

Леди Ровена и Уилфред Айвенго жили долго и счастливо. Когда оба они были еще очень молоды, судьба всячески препятствовала тому, чтобы юноша и девушка были вместе, и от этого их любовь стала еще сильнее. Вспоминал ли Уилфред прекрасную еврейку Ребекку — об этом только Богу известно; лишь однажды, на заре их супружества, леди Ровена упомянула имя девушки, поведав ему о необычном посещении Ребекки и показав удивительный подарок.

Уилфред Айвенго успешно служил при дворе и по-прежнему был в чести у короля. Он мог бы достичь и большего, если бы этому не помешала преждевременная смерть Ричарда Львиное Сердце, павшего во Франции у стен замка Шалю близ

Лиможа. С окончанием жизни и правления этого великодушного короля, рыцаря и романтика, легкомысленного и равнодушного к государственным делам, погибли все честолюбивые мечты и грандиозные планы, которые завещал своему сыну неистовый Седрик Сакс.